

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2023

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor O.U. Ilina (editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Барткова О.Г.

О развитии правового субинститута о выморочном имуществе в период действия части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации в аспекте межотраслевых связей в системе права России.....7

Зверева П.К., Кириллов Д.А.

О соотношении правовых последствий притворной сделки и нарушения запрета на притворность в бухгалтерском учете.....14

Козырева Е.В.

О развитии института компенсации морального вреда с учетом потребностей практики.....22

Туманова Л.В.

Статус лиц, содействующих правосудию, как важный фактор в доказывании.....27

Актуальные вопросы публичного права

Вобликов А.Б.

Актуальные вопросы определения объектов таможенного контроля.....36

Гайдашов А.В.

Проблемы уголовно-правовой охраны воинских захоронений, мемориальных объектов воинской славы России.....41

Голенко Д.В.

О некоторых аспектах построения Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан.....46

Субботин Ю.Б.

Таможенный контроль при электронном декларировании товаров.....52

Тарусина Н.Н.

Формально-юридические предположения о преодолении моратория на смертную казнь.....56

Трофимец И.А.

Частноправовые меры защиты женщин от насилия в семье (на примере Испании).....66

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Гафуров Р.Ф.

Вопросы злоупотребления правом на товарные знаки в контексте пункта 154 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23 апреля 2019 года.....75

Жуков Ф.Ф.

Осуществление сноса объекта капитального строительства: правовое регулирование и некоторые особенности.....82

Захаров Г.Н.

Некоторые вопросы правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции среди несовершеннолетних.....91

Ковалев О.Г., Щербаков А.В.

Правовые и организационные проблемы применения интегрированных систем безопасности в современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы.....97

Огаркова Н.О.

К вопросу о необходимости и целесообразности маркировки товаров.....105

Радченко М.Э.

Проблемные вопросы при исполнении наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью.....112

Сухарев А.Н.

Опыт реализации государственных контрактов на юридическом факультете Тверского государственного университета: итоги 2021–2022 гг.117

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.

Некоторые вопросы развития корпоративного правового статуса и нормативного регулирования деятельности негосударственных организаций в Российской империи во второй половине XIX в.....126

Трибуна молодого ученого

Титаренко Е.П.

О понятиях семейного права в контексте согласия.....135

CONTENT

Topical issues of private law

Bartkova O.

On the development of the legal substitute on escape property in the period of part three of the civil code of the Russian Federation in the aspect of inter-branch relations in the Russian law system.....7

Zvereva P., Kirillov D.

On the ratio of the legal consequences of a feigned deal and violation of the feignfullness prohibition in accounting.....14

Kozyreva E.

On the development of the institute of compensation for moral damage, taking into account the needs of the practice.....22

Tumanova L.

Status of assistants of justice as an important factor in evidence.....27

Topical issues of public law

Voblikov A.

Opical issues of determining the objects of customs control.....36

Gaidashov A.

Problems of criminal legal protection of military graves, memorial objects of military glory of Russia.....41

Golenko D.

On some aspects of construction of the Special part of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.....46

Subbotin Y.

Customs control in the electronic declaration of goods.....52

Tarusina N.

Formal and legal assumptions about overcoming the moratorium on the death penalty.....56

Trofimets I.

Private law to protect women from violence in the family (by the example of Spain).....66

Topical issues of science and law enforcement practice

Gafurov R.

Issues of abuse of trademark rights in the context of paragraph 154 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation N 10 of April 23, 2019.....75

Zhukov F.

Carrying out the demolition of a capital construction object: legal regulation and some features.....82

Zakharov G.

Some issues of legal regulation of the circulation of alcoholic and alcohol-containing products among minors.....91

Kovalev O., Shcherbakov A.

Legal and organizational problems of application of integrated security systems in modern conditions of reforming the penal system.....97

Ogarkova N.

To the question of the necessity and expediency of labeling goods.....105

Radchenko M.

Problematic issues in the execution of punishment in the form of a ban on holding certain positions and engaging in certain activities.....112

Sukharev A.

Experience in implementing government contracts at the faculty of law Tver State University: results of 2021-2022.....117

Issues of state history and law

Smirnov S.

The second half of the nineteenth century in the Russian empire: a few issues regarding the development of corporate legal status and the normative regulation of non-governmental organizations' activities.....126

Tribune of young scientist

Titarenko E.

On the concepts of family law in the context of mutual consent.....135

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.652.4

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.1.007

О РАЗВИТИИ ПРАВОВОГО СУБИНСТИТУТА О ВЫМОРОЧНОМ ИМУЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В СИСТЕМЕ ПРАВА РОССИИ¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают нормы субинститута гражданского права о выморочном имуществе в составе Гражданского кодекса Российской Федерации. Целью работы является обоснование объективной необходимости внесенных в ст. 1151 ГК РФ изменений в период с 2007 по 2013 гг. Обосновывается определенная преемственность в этом процессе с учетом содержания определенных актов в составе гражданского законодательства дореволюционного периода. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. Помимо этого, были применены общенаучные методы (в частности, общелогические методы теоретического анализа), междисциплинарные методы (культурологический, конкретно-исторический, аксиологический, метод системного анализа) и специализированные методы юридических наук (формально-юридический, метод технико-юридического анализа, конкретизации, толкования). Сформулирована позиция автора о значении изменений положений кодекса о выморочном имуществе и о связи таких изменений с функциями публично-правовых образований, с конституционными основами и основными началами жилищного законодательства России.

Ключевые слова: *наследование, выморочное имущество, публично-правовые образования, право собственности, недвижимое имущество, жилые помещения.*

К отдельным вопросам темы исследования автор обращался и ранее – при написании диссертационного исследования в 2002 г. и статей в 2007 г., что было связано с профессиональным сотрудничеством с Нотариальной Палатой Тверской области. Насколько актуальны в настоящее время вопросы наследования Российской Федерацией выморочного имущества? Произошли ли изменения в сфере правового регулирования отношений по наследованию такого имущества?

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2023 г.).

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (далее – ГК РФ), который в первую очередь содержит базовые положения рассматриваемого субинститута, вступил в силу с 1 марта 2002 г. Таким образом, прошло уже одиннадцать лет, в течение которых этот закон действует и применяется. В составе указанной части кодекса с момента ее принятия находится ст. 1151, которая является действующей и на данный момент.

В 2007 г. руководством Нотариальной палаты Тверской области был сделан запрос нотариусам нашей области (всего 41 нотариусу) по вопросу о наличии в наследственной массе выморочного имущества, исходя из имевшихся у них в 2006 г. наследственных дел. Поступили ответы от 32 нотариусов. В итоге было выявлено 8 наследственных дел такого рода. Во всех случаях выморочным имуществом являлись жилой дом (квартира) с земельным участком, доля в праве собственности на жилое помещение. В 2023 г. Нотариальная Палата Тверской области по просьбе автора предоставила следующие сведения. Среди всех наследственных дел, имевшихся у нотариусов Тверской области в период с 2013 по 2022 гг., было выдано 303 свидетельства о праве на наследство на выморочное имущество. Всего на момент написания статьи в составе Нотариальной Палаты Тверской области осуществляют деятельность 79 нотариусов.

Со вступлением в силу 01.03.2002 г. части третьей ГК РФ к ранее существовавшим четырем очередям наследников на имущество умершего прибавилось еще четыре очереди. При этом возможность государства на вступление в наследство по закону стала еще более прозрачной, нежели во времена действия предыдущих норм наследственного права. Однако в ряде публикаций, касающихся выморочного имущества, актуальность рассматриваемого нами вопроса увязывается с демографическим состоянием в России, которое характеризуется превышением смертности населения над его рождаемостью в большинстве регионов. Иначе говоря, все более вероятны ситуации, когда из числа физических лиц – наследников некому будет наследовать то или иное имущество умершего. Полагаем, что это не столь близкое будущее.

Кроме того, актуальной в последние годы является и проблема розыска наследников умершего, которая порой трудноразрешима во причине увеличения количества дел, связанных с неизвестностью места жительства гражданина (пропажей человека), как следствие – увеличением числа розыскных дел и дел в порядке особого производства об объявлении гражданина умершим. Обязанность по розыску наследников возложена на нотариусов. Но всегда ли даже надлежащее исполнение такой обязанности приводит к установлению наследников и их места жительства? А по истечении шести месяцев после открытия

наследства и при соблюдении условий ст. 1151 ГК РФ наследственное имущество будет считаться выморочным.

Можно совершенно определенно наблюдать и другие тенденции, имеющие отношение к настоящей теме. Имеются в виду те, что связаны с развитием рынка кредитных услуг, а значит с увеличением объема заключаемых с гражданами кредитных договоров. Не все обязательства по таким договорам заемщиками исполняются. Значительной частью долговых обязательств собственников жилых помещений являются и те, которые возникают в связи с содержанием общего имущества многоквартирных домов, по договорам на оказание коммунальных услуг. В случае смерти таких должников и при отсутствии другого наследственного имущества или при превышении долгов над прочим наследственным имуществом даже имеющиеся наследники среди физических лиц любой очереди, можно предположить, откажутся от наследства. Следовательно, будут присутствовать условия для наследования хотя бы долговых обязательств в составе выморочного имущества.

Выморочным может быть как все наследственное имущество, так и его часть.

Путь к признанию имущества выморочным может быть достаточно сложным и долгим. Вполне могут иметь место споры между лицами, претендующими на наследство, и соответствующими государственными и муниципальными органами, которые в интересах соответствующего публично-правового образования отстаивают выморочность имущества. Они могут возникнуть и тогда, когда признание имущества выморочным зависит от того, будет ли наследник отстранен от наследования как недостойный или нет. Наследник может оспаривать тот факт, что им был пропущен срок на принятие наследства, или ссылаться на то, что завещание, в котором он лишен наследства, завещатель совершил, когда не отдавал отчета в своих действиях или не мог ими руководить, или имели место иные основания недействительности завещания и т.п.

Со времени первой редакции ст. 1151 ГК РФ, т.е. с 01.03.2002 г., ее содержание существенно трансформировалось. Федеральным законом от 29.11.2007 г. № 281-ФЗ были внесены изменения в п. 2 и 3 названной статьи, вступившие в силу с 15.12.2007 г. До этой даты субъекты Федерации и муниципальные образования могли быть наследниками только по завещанию. В первоначальной редакции указанной статьи, если имелись основания для перехода в порядке наследования выморочного имущества к государству, то субъектом, наделавшимся правом его принять, была указана только Российская Федерация. В таком виде норма не учитывала те обстоятельства, что, исходя из распределения полномочий между Российской Федерацией, субъектами Федерации и муниципальными образованиями, значительная часть вопросов связана с жилыми помещениями и земельными участками,

которые имели своим местом расположения территорию определенного муниципального образования.

Объективно возникла необходимость решения коллизий относительно судьбы жилых помещений, земельных участков, а также расположенных на них зданий, сооружений и иных объектов недвижимости (доли в праве общей долевой собственности на указанные объекты недвижимого имущества), которые, согласно закону, относились к выморочному имуществу. Федеральный закон от 29.11.2007 г. № 281-ФЗ решил судьбу сначала только жилых помещений, закрепив право наследования их по закону за тем муниципальным образованием (соответственно за субъектом Федерации – городами федерального значения Москвой, Санкт-Петербургом), на территории которого расположено соответствующее помещение. Логичным продолжением такого подхода явился Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 223-ФЗ (начало действия 23.07.2013 г.), которым перечень такого имущества в п. 2 ст. 1151 ГК РФ был расширен [1]. Помимо жилых помещений, к нему были отнесены: земельный участок, а также расположенные на нем здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества; доля в праве общей долевой собственности на такие объекты недвижимого имущества. При этом важно и то, что законодатель обязал включать указанные жилые помещения в соответствующий жилищный фонд социального использования. Тем самым обеспечивается и реализация функций социального значения, которая присуща всем публично-правовым образованиям. Совершенно очевидно прослеживается связь таких изменений со ст. 7, ч. 3 ст. 40 Конституции РФ, согласно которой определенным, указанным в законе гражданам (прежде всего малоимущим), нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами. Конкретизация таких гарантий закреплена через механизм регулирования, предусмотренный жилищным законодательством, в частности в основных началах такого законодательства (ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ)), в возложении на органы государственной власти и органы местного самоуправления обязанности обеспечить условия для осуществления гражданами права на жилище (ст. 2, 12–14 ЖК РФ). Конкретные правовые формы обеспечения жилым помещением из жилищного фонда социального использования предусмотрены в разделах III и III.1 ЖК РФ [2]. Таким образом, изменения, внесенные в ст. 1151 ГК РФ, позволяют пополнять такой жилищный фонд.

Иное выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации.

В последующем (Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 333-ФЗ, вступившем в силу 04.07.2016 г.) к числу городов федерального значения был отнесен и г. Севастополь.

Проанализированные выше изменения можно рассматривать как продолжение заложенного подхода в российском дореволюционном законодательстве. Так, в ст. 1162, 1163, 1263 т. X ч. 1 Свода законов Российской Империи [4] вопрос о выморочном имуществе решался следующим образом. Согласно общему правилу имущество приобреталось государством только по истечении 10 лет со времени последнего опубликования в ведомостях вызова о явке наследников, в течение которых кредиторы наследодателя имели возможность удовлетворить свои требования за счет этого имущества. При этом государство не освобождалось от оплаты долгов, на нем лежащих (ст. 1263 т. X ч. 1). Интересно, что уже и в тот период не все выморочное имущество переходило государственной казне. В Гражданском уложении имелось более десятка правовых норм, регламентирующих порядок обращения с выморочным имуществом [3]. Известный российский цивилист Г.Ф. Шершеневич видел в таком порядке конкуренцию прав. Такими конкурентами госказны, по его мнению, являлись некоторые учреждения. Например, выморочное недвижимое имущество, остающееся после потомственных дворян, обращалось в пользу дворянства той губернии, в пределах которой это имущество находилось. Движимость же, не составляющая принадлежности недвижимости, отдавалась тому дворянству, в родословную книгу которого наследодатель, или его отец, или дед были записаны. Выморочное движимое имущество, остающееся по смерти духовных властей, обращалось в духовное ведомство. Недвижимость в пределах города и отведенных ему земель, исключая принадлежащие дворянам, обращалась в пользу города. Выморочное имущество сельских обывателей поступало в собственность того сельского общества, к которому наследодатель был приписан. Выморочное имущество, которое оставалось после членов университета и чиновников учебного ведомства министерства народного просвещения, обращалось в пользу тех учебных заведений, при которых умершие находились [5].

Следует отметить, что в проекте третьей части ГК РФ первоначально было предусмотрено, что выморочное имущество переходит либо в собственность города или района (кроме района в городе) по месту открытия наследства, либо к учреждению социальной защиты, если гражданин находился на содержании в нем. Еще одним возможным вариантом был указан монастырь, если речь шла о смерти монашествующего. Однако круг имущества, переходивший от такого наследника, был ограничен его движимым имуществом, которое осталось в монастыре, а также имуществом в виде вкладов умершего в

кредитных учреждениях. Предусматривалась и возможность перехода принадлежащего умершему в виде акций (вкладов, паев) выморочного имущества к определенным корпоративным организациям (обществу, товариществу, кооперативу). Однако в последующем разработчики законопроекта отказались от этих предложений.

В п. 3 ст. 1151 ГК РФ со дня ее первоначальной редакции было предусмотрено принятие специального федерального закона, который бы регламентировал порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи такого имущества в собственность субъектов Российской Федерации или муниципальных образований. Однако до настоящего времени он не принят.

Таким образом, несмотря на возврат в гражданское законодательство понятия выморочного имущества, принятие предусмотренного в ст. 1151 ГК РФ специального закона способствовало бы устранению пробелов в гражданском праве и разрешению многих теоретических и практических вопросов в области наследственных правоотношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Проект Гражданского уложения Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/57518996/> (дата обращения: 12.02.2023).
4. Свод законов Российской Империи. Том X [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x/ (дата обращения: 12.02.2023).
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 20017. Т. 2. Разд. 7 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/shershenevich_gf_izbrannoe_t5/ (дата обращения: 12.02.2023).

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

**ON THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL SUBSTITUTE
ON ESCAPE PROPERTY IN THE PERIOD OF PART THREE
OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE ASPECT OF INTER-BRANCH RELATIONS
IN THE RUSSIAN LAW SYSTEM**

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The object of the study is the norms of the sub-institution of civil law on escheated property as part of the Civil Code of the Russian Federation. The purpose of the work is to substantiate the objective necessity of the provisions introduced in Art. 1151 of the Civil Code of the Russian Federation for changes in the period from 2007 to 2013. A certain continuity in this process is substantiated, taking into account the content of certain acts in the civil legislation of the pre-revolutionary period. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of social and legal phenomena. In addition, general scientific methods were applied (in particular, general logical methods of theoretical analysis), interdisciplinary methods (culturological, concrete historical, axiological, method of system analysis) and specialized methods of legal sciences (formal legal, method of technical and legal analysis, concretization, interpretation). The author's position is formulated on the significance of changes in the provisions of the code on escheat property and on the connection of such changes with the functions of public law entities, with the constitutional foundations and basic principles of the housing legislation of Russia.

Keywords: *inheritance, escheated property, public legal formations, ownership, real estate, residential premises.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-code: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. О развитии правового субинститута о выморочном имуществе в период действия части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации в аспекте межотраслевых связей в системе права России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 7–13.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИТВОРНОЙ СДЕЛКИ И НАРУШЕНИЯ ЗАПРЕТА НА ПРИТВОРНОСТЬ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ

П.К. Зверева, Д.А. Кириллов

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Объектом исследования выступает финансово-правовой запрет на регистрацию притворных объектов бухгалтерского учета, включая притворные сделки в учетных регистрах (далее – «запрет на притворность») в контексте отсутствия запрета на притворные сделки в гражданском законодательстве. Цель работы – изучение целесообразности согласования законоположений о «запрете на притворность» и о притворных сделках. Задачи исследования – проведение сравнительно-правового анализа «запрета на притворность», сравнение правовых последствий притворных сделок и «запрета на притворность», выявление причин различий отраслевых подходов. Обосновано, что «запрет на притворность» не только противоречит гражданскому законодательству, но и влечет неосновательные ограничения прав организаций. Сделан вывод о необходимости коррекции финансового законодательства.

Ключевые слова: объект бухгалтерского учета, притворный объект, учетный регистр, притворная сделка, притворное правовое явление, закон о бухгалтерском учете, отчетность.

Опираясь на ранее обнародованные материалы [20, с. 93], правовую притворность полагаем возможным определить как системное единство двух правовых явлений: бессодержательного, но оформленного и содержательно значимого, но не оформленного; первое правового значения не имеет, т. е. лишь номинально, а второе, напротив, имеет, поскольку существует реально.

В праве России термин «притворность» более ста лет применялся только для обозначения сущности сделок с рассогласованными номинальной и реальной сторонами [18, с. 32–33]. Такие сделки именовались сначала релятивно-симулятивными, а затем притворными [22]. В отношении иных правовых явлений с подобной «рассогласованностью» термин «притворность» и смежные с ним до 2012 г. в российских правовых актах не применялись и правовой наукой практически не исследовались [17, с. 48].

В 2013 г. в ст. 10 Федерального закона «О бухгалтерском учете» (далее – ФЗ о бухучете) включено понятие «притворный объект бухгалтерского учета»: «... объект, отраженный в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его (в том числе притворные

сделки)», – а также установлен запрет на регистрацию в регистрах бухгалтерского учета таких объектов [5] (далее – «запрет на притворность»). С марта 2016 г. нарушение «запрета на притворность» стало административно наказуемым [8] по ст. 15.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. На официальном же уровне смысл «запрета на притворность» был в декабре 2012 г. сформулирован Минфином России, указавшем, что «не подлежат регистрации ... объекты, отражаемые в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его...» [14]. Тогда же появилась и заслуживающая особого анализа документация с законопроектом Правительства РФ о «запрете на притворность» (далее – Правительственный законопроект) [13].

Так, из Правительственного законопроекта, как затем и из ФЗ о бухучете, следовало, что притворная сделка является одним из видов притворного объекта бухгалтерского учета. Однако в пояснительной записке к законопроекту [16] (далее – Записка) подход был в корне иным. В Записке указывалось, что понятие «притворный объект бухгалтерского учета» совпадает с понятием «притворная сделка» из ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ). Поскольку документы были представлены в Государственную думу «единым пакетом», налицо были признаки внутренней противоречивости концепции законопроекта [10]. Согласно ст. 105 и 118 Регламента Государственной думы [9], это, на наш взгляд, с конституционно-правовой точки зрения делало принятие закона [7] сомнительным.

Противоречивость законопроектной документации, а также сложный состав концепта «притворный объект бухгалтерского учета», по всей видимости, стали факторами, препятствовавшими научно-практическому осмыслению данной правовой новеллы. Так, до 2021 г. в научной правовой литературе не было предметных публикаций не только о «запрете на притворность», но и о понятии «притворный объект бухгалтерского учета». Правоприменительная же практика по делам о нарушении «запрета на притворность» по ст. 15.11 КоАП РФ отсутствует за весь период 2016–2022 гг.

В публикации 2021 г. была дана административно-правовая характеристика притворных объектов бухгалтерского учета в сравнении последних с составом притворных сделок [17]. Однако вопросы о соотношении правовых последствий нарушения «запрета на притворность» и притворной сделки, о законности и обоснованности «запрета на притворность» в предмет исследования не вошли. Между тем интерес, который представляют такие вопросы, очевиден.

Согласно ФЗ о бухучете, в отношении всех притворных объектов бухгалтерского учета, включая притворные сделки, установлен «запрет на притворность». Из ст. 170 ГК РФ следует, что само по себе совершение

притворной сделки законом не запрещено. В связи с этим «запрет на притворность» навряд ли выглядит в полной мере логичным, причем в части не только сделки, но и других объектов бухгалтерского учета.

Сопрягаясь с правилом бухгалтерского учета о приоритете содержания перед формой [19, с. 102], правовая притворность нашла отражение в значимой для постсоветской России Резолюции международной конференции стран СНГ по бухгалтерскому учету, где, в частности, был сформулирован тезис: «... при формировании бухгалтерской отчетности организации должны руководствоваться ... принципом ... приоритета содержания перед формой – отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из экономического содержания и условий хозяйствования ...» [15] (далее – тезис Конференции).

В декабре 1998 г. тезис Конференции получил нормативное закрепление в Положении по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» ПБУ 1/98» (далее – ПБУ 1/98), согласно п. 7 которого «... учетная политика организации должна обеспечивать ... отражение в бухгалтерском учете факторов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из экономического содержания фактов и условий хозяйствования (требование приоритета содержания перед формой) ...» [11]. Аналогичная формулировка воспроизведена в 2008 г. в Положении по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008) (далее – ПБУ 1/2008). В соответствии с п. 6 последнего, «учетная политика организации должна обеспечивать ... отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания и условий хозяйствования (требование приоритета содержания перед формой)» [12].

Примечательно, что термин «принцип», который в тезисе Конференции характеризует концептуальное значение приоритета, заменен на термин «требование». Последнее, исходя из конструкции «не столько из ... формы, сколько из ... содержания», принижает важность данного приоритета. В силу этого, навряд ли есть основания, чтобы применительно к правовой притворности в ПБУ 1/98 и ПБУ 1/2008 говорить об использовании императивного метода правового регулирования, в том числе в сравнении со ст. 170 ГК РФ, где в качестве последствия притворности указана ничтожность. В характеризуемых же фрагментах ПБУ 1/98 и ПБУ 1/2008 просматриваются, скорее, черты диспозитивности. Однако, по мнению ряда авторов, даже «мягкий» подход в ПБУ 1/98 гораздо жестче подхода, содержащегося в Международных стандартах финансовой отчетности (далее – МСФО). Согласно последнему «... приоритет содержания перед формой ... требует отражения операций и других событий в соответствии с их экономической реальностью, а не только их юридической формой, и

признается условием надежности» [21, с. 32]. То есть в МСФО речь о приоритете экономического содержания над правовой формой, по сути, вообще не идет, а есть признаки интегративного метода при отображении в учете хозяйственного факта.

Однако исследователи неоднократно отмечали декларативный, а потому более мягкий подход ПБУ 1/98 при сравнении его с подходом МСФО и указывали, что фактически «... российские принципы бухучета ... отдают пальму первенства форме...», причем, во многом ввиду того, что это привычно для восприятия «... органами государственного регулирования и статистики» [23]. То есть реально государство не требовало соблюдения правила о «приоритете содержания перед формой». Данное «обыкновение» сохранялось также после замены ПБУ 1/98 на ПБУ 1/2008 и продолжилось до 2012 г. и даже несколько дольше.

2013 г. был отмечен введением «запрета на притворность». Основными предпосылками к этому, помимо массовости случаев искажения смысла хозяйственных операций при их учете [24, с. 145–146], стали трудности с внедрением консолидированной финансовой отчетности [4], а также участие России в Конвенции по противодействию подкупу иностранных должностных лиц [6], что требовало препятствовать «... созданию скрытых счетов, заключению и проведению неучтенных или сомнительных сделок, использованию фальсифицированных документов» [16].

С введением «запрета на притворность», обязывающим отражать в учете хозяйственные обстоятельства исходя из их экономических свойств практически независимо от правовой формы, фактически утратила силу формулировка ПБУ 1/2008 о приоритете содержания перед формой, а финансово-правовая конструкция притворности по последствиям стала жестче цивилистической. Так, в цивилистике притворность прямо не запрещена, а характеризуется пусть и императивными, но в целом приемлемыми последствиями притворной сделки – ничтожность, не влекущая реституцию, и применение правил о прикрываемой сделке. При законности последней пагубных для сторон сделки последствий не наступает. Согласно же ФЗ О бухучете регистрация притворных объектов запрещена полностью, а в соответствии с КоАП РФ еще и наказуема.

До введения «запрета на притворность» не вредоносные для третьих лиц и казны случаи отражения в бухгалтерском учете одних объектов вместо других были практически ординарными. Их коррекция проводилась «в рабочем порядке». Такой подход согласуется со смыслом большинства нормативных правовых актов, вытекая, к примеру, из логики п. 1 ст. 54, п. 3 ст. 75, п. 1 ст. 81 и других положений Налогового кодекса РФ [3] (далее – НК РФ), где содержатся положения о пересчете налоговой базы, проведении симметричных корректировок, уплате пеней, представлении уточненной налоговой декларации и т. п. С

введением же запрета на притворность экономические субъекты лишились права на действия, логика которых не только допустима, но и, на наш взгляд, иллюстрирует проявление диспозитивного метода регулирования налоговых правоотношений. Взаимосвязанной логике п. 1 ст. 54 и ст. 81 НК РФ, включающей право налогоплательщика внести исправления в налоговую декларацию на основании уточненных данных бухгалтерского учета, противоречит, на наш взгляд, также и правило определения момента окончания правонарушения в формальном составе ст. 15.11 КоАП в части нарушения «запрета на притворность».

Помимо нелогичности с позиции текущего законодательства, «запрет на притворность» представляется ущербным для законопослушных организаций. Так, соблюдая запрет, последние вынуждены избегать «непоименованных договоров», легальность которых прямо вытекает из ст. 1, 421 ГК РФ; сводить к простейшим юридические формы хозяйственных конструкций в операциях со сложными экономическими связями и, как следствие, фактически искажать хозяйственную волю; нести завышенные расходы на контрольные мероприятия (например, специально оплачивать «аудит притворности») и т. д. То есть «запрет на притворность» приводит к нарушению фундаментальных гражданских прав организаций, к примеру, на свободу договора в части включения в него любых не противоречащих законодательству условий, ряда других. Это, в частности, негативно влияет на экономическую эффективность отдельных операций и рентабельность деятельности в целом, угнетает предпринимательскую активность, снижая уровень предпринимательской мотивации, пагубно сказывается на предпринимательском потенциале.

Учитывая изложенное, вывод о том, что «запретом на притворность» неразумно ограничиваются законные хозяйственные права организаций, представляется достаточно аргументированным. Поэтому ситуация, сложившаяся в связи с введением «запрета на притворность», очевидно, требует коррекции. Для этой цели достаточно, на наш взгляд, просто обратиться к фрагменту Записки о том, что понятие «притворный объект бухгалтерского учета» совпадает с понятием «притворная сделка» [16] (далее – «фрагмент»).

При реализации Правительственного законопроекта «фрагмент» во внимание принят не был. Между тем «фрагмент», если его проанализировать системно, содержит рациональное зерно, очевидное при смещении логического акцента с совпадения понятий «притворная сделка» и «притворный объект» на совпадение их правовых последствий. Учитывая явную нелогичность «фрагмента», полагаем возможным подозревать, что при составлении Записки, скорее всего, подразумевалось, однако по неясной причине не было отражено в тексте «фрагмента» совпадение именно последствий.

В преобразованном виде, «фрагмент» становится совершенно логичным и выглядит так: правовые последствия включения в учетные регистры притворного объекта бухгалтерского учета совпадают с правовыми последствиями притворной сделки. Для отражения этой логики в ФЗ о бухучете, достаточно п. 2 ст. 10 дополнить текстом: «Регистрация притворного объекта бухгалтерского учета не имеет правового значения, при этом зарегистрированным считается объект, вместо которого был зарегистрирован притворный». Такое дополнение не только согласовывало бы «запрет на притворность» с текущим законодательством, но и стимулировало бы хозяйствующего субъекта к выяснению реальной экономической природы факта хозяйственной жизни.

После подобной коррекции ФЗ о бухучете навряд ли имеет смысл наказуемость нарушения «запрета на притворность». Здесь, на наш взгляд, логичной была бы соответствующая коррекция ст. 15.11 КоАП РФ.

Таким образом, законоположение о запрете действий по включению в учетные регистры притворных объектов бухгалтерского учета следует дополнить указанием на последствия подобных действий, которые целесообразно определять по аналогии с последствиями притворных сделок.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.01.2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4177.
5. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.
6. Федеральный закон от 01.02.2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // СЗ РФ. 2012. № 6. Ст. 622.
7. Федеральный закон от 21.12.2013 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О бухгалтерском учете"» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6677.
8. Федеральный закон от 30.03.2016 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1907.
9. Постановление Государственной Думы Федерального собрания РФ от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД // СПС «Гарант».

10. Постановление Правительства РФ от 02.08.2001 г. № 576 // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3335.
11. Приказ Минфина РФ от 09.12.1998 г. № 60н // БНА ФОИВ. 1999. № 2.
12. Приказ Минфина РФ от 06.10.2008 г. № 106н // БНА ФОИВ. 2008. № 44.
13. Законопроект РФ № 192810-6 «О внесении изменений в Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ "О бухгалтерском учете"» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/192810-6> (дата обращения: 10.08.2022).
14. Информация Минфина РФ от 04.12.2012 г. № ПЗ-10/2012 «О вступлении в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ "О бухгалтерском учете"» // СПС «Гарант».
15. Письмо Минфина РФ от 23.12.1997 г. № 16-00-16-267 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18321/ (дата обращения: 10.08.2022).
16. Пояснительная записка к законопроекту № 192810-6 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/192810-6> (дата обращения: 10.08.2022).
17. Бакулина И.П., Кириллов Д.А. О соотношении притворного объекта бухгалтерского учета в административном праве и притворной сделки // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3. С. 47–54.
18. Габов А.В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность // Государство и право. 2021. № 2. С. 49–64.
19. Демин А.В., Николаев А.В. Доктрина бенефициарной собственности в контексте BEPS: новые горизонты // Закон. 2018. № 8. С. 102–113.
20. Зверева П.К., Кириллов Д.А. Притворное правовое явление: понятие и юридический состав // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 4. С. 91–95.
21. Луговской Д.В., Оломская Е.В., Молодцова Ю.Н. Приоритет экономического содержания над правовой формой // Международный бухгалтерский учет. 2007. № 5. С. 31–37.
22. Поляков А. Симулятивные сделки // Zakon.ru. Судебная практика. 22.06.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/22/simulyativnye_sdelki (дата обращения: 10.08.2022).
23. Пугачева Ю.Ф. Зачем российским банкам МСФО? // МСФО и МСА в кредитной организации. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.reglament.net/bank/msfo/2007_2.htm (дата обращения: 10.08.2022).
24. Сухарев А.Н. Переквалификация сделок субъектов предпринимательской деятельности в налоговых целях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 144–151.

Об авторах:

ЗВЕРЕВА Полина Константиновна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГОАУ ВО «Тюменский государственный университет (625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6), AuthorID: 928649, e-mail: p.k.zvereva@utmn.ru

КИРИЛЛОВ Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин ФГОАУ ВО «Тюменский государственный университет (625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6), ORCID 0000-0002-1550-1962, SPIN-код: 9203-6927, e-mail: kdakda@yandex.ru

ON THE RATIO OF THE LEGAL CONSEQUENCES OF A FEIGNED DEAL AND VIOLATION OF THE FEIGNFULLNESS PROHIBITION IN ACCOUNTING

P.K. Zvereva, D.A. Kirillov

Tyumen State University, Tyumen

The object of the study is a financial and legal a prohibition on the registration of feigned accounting objects including feigned deals in accounting registers (hereinafter referred to as the "feignfullness prohibition") in the context that civil law does not prohibit feigned deals. The purpose of the work is to study the expediency of coordinating the legal provisions on the "feignfullness prohibition" and on feigned deals. The objectives of the study are to conduct a comparative legal analysis of the "feignfullness prohibition", to compare the legal consequences of feigned deals and the "feignfullness prohibition", to identify the causes of differences in branch-law approaches. It is proved that the "feignfullness prohibition" not only contradicts civil law, but also entails unjustified restrictions on the rights of organizations. The conclusion is made about the need to correct the financial legislation.

Keywords: *accounting object, feigned object, accounting register, feigned deal, feigned legal phenomenon, accounting law, reporting.*

About authors:

ZVEREVA Polina – Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines of Tyumen State University (6, Volodarskogo st., Tyumen, Russia, 625003), Tyumen, Russia, AuthorID: 928649, e-mail: p.k.zvereva@utmn.ru

KIRILLOV Dmitry – PhD in Law, associate professor, associate professor, Department of Theoretical and Public Law Disciplines of Tyumen State University (6, Volodarskogo st., Tyumen, Russia, 625003), ORCID 0000-0002-1550-1962, SPIN-code: 9203-6927, e-mail: kdakda@yandex.ru

Зверева П.К., Кириллов Д.А. О соотношении правовых последствий притворной сделки и нарушения запрета на притворность в бухгалтерском учете // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 14–21.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПРАКТИКИ

Е.В. Козырева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступает компенсация морального вреда как институт гражданского права. Целью работы является проведение сравнительного анализа двух постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященных компенсации морального вреда (ныне принятого и утратившего силу). Обосновывается необходимость принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 для потребностей практики. Сформулирована авторская позиция о его значении для развития науки.

Ключевые слова: *компенсация морального вреда, форма компенсации морального вреда, критерии определения размера компенсации морального вреда.*

Принятие Постановления Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности статьи 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» от 26.10.2021 г. № 45-П [2], а спустя год Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15.11.2022 г. № 33 [3] ознаменовало новый этап в развитии института компенсации морального вреда [5–7]. Это связано с тем, что они по факту являются фундаментальными, хотя бы потому, что определили развитие науки данного института и разрешили наболевшие проблемы, которые были камнем преткновения в практике и служили неким тормозом в развитии института компенсации морального вреда. Сегодня можно с уверенностью сказать о том, что эти два постановления хоть и разные по значению, но они предопределили некий ход в развитии науки, что является отрядным и значимым.

Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 (далее – Постановление ПВС РФ № 33) [3], которое хоть и не ответило на все поставленные наукой и практикой вопросы, но все же разрешило целый ряд значимых вопросов. К их числу следует отнести следующие:

- уточнено понятие морального вреда, раскрыты более полно физические и нравственные страдания;
- определена форма компенсации морального вреда и расширены границы ее применения;
- сформулированы и дополнены критерии компенсации морального вреда;

— выявлены особенности компенсации морального вреда применительно к деликтам и др.

С принятием Постановления ПВС РФ № 33 связано и то, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (далее – Постановление ПВС РФ № 10) утратило силу [4]. При сравнении двух названных постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященных вопросам компенсации морального вреда, можно отметить, что ныне действующее Постановление ПВС РФ № 33 значительно по объему и состоит из 69 пунктов и шести разделов. Один из его разделов называется «Способ и размер компенсации морального вреда», что вызывает определенные сомнения, поскольку в нем размеры компенсации морального вреда не представлены и не могут быть по сути, исходя из смысла нормы ст. 151 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), поскольку суд определяет размер компенсации морального вреда, применяя судебное усмотрение, а речь идет по факту о критериях компенсации морального вреда. Следует учесть и то, что Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 10, ныне утратившим силу, насчитывал всего 10 пунктов разъяснений и в нем отсутствовали как таковые разделы.

Легальное понятие морального вреда содержится в ст. 151 ГК РФ. Однако не раскрыто законодателем, что следует понимать под физическими и нравственными страданиями. Наличие презумпции морального вреда, которая применяется на практике, не снимает остроты вопроса по определению того, что следует относить к физическим, а что к нравственным страданиям. Сравнивая данные постановления Пленума Верховного Суда РФ, следует отметить, что в ныне действующем Постановлении ПВС РФ № 33 нравственные страдания более полно раскрыты, и под ними следует понимать, в частности «страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья)...», а физические страдания, тоже как составляющие морального вреда, дополнены ограничением возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, а также неблагоприятными ощущениями или болезненными симптомами [3]. При этом теперь моральный вред компенсируется причинителем не только в денежной, но и в иной форме (например, в виде добровольного ухода за потерпевшим, в передаче какого-либо имущества, в оказании какой-либо услуги, в выполнении работы).

Далее, применительно к имущественным правам помимо ссылки на Федеральный закон «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» указано, что если действия (бездействие) направлены против

имущественных прав гражданина и одновременно нарушают его личные неимущественные права или посягают на принадлежащие ему нематериальные блага, то компенсация морального вреда взыскивается на общих основаниях. Таким образом, при совершении преступлений против собственности граждан (кража, мошенничество, растрата имущества и др.) можно потребовать на законных основаниях компенсацию морального вреда, что свидетельствует о расширении границ применения данного способа защиты гражданских прав.

И, наконец, хотелось бы фрагментарно остановиться на критериях компенсации морального вреда, в частности индивидуальных особенностях и заслуживающих внимание обстоятельств, которые названы законодателем в ст. 151 ГК РФ [1] как легальные критерии определения размера указанного вреда.

Так, под индивидуальными особенностями компенсации морального вреда следует понимать «возраст и состояние здоровья, наличие отношений между причинителем вреда и потерпевшим, профессию и род занятий потерпевшего» [3]. А заслуживающими внимание обстоятельствами при определении размера компенсации морального вреда будут считаться тяжелое имущественное положение ответчика-гражданина, подтвержденное доказательствами (отсутствие заработка вследствие длительной нетрудоспособности, наличие нетрудоспособных супруга (супруги) или родителя (родителей), уплата им алиментов) [3].

Кроме того, в Постановлении ПВС РФ № 33 раскрыты и другие критерии определения размера компенсации морального вреда, которым было недостаточно уделено внимание в науке, а на практике они вызывали трудности, в частности, при причинении вреда в результате незаконного или необоснованного уголовного или административного преследования, а также в результате некачественного оказания медицинской помощи и др. Конечно, эти сформулированные критерии определения размера компенсации морального вреда помимо легальных, предусмотренных законом, заслуживают отдельного внимания со стороны исследователей, но все же отметим, что в принятом Постановлении ПВС РФ № 33 представлено удачное сочетание науки и практики, что можно только поприветствовать. Отметим и то, что в условиях сегодняшних реалий институт компенсации морального вреда прочно адаптировался под потребности практики. Кроме того, анализируя данные разъяснения, сформулированные в Постановлении ПВС РФ № 33, хочется сказать о них как о существенном вкладе в науку развития института компенсации морального вреда, который позволит судам на практике гораздо легче преодолевать трудности при определении размера компенсации морального вреда и в целом в позитивном ключе отразится на рассмотрении данной категории дел, применяя разумность и справедливость в полной мере.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановления Конституционного Суда РФ от 26.11.2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» // СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7615.
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // РГ. 2022. № 267. 25 ноября.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // РГ. 1995. № 29. 8 февраля (утратило силу).
5. Малеин Н.С. О моральном вреде // Государство и право, 1993. № 3.
6. Пешкова О.А. Компенсация морального вреда. Защита и ответственность при причинении вреда нематериальным багам и неимущественным правам. М., 2006. 240 с.
7. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., Волтес Клувер, 2004.

Об авторе:

КОЗЫРЕВА Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3103-6386, SPIN-код: 4580-8101, e-mail: Kozyreva.EV@tversu.ru

ON THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE, TAKING INTO ACCOUNT THE NEEDS OF THE PRACTICE

E.V. Kozyreva

Tver State University, Tver

The object of research is compensation for moral damage as an institution of civil law. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of two resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on compensation for moral damage (now adopted and expired). The necessity of adopting the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No 33 dated November 15, 2022 for the needs of practice is substantiated. The author's position on its significance for the development of science is formulated.

Keywords: *compensation for moral harm, form of compensation for moral harm, criteria for determining the amount of compensation for moral harm.*

About author:

KOZYREVA Elena – PhD in Law, associate Professor of the Department of Civil Law of the Tver State University (33 Zhelyabova Str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3103-6386, SPIN-code: 4580-8101, e-mail: Kozyreva EV@tversu.ru

Козырева Е.В. О развитии института компенсации морального вреда с учетом потребностей практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 22–26.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

СТАТУС ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ПРАВОСУДИЮ, КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР В ДОКАЗЫВАНИИ

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются процессуальные правоотношения, возникающие между судом и лицами, содействующими осуществлению правосудия. Предметом исследования выступают нормы гражданского процессуального и уголовного права, регламентирующие процессуальное положение и ответственность лиц, содействующих осуществлению правосудия. Целью является установление пробелов в регулировании процессуального положения лиц, содействующих осуществлению правосудия, и разработка предложений по их устранению. Конкретными задачами выступают: исследование вопросов, связанных с правовым регулированием свидетельского иммунитета; обоснование доказательственного значения консультации специалиста; выявление особенностей, связанных с участием несовершеннолетних в гражданском процессе; анализ процессуального положения переводчика и эксперта. Одним из основных методов исследования является сравнительный, на его основе показаны различные подходы к определению процессуального положения лиц, содействующих осуществлению правосудия в действующих процессуальных кодексах и зарубежном законодательстве. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Необходимо расширить свидетельский иммунитет правилами, обеспечивающими соблюдение адвокатской тайны, и необходимость участия переводчика при оказании адвокатом юридической помощи и проведении примирительных процедур. Уточнить правовой статус специалиста и закрепить доказательственное значение за консультациями. Специалиста, который оказывает техническую помощь, преобразовать в помощника судьи, что необходимо по мере цифровизации судопроизводства. Заменить педагогического работника на специалиста-психолога при получении показаний и объяснений несовершеннолетних. Уточнить различия в статусе несовершеннолетнего свидетеля в соответствии с возрастом.

Ключевые слова: *путь к закону, объяснения лиц, участвующих в деле, консультация специалиста, свидетельский иммунитет, ответственность свидетеля, статус несовершеннолетнего свидетеля, специалист для консультаций, специалист для оказания технической помощи, помощник судьи, эксперт, переводчик.*

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) действует более двух десятилетий, за это время многое изменилось: судебная система, виды судопроизводства и сам процесс. За переменами стал забываться тот очень трудный «путь к закону», который

был пройден благодаря Михаилу Константиновичу Треушникову и другими нашими великими учеными, большинства из которых уже нет с нами. Разработка действующего Кодекса проходила в условиях острейшей дискуссии, важно было сохранить традиции и учесть запросы современного этапа и отстоять наиболее принципиальные положения. Кодекс выдержал испытания временем, но есть возможность сделать его еще лучше и уточнить ряд положений.

Предпринятая в 2014 г. попытка создать единый кодекс для цивилистического процесса ожидаемо не удалась, но это не означает, что не надо стремиться к унификации положений, общих для всех видов судопроизводства, распространяя наиболее удачные нормы и формулировки. Одной из таких проблем, причем центральной для всех видов судопроизводства, является доказательственная деятельность. К сожалению, надо признать, что в гражданском процессе не нашли отражения некоторые правила и нормы, которые есть в других процессуальных кодексах.

Прежде всего это касается перечня средств доказывания. В ст. 55 ГПК РФ нет указания на то, что сведения, имеющие значение для дела, могут быть получены из объяснений всех лиц, участвующих в деле, как это предусмотрено в ч. 2 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) и ч. 2 ст. 59 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). Не считается средством доказывания и консультация специалиста, а в арбитражном и уголовном процессе специалист является источником доказательств.

В связи с тем, что объяснения представителей, участвующих в деле в порядке ст. 46 и 47 ГПК РФ, не относятся к средствам доказывания, возникает вопрос, почему их объяснения отражаются в мотивировочной части судебного решения. Ведь именно в гражданском процессе, особенно по делам, возникающим из семейных правоотношений, особое значение имеет участие органов опеки и попечительства и те сведения, которые они сообщают суду помимо указанных в актах обследования жилищно-бытовых условий спорящих сторон.

Вероятно, пришло время заменить в ст. 55 ГПК РФ слова «из объяснений сторон и третьих лиц» на «из объяснений лиц, участвующих в деле», а также дополнить перечень указанием на консультацию специалиста.

Эффективность процесса доказывания зависит не только от правильно определенного перечня обстоятельств, нуждающихся в доказывании и необходимых средств доказывания, но и от качества источников доказательств и самого процесса исследования доказательств, особенно от тех, кто относится к лицам, содействующим правосудию: свидетели, эксперты, специалисты, педагогические работники и переводчики. Ни одно дело не может быть разрешено только на основе объяснений сторон, в гражданском процессе большое значение

имеют показания свидетелей. М.К. Треушников отмечал, что «в поисках истины свидетель бывает незаменим» [4, с. 197].

Достаточно часто возникает необходимость использовать специальные знания и назначать экспертизу, в том числе иногда и для того, чтобы решить, насколько свидетель способен адекватно воспринимать, запоминать и воспроизводить информацию. Все более широкое применение электронных доказательств, аудио- и видеозаписей, необходимость получить информацию в какой-либо сфере науки или техники без проведения исследования требует участия специалиста. Участнику процесса, в том числе и свидетелю, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, должен быть назначен судом переводчик. Следовательно, все лица, содействующие правосудию, должны иметь свой точно определенный процессуальный статус. К сожалению, в ГПК РФ, в отличие от других процессуальных кодексов, нет специальных норм, определяющих перечень их прав и обязанностей и порядок привлечения в процесс. Все возникающие в связи с этим вопросы трудно рассмотреть в пределах одной статьи, поэтому выделим те, которые представляются наиболее актуальными.

Свидетель по гражданским делам, как уже было отмечено, часто выступает важнейшим средством доказывания, но при этом нет достаточно четкого регулирования вопроса о том, как гражданин приобретает этот статус. Сами формулировки того, кто является свидетелем, в ст. 69 ГПК РФ, в ст. 51 КАС РФ и ст. 56 УПК РФ определяются исходя из предположения, что этому лицу «могут быть известны» необходимые для дела сведения, только в ст. 56 АПК РФ содержится практически утверждение, что свидетель «располагает сведениями».

Если в уголовном процессе определенная уверенность в том, что человек располагает необходимой информацией, основывается на проведенном предварительном расследовании и подтверждается часто другими доказательствами, то в гражданский процесс свидетель, как правило, попадает по воле стороны или другого лица, участвующего в деле, и при принятии решения о привлечении в процесс судья основывается на пояснениях заинтересованного лица о том, что должен сообщить предполагаемый свидетель. Но ведь просьба привлечь кого-то в качестве свидетеля может быть заведомо не обоснована и связана даже не с добросовестным заблуждением, а со злоупотреблением правом. При этом у человека нет никаких способов защиты против такого злоупотребления. В современных условиях вызов в суд не обеспечен фактически необходимыми гарантиями, прежде всего это связано с тем, что современные работодатели не очень охотно отпускают работников, а компенсация расходов, определенная судом, не всегда покрывает фактические затраты.

Есть и еще одна серьезная проблема, связанная с возможностью привлечения свидетеля к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, на это более десяти лет назад обратил внимание В.В. Молчанов [2, с. 25], предлагая «декриминализировать» состав преступления, предусмотренный ст. 308 Уголовного кодекса РФ, и установить административную ответственность. Представляется, что применительно к отказу от дачи показаний следует определить различия в статусе свидетеля в уголовном и гражданском процессах. Для уголовного процесса целесообразно сохранить действующий порядок привлечения к уголовной ответственности, а для гражданского – исключить как уголовную, так и административную ответственность, заменив ее на процессуальную. Это может стать первым шагом к ужесточению ответственности за неуважение к суду, которая пока, если сравнивать с законодательством других стран, практически отсутствует. Нужны значительные штрафные санкции за невыполнение судебных актов не только свидетелями, но и другими лицами и организациями, которым направляются запросы о предоставлении необходимой информации. Но еще важно, чтобы уже в ходе подготовки дела к судебному разбирательству наконец появилось реальное правило «полного раскрытия доказательств», включая предполагаемые показания свидетелей. Вряд ли целесообразно вызывать в суд свидетеля, чтобы услышать от него, что он не располагает нужными сведениями или не может ничего вспомнить.

Следующий важный вопрос касается свидетельского иммунитета. Согласно ч. 3 ст. 69 ГПК РФ адвокат не должен давать показания относительно сведений, полученных им в качестве представителя или защитника, но ведь адвокатская тайна распространяется и на информацию, полученную адвокатом от клиента при проведении консультации, которая далеко не всегда заканчивается договором о представительстве или защите, и правило ч. 3 ст. 56 УПК РФ учитывает нормы законодательства об адвокатской деятельности, защищая иммунитетом все сведения, которые клиент доверил адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи. Аналогичное правило необходимо установить и для всех цивилистических процессов.

Еще на важный момент обратила внимание И.В. Решетникова, анализируя процессуальные особенности доказывания в Англии и США: консультация адвоката может проходить с участием переводчика, клерка или секретаря [3, с. 149]. Аналогичная ситуация вполне возможна и у нас, особенно это касается переводчика, кстати, он может участвовать и в различных примирительных процедурах, но свидетельский иммунитет переводчику закон не предоставляет.

Приоритет семейных ценностей обуславливает необходимость закрепления права суда применять свидетельский иммунитет к членам семьи, состоящим в более отдаленном родстве и свойстве со сторонами

по делу, если будет установлено наличие семейных отношений между ними. Немало жизненных ситуаций, когда практически одной семьей живут более дальние родственники, например, дяди и тети, которые фактически заменяют и родителей, и бабушек, и дедушек, но не являясь таковыми юридически, не обладают свидетельским иммунитетом. Эти обстоятельства, будучи оценены судом, могли бы служить основанием для отказа таких лиц от дачи показаний, а так можно и опять вспомнить о ст. 308 УК РФ.

Необходимо отметить вопрос о возможном влиянии свидетеля на оценку его показаний судом. Как бы ни был судья беспристрастен, все участники процесса влияют определенным образом на восприятие доказательств. Один вызывает доверие, другой, напротив, представляется неискренним или даже склонным свои домыслы выдавать за факты, и далеко не всегда судья может сам разобраться в своих ощущениях, решить, насколько они обоснованы. Здесь возникает проблема привлечения специалиста, желательно психолога, который обладает навыком анализа вербального и невербального поведения. Помочь может и искусственный интеллект, если устанавливать систему голосового скоринга. Это уже не так фантастично, ведь еще лет пять назад мы многое не могли себе представить, даже возможность проведения судебного заседания не только как видеоконференцсвязи, но и веб-конференций.

Еще очень важный вопрос связан с получением показаний несовершеннолетних. В ст. 179 ГПК РФ термин «допрос» применяется как к лицам, достигшим возраста уголовной ответственности, и которые должны быть предупреждены об этом, так и к тем, кому еще не исполнилось шестнадцати лет, и при этом нижний предел возраста не установлен. Вряд ли такой подход можно считать обоснованным, поскольку есть четкое разграничение понятий «объяснения» и «показания», которые становятся таковыми только, если лицо предупреждено об уголовной ответственности, следовательно, лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, не могут быть допрошены, для получения их объяснений нужно специальное процессуальное регулирование, которое должно включать как получение объяснений, имеющих доказательственное значение, так и заслушивание мнения в соответствии со ст. 57 Семейного кодекса РФ.

В связи с этим возникает вопрос об участии педагогического работника при получении объяснений несовершеннолетнего. Прежде всего непонятно, почему участвует не психолог, а педагогический работник, кроме того, не совсем ясно, кого конкретно должен вызывать суд: любого, имеющего соответствующий диплом и работающего в сфере образования, или непосредственно имеющего отношение к несовершеннолетнему. Как представляется, оба варианта не слишком удачны в целях обеспечения более комфортной обстановки для

несовершеннолетнего в суде и получения его правдивых объяснений. Есть опасение, что и в наше время мнение педагога нередко формируется на тех же основаниях, какие описаны Н.В. Гоголем в отношении Чичикова. Если необходимо установить степень достоверности слов несовершеннолетнего и его способность адекватно воспринимать и излагать информацию, нужен психолог как специалист и придание ему соответствующего процессуального статуса. Как и любой участник процесса, такой специалист должен знать свои права и обязанности, а для этого прежде всего они должны быть закреплены в законе.

Все это свидетельствует об актуальности вопроса о роли и значении специалиста в гражданском процессе. Хотя ст. 188 ГПК РФ называется «Консультация специалиста», уже в части первой четко усматриваются два самостоятельных субъекта, объединенных термином «специалист»: лицо, привлеченное для дачи консультаций и пояснений при исследовании доказательств, и тот, кто оказывает техническую помощь. Ранее было указано на необходимость включения консультации специалиста в перечень средств доказывания, это именно те специалисты, которые обладают специальными познаниями и способны дать разъяснения, не требующие проведения исследования, например, сообщить о свойствах какого-либо материала, особенностях действия приборов или механизмов, симптомах заболевания и многое другое. Учитывая, что в ст. 50 КАС РФ содержится указание на возможность привлечения специалиста для уяснения смысла нормативного акта, следует признать допустимость таких консультаций специалистов и в гражданском процессе. Поскольку консультация специалиста должна иметь доказательственное значение, он также должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложную консультацию. Такая ответственность специалиста предусмотрена ст. 307 Уголовного кодекса РФ без оговорки, что это относится только к уголовному процессу. Значение консультации специалиста как доказательства очевидно, ведь иногда достаточно квалифицированного ответа на вопрос о действии лекарства, чтобы прояснить всю ситуацию, и таких ситуаций множество.

Специалист, оказывающий техническую помощь, должен иметь несколько другой процессуальный статус, но при этом по мере цифровизации судопроизводства значение таких специалистов будет возрастать, да и сами судьи будут вынуждены осваивать дополнительные квалификации [1, с. 10–11]. Но это уже тема, которая заслуживает отдельного исследования. Здесь следует отметить лишь то, что такого рода специалисты должны получить статус помощников судьи только не по правовым, а по техническим вопросам, поскольку их деятельность станет абсолютно необходимой для проведения судебных заседаний и осуществления правосудия в целом. Невозможно просто использовать привлекаемых специалистов, они должны стать субъектами процесса,

являющимися работниками суда, и тогда отпадет необходимость выделения двух разных категорий специалистов.

Относительно участия в гражданском процессе эксперта главной проблемой представляется обеспечение его компетентности и независимости. Особая острота этой проблемы проявилась по делам, связанным с оказанием медицинских услуг, число которых неуклонно растет. В медицине большое значение имеет узкая специализация, соответственно трудно найти эксперта по каждому направлению, а значит, и выводы экспертизы не всегда отражают реальную ситуацию. Еще сложнее обеспечить независимость и беспристрастность эксперта, поскольку он связан корпоративными интересами как в пределах региона, так и в рамках своей основной специализации. Здесь так же остается надеяться на цифровизацию и возможности искусственного интеллекта в скором будущем.

Для исследования доказательств и процесса в целом нередко требуется переводчик, выбор его является еще более трудным, чем выбор эксперта. Иногда перевод нужен с какого-то редкого наречия, которым владеют во всей России несколько человек, а осуществлять перевод вообще может только один. Статус переводчика не имеет закрепления в специальной норме, нет даже его права отказаться от функций переводчика в связи с недостаточной квалификацией, а ст. 162 ГПК РФ, в которой содержится информация о переводчике, называется: «Разъяснение переводчику его прав и обязанностей», следовательно, название не очень совпадает с содержанием. Предупреждать в судебном заседании переводчика об ответственности за неявку в суд несколько странно, это все целесообразно разъяснять на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, для чего должна быть предусмотрена особая процедура. Ведь переводчик будет нужен и для примирительных процедур, и в предварительном судебном заседании, желательно, чтобы это был тот, кого назначил суд.

Учитывая требования конфиденциальности при проведении медиации и судебного примирения, переводчик также должен выполнять это требование. Необходима специальная норма, посвященная его процессуальному статусу.

Признавая необходимость внесения изменений для закрепления процессуального статуса лиц, содействующих правосудию, конечно, нельзя не осознавать, что это существенная структурная перестройка определенных разделов, но это лучше, чем применять правила, которые прямо не закреплены в законе. Жизнь ставит новые задачи с внедрением информатизации и цифровизации, меняется и сам процесс, возможно, приходит время начинать новый «путь к закону».

Список литературы

1. Константинов П.Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование на примере России и Франции): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 27 с.
2. Молчанов В.В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 51 с.
3. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. 3-е изд., переаб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. 320 с. (Библиотека Треушникова М.К.)
4. Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. 304 с.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

STATUS OF ASSISTANTS OF JUSTICE AS AN IMPORTANT FACTOR IN EVIDENCE

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The object of the study is the procedural legal relations that arise between the court and persons assisting in the administration of justice. The subject of the study is the norms of civil procedural and criminal law that regulate the procedural status and responsibility of persons assisting in the administration of justice. The goal is to identify gaps in the regulation of the procedural status of persons assisting in the administration of justice and develop proposals for their elimination. The specific tasks are: the study of issues related to the legal regulation of witness immunity; substantiation of the evidentiary value of specialist advice; identification of features associated with the participation of minors in civil proceedings; analysis of the procedural position of the translator and expert. One of the main research methods is comparative, on its basis various approaches to determining the procedural status of persons assisting in the administration of justice in the current procedural codes and foreign legislation are shown. The results of the study can be represented by the following main conclusions. It is necessary to expand witness immunity with rules that ensure the observance of lawyer secrecy, and the need for the participation of an interpreter in the provision of legal assistance by a lawyer and in conciliation procedures. Clarify the legal status of a specialist and fix the evidentiary value behind the consultation. The specialist who provides technical assistance should be transformed into an assistant judge, which is

necessary as the judiciary is digitalized. Replace a pedagogical worker with a specialist psychologist when receiving testimony and explanations from minors. Clarify differences in the status of a minor witness according to age.

Keywords: *path to the law, explanations of persons involved in the case, specialist advice, witness immunity, witness liability, status of a minor witness, specialist for consultations, specialist for technical assistance, assistant judge, expert, translator.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Статус лиц, содействующих правосудию, как важный фактор в доказывании // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 27–35.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 339.543

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.1.036

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают нормы таможенного права о таможенном контроле в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза и Федеральном законе о таможенном регулировании в Российской Федерации. Целью работы является обоснование объективной необходимости внесенных в таможенное законодательство изменений, связанных с регламентацией таможенного контроля. Обосновывается расширение перечня объектов таможенного контроля. Сформулирована позиция автора об отнесении к объектам таможенного контроля товаров, приобретших статус товаров Союза, а также товаров, ввезенных физическими лицами для личных нужд и выпущенных в свободное обращение.

Ключевые слова: *таможенное законодательство, таможенный контроль, объекты таможенного контроля, формы таможенного контроля, меры, обеспечивающие проведение таможенного контроля.*

Реализация таможенными органами полномочий по осуществлению таможенного контроля и иных видов государственного контроля (транспортного – в отношении автотранспортных средств международной перевозки, санитарно-карантинного, ветеринарного, фитосанитарного, экспортного, валютного, радиационного) осуществляется в соответствии с принципом выборочности. Принцип выборочности осуществляемых таможенными органами видов государственного контроля распространяется, прежде всего, на объекты контроля.

Следует отметить, что в действующем законодательстве [1] отсутствует упоминание необходимости применения данного принципа в отношении иных, кроме таможенного, видов государственного контроля. Между тем контрольная деятельность таможенных органов не может сводиться лишь к фискальным и правоохранным целям, она должна быть направлена на содействие внешней торговле и способствовать ее развитию.

Применение принципа выборочности при осуществлении таможенными органами транспортного и санитарно-карантинного контроля может быть основано на реализации системы управления рисками. Например, транспортный контроль в отношении

автотранспортных средств международной перевозки следует осуществлять в отношении перевозчиков, ранее нарушивших таможенные правила, а также при перемещении товаров по направлениям и маршрутам, на которых чаще всего совершаются нарушения таможенных и иных норм права. Подлежат оценке характер и особенности перемещаемого транспортного средства, поскольку автомобиль, декларируемый в качестве транспортного средства международной перевозки, в действительности может перемещаться с целью его реализации.

Реализуя свои полномочия по осуществлению санитарно-карантинного контроля, должностные лица таможенных органов должны в качестве объектов контроля рассматривать не только товары, включенные в соответствующие списки и перечни, но и учитывать риски нарушений таможенных правил в каждой конкретной ситуации, когда перемещается товар, ограниченный к ввозу или вывозу в связи с введением соответствующих санкций, либо перемещается товар, качественные характеристики которого вызывают сомнения, и в иных случаях.

Необходимость осуществления экспортного контроля связана с алгоритмом лицензирования и перемещения товаров двойного назначения и взаимодействия таможенных органов с Федеральной службой технического и экспортного контроля. Риски нарушений валютного законодательства могут выявляться как на маршрутах трансграничного перемещения валютных ценностей (например, граница между Российской Федерацией и Китайской народной республикой), так по категориям объектов контроля. К таким объектам относятся физические лица, перемещающие через таможенную границу товары для личного пользования. Определение объектов таможенного контроля, форм таможенного контроля и мер его обеспечения связано с использованием национальной системы управления рисками, содержание которой определено в Российском законодательстве о таможенном регулировании [2]. Статус объекта таможенного контроля товары, ввозимые на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), приобретают с момента пересечения таможенной границы и сохраняют этот статус до приобретения статуса товаров Союза либо до момента обратного вывоза.

Таможенным законодательством предусмотрены многочисленные правовые ситуации, связанные с изменением статуса товаров, в том числе различные сроки нахождения товаров под таможенным контролем. Ввезенные на таможенную территорию товары должны быть помещены под одну из таможенных процедур в течение срока временного хранения. Предельный срок временного хранения товаров составляет четыре месяца с момента пересечения таможенной границы. Этот период предназначен для осуществления необходимых таможенных операций с

товарами, в частности для таможенного декларирования. Срок, в течение которого товар остается под таможенным контролем, зависит от ряда факторов и обстоятельств. В случае, если декларация о помещении товаров под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления подана в центр электронного декларирования сразу после ввоза и в системе управления рисками в отношении товара или декларанта отсутствуют риски несоблюдения таможенного законодательства, срок выпуска товара может составить несколько минут. Наличие профиля риска требует осуществления фактического контроля с применением различных форм таможенного контроля и мер, его обеспечивающих, что значительно увеличивает срок пребывания товара под контролем.

Вывозимые с таможенной территории Союза товары являются объектами таможенного контроля с момента регистрации декларации о помещении их под таможенную процедуру, предусматривающую вывоз с территории Союза, и до момента фактического вывоза. В этот период осуществляется контроль за сохранением товаров и средств их идентификации в неизменном состоянии, соблюдением сроков совершения необходимых таможенных операций, а также контроль фактического пересечения таможенной границы. Сроки нахождения под контролем различаются. Они зависят, например, от вида декларации (периодическое декларирование), характера таможенной процедуры (временный вывоз, переработка вне таможенной территории) и содержания конкретных правовых ситуаций.

Актуальными являются вопросы правового регулирования в отношении товаров Союза, ранее ввезенных на таможенную территорию и помещенных под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления при определении их статуса в качестве объектов таможенного контроля. В данном случае необходимо учитывать, что необходимые виды государственного контроля были или должны были быть осуществлены в отношении товаров при их ввозе и помещении под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления. Следовательно, необходимо дополнительное правовое обоснование условий распространения на эту группу товаров статуса объектов контроля. Законодателем не определен в качестве таких обстоятельств условный выпуск товаров. Речь идет о соблюдении условий по ограничению распоряжения товарами при применении льгот по уплате таможенных платежей, а также мер по соблюдению установленных таможенными правилами запретов в отношении отдельных категорий товаров.

До подтверждения уплаты таможенных платежей в полном объеме и соблюдения запретов и ограничений товары сохраняют статус иностранных товаров, именно в этом качестве являясь объектами таможенного контроля. Кроме того, нормы таможенного

законодательства не содержат перечня обстоятельств, при которых объектами таможенного контроля становятся ввезенные на таможенную территорию Союза и выпущенные для свободного обращения товары для личного пользования. Следует учитывать, что таможенный контроль после выпуска товаров может осуществляться до истечения трех лет. В названных случаях, когда помещенные под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления товары приобрели статус товаров Союза, а ввезенные физическими лицами товары для личного пользования выпущены в свободное обращение, имеется лишь одно обоснование для проведения таможенного контроля. Это наличие информации у таможенных органов о ввозе товаров на территорию Союза или нахождения на этой территории с нарушением законодательства. Товары, помещенные под таможенную процедуру реимпорта, являются объектами таможенного контроля в связи с необходимостью обеспечения сроков обратного ввоза товаров, идентификации товаров, ввозимых в неизменном состоянии. Вывезенные товары, которые сохранили статус товаров Союза (таможенные процедуры временного вывоза, переработки вне таможенной территории), при их обратном ввозе должны сохранять неизменное состояние и являются объектами контроля.

Наиболее детально в законодательстве регулируется отнесение к объектам таможенного контроля таможенных (таможенная декларация), иных документов (транспортные, товарные документы, лицензии, сертификаты). При определении в качестве объекта таможенного контроля деятельности лиц (таможенный представитель, таможенный перевозчик, владелец склада временного хранения, владелец таможенного склада, владелец свободного склада, владелец магазина беспошлинной торговли), представляется целесообразным применение, в зависимости от степени риска нарушений таможенного законодательства, категорирования этих лиц. Такое категорирование осуществлено в отношении уполномоченных экономических операторов, при регистрации которых в таможенном реестре выдается свидетельство первого, второго или третьего типа, влияющее на возможность применения специальных упрощений. В качестве объектов таможенного контроля законодательством обозначены помещения, сооружения, используемые для таможенных и внешнеторговых операций. В отношении таких объектов необходима дополнительная регламентация применяемых форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь ул. Желябова, д. 33), SPIN-код:7021-8090, e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

OPICAL ISSUES OF DETERMINING THE OBJECTS OF CUSTOMS CONTROL

A.B. Voblikov

Tver State University, Tver

The object of the study is the norms of customs law on customs control in the Customs Code of the Eurasian Economic Union and the Federal Law on Customs Regulation in the Russian Federation. The purpose of the work is to substantiate the objective necessity of the changes made to the customs legislation related to the regulation of customs control. The expansion of the list of objects of customs control is justified. The author's position is formulated on the attribution to the objects of customs control of goods that have acquired the status of goods of the Union, as well as goods imported by individuals for personal needs and released into free circulation.

Keywords: *customs legislation, customs control, objects of customs control, forms of customs control, measures ensuring customs control.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – PhD of philosophical sciences, associate Professor, Department of constitutional, administrative and customs law, Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code:7021-8090, e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Вобликов А.Б. Актуальные вопросы определения объектов таможенного контроля // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 36–40.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ, МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ

А.В. Гайдашов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Целью работы является анализ нововведенного положения уголовного законодательства Российской Федерации, закрепляющего уголовную ответственность за уничтожение либо повреждение объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов. Рассматриваются причины появления ст. 243.4 Уголовного кодекса РФ и проблемы международно-правового характера, связанные с совершением указанных общественно опасных действий за пределами Российской Федерации.

Ключевые слова: *объекты воинской славы, советские монументы, совершение преступления вне пределов Российской Федерации.*

На сегодняшний день российская уголовно-правовая политика направлена на ужесточение действующего уголовного законодательства в области охраны культурного наследия народов Российской Федерации. Особое внимание уделяется увековечиванию историко-культурного значения наследия Великой Отечественной войны.

В связи с проведением указанной политики 7 апреля 2020 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен ст. 243.4, устанавливающей уголовную ответственность за уничтожение либо повреждение объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов [3].

Стоит заметить, что органами государственной власти только в 2017 г. поднимался вопрос об активных противоправных действиях, направленных против советских монументов [5]. Однако вплоть до 2020 г. указанная проблематика не являлась центральной темой обсуждения. И в современных реалиях, связанных с внешнеполитической обстановкой, уже после введения данной статьи она наконец-то обрела свою актуальность.

Однако было ли данное нововведение рациональной и необходимой мерой? Вопрос лежит не в плоскости охраны уголовно-правовых отношений, а является следствием враждебных действий недружественных нам стран. Следует отметить, что вопросы уголовно-правовой охраны мемориальных объектов Великой Отечественной войны давно перешли из области отраслевого законодательства в сферу политического реагирования государства на руссофобские проявления «наших» бывших партнеров. Это наглядно продемонстрировано

последними событиями сноса советских монументов Великой Отечественной войны в республиках Прибалтики, Польши и некоторых других недружественных нам стран. Причем реагирование было настолько стремительным, что возникли вопросы в области судебно-следственной практики.

И следствием поспешной криминализации явилось множество проблем правоприменительного характера. Одна из них — неопределенность и сложность установления места производства предварительного расследования и территориальной подсудности по указанным преступлениям, совершенным иностранным гражданином или лицом без гражданства, не проживающим постоянно в России [2]. Однако эти вопросы носят уголовно-процессуальный характер и заслуживают отдельной темы обсуждения.

Данная статья, в отличие от ст. 243 УК РФ [1], направлена на уголовно-правовую охрану объектов воинской славы, находящихся за пределами Российской Федерации (и здесь мы имеем дело с так называемым экстерриториальным принципом действия уголовного закона в пространстве). Так, существуют прецеденты уничтожения или повреждения данных объектов за рубежом иностранными лицами и лицами без гражданства. Однако ни одного вступившего в законную силу приговора в таких случаях не имеется, как предполагается, в связи с международно-политическим значением данных ситуаций.

Одним из примеров является инцидент в Праге, произошедший в апреле 2020 г. в связи с демонтажом памятника маршалу И.С. Коневу, в ходе которого его переместили в музей [8]. Следовательно, применение вышеуказанной статьи стало необходимо за несколько дней до вступления в силу данной нормы.

Следственный комитет РФ возбудил по факту демонтажа монумента уголовное дело по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ [1] в связи с тем, что норма, предусмотренная ст. 243.4 УК РФ еще не вступила в силу. Следственный комитет РФ расценил, что подобными циничными действиями муниципальные власти г. Праги грубо нарушили взятые на себя Чешской Республикой обязательства в рамках двусторонних договоренностей с Россией, продемонстрировав свое пренебрежение общей памятью и историей борьбы советского народа с фашизмом.

На возбуждение уголовного дела за данные действия МИД Чехии отреагировал с критикой в адрес России, призвав не вмешиваться в суверенные дела другого государства и расценив начало предварительного следствия как действия, направленные на разжигание конфронтации. Министр иностранных дел Чехии заявил, что заключенный в 1993 г. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой предполагает уважительное отношение к монументам и их защиту, но не устанавливает, где те или иные памятники должны быть размещены. По

его словам, является уместным осуществление возможности передачи монумента России. И это не единственный пример.

Следовательно, применение указанного положения также порождает трудность, связанную с внешнеполитическими отношениями стран, а именно является причиной столкновения интересов России с внутренними интересами иностранного государства.

Далее после инцидента в Праге и вступления в законную силу данной статьи характерно отсутствие актуальности ее применения, что подтверждается практикой, а точнее ее нулевыми показателями, поскольку за длительное время не было возбуждено ни одного уголовного дела.

Актуальность данная статья начала приобретать лишь в последний год, что несомненно связано с обострением внешнеполитических отношений России с другими государствами. В указанный период по факту совершения соответствующих противоправных действий за границей Следственным комитетом России возбуждено около 22 уголовных дел.

21.03.2022 г. возбуждено уголовное дело по факту повреждения военно-мемориального комплекса «Азов» в г. Афины [7]. Помимо того, по результатам мониторинга новостных ресурсов выявлена тенденция еженедельной текущей деятельности следственных органов по возбуждению уголовных дел по аналогичным фактам в других европейских странах [6].

В производстве органов предварительного следствия уголовные дела по рассматриваемым преступлениям, совершенным в пределах Российской Федерации, стали появляться только с осени 2021 г.

К примеру, приговором Куменского районного суда Кировской области от 22.02.2022 г. признан виновным М.А. Погудин в совершении повреждения мемориального сооружения «Аллея Славы» (мемориальная доска-планшет), увековечивающего память погибших при защите Отечества и его интересов в период Великой Отечественной войны. Судом указано, что он с силой умышленно нанес один удар рукой по мемориальной доске, тем самым осквернив и повредив ее, а также причинив вред историко-культурному значению указанного сооружения [4].

Проанализировав немногочисленную судебную практику, можно сделать вывод, что отсутствуют случаи уничтожения объектов воинской славы, а также назначенные наказания за их повреждение сравнительно малы по отношению к максимальному размеру. В частности, за вышеуказанные преступные действия М.А. Погудину назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 рублей.

Кроме того, при квалификации данных деяний в первую очередь инкриминируется административное правонарушение за мелкое хулиганство, а лишь потом возникает вопрос о передачи материалов для

проведения предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ. Это свидетельствует о возникающих у правоохранительных органов проблемах надлежащей квалификации противоправных действий, направленных против объектов воинской славы.

Помимо того, проанализировав санкции правовых норм, закрепленных в ст. 243 и ст. 243.4 УК РФ, можно резюмировать, что законодатель не имел намерения ужесточения наказания. Понимая нацеленность исследуемой статьи на охрану памяти погибших при защите Отечества, в т.ч. на необходимость сохранения памяти героев Великой Отечественной войны, она создана, по логике законодателя, для более узкой и правильной квалификации отдельно взятых преступлений, посягающих на объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества или его интересов, а также позволяет защищать интересы Российской Федерации вне ее пределов. Следовательно, с учетом применения ст. 12 УК РФ государством признается интерес в охране объектов воинской славы, находящихся за рубежом, и криминализации противоправных деяний в отношении них.

На основании вышеизложенного, считается, что действия законодателя по закреплению самостоятельной «примовой» статьи, устанавливающей уголовную ответственность за уничтожение или повреждение объектов воинской славы, не являются целесообразными и необходимыми, поскольку долгое время она носила декларативный характер, и только в последние несколько месяцев получила шанс на эффективное правоприменение. Необходимо с учетом нарабатанной судебной-следственной практики издать соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ о разъяснении некоторых вопросов квалификации указанного преступления. Однако результаты такого применения и дальнейшие перспективы существования данной статьи будут подлежать оценке постепенно в зависимости от направлений уголовно-правовой политики государства.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 07.04.2020 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 15 (часть I). Ст. 2235.
4. Приговор Куменского районного суда Кировской области от 22.02.2022 г. по делу № 1-12/2022 // Официальный сайт Куменского районного суда Кировской области [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/gcoiF> (дата обращения: 10.02.2023).

5. Война с памятниками: как в разных странах сносят советские монументы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d> (дата обращения: 10.02.2023).

6. Инциденты в Эстонии, Болгарии и Литве // Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1673844> (дата обращения: 10.02.2023).

7. Новости Следственного комитета РФ // Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1666403> (дата обращения: 10.02.2023).

8. Советский маршал и чемодан с ядом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4332879/> (дата обращения: 10.02.2023).

Об авторе:

ГАЙДАШОВ Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF MILITARY GRAVES, MEMORIAL OBJECTS OF MILITARY GLORY OF RUSSIA

A.V. Gaidashov

Tver State University, Tver

The aim of the work is to analyze the newly introduced provision of the criminal legislation of the Russian Federation, which establishes criminal liability for the destruction or damage of objects that perpetuate the memory of those who died in defense of the Fatherland or its interests. The reasons for the appearance of Art. 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation and problems of an international legal nature related to the commission of these socially dangerous actions outside the Russian Federation.

Keywords: *objects of military glory; Soviet monuments; committing a crime outside the Russian Federation.*

About author:

GAIDASHOV Alexander – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

Гайдашов А.В. Проблемы уголовно-правовой охраны воинских захоронений, мемориальных объектов воинской славы России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 41–45.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Д.В. Голенко

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Объектом исследования является Особенная часть Уголовного кодекса Республики Казахстан. Целью работы является установление общих и специфических черт Особенной части уголовного закона Казахстана с уголовным законом России. Автор в исследовании применил анализ и сравнительно-правовой метод. Исследованы структурные компоненты Особенной части уголовного закона Казахстана, выявлены общие с российским уголовным законом черты, обращено внимание на специфические элементы построения. Автор приходит к выводу, что при построении Особенной части законодатель Республики Казахстан опирается на отечественный опыт построения своего уголовного закона, но использует и опыт построения уголовного закона зарубежных стран.

Ключевые слова: *Особенная часть Уголовного кодекса Республики Казахстан, структура уголовного закона, построение уголовного кодекса.*

Уголовное законодательство России и Казахстана имеет много общих черт. С 2015 г. действует новый Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК), он сохранил некоторую преемственность с прежним уголовным законодательством, что и обуславливает сохранение общих черт с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ). Однако УК РК имеет и ряд существенных отличительных черт. Интерес для изучения российским исследователем представляет опыт построения этого структурного компонента уголовного закона с учетом реакции законодателя на современные вызовы.

В Республике Казахстан перечень всех деяний, которые признаются преступными, содержится в Особенной части УК РК. В Казахстане, как и в России, уголовное законодательство состоит только из уголовного кодекса. Все иные уголовные законы подлежат включению в него (ст. 1 УК РК). Эта важная черта уголовного законодательства характерна для многих государств, которые ранее входили в состав СССР.

Отличительной особенностью УК РК является то, что в статьях его Особенной части названы признаки не только преступлений, но и уголовных проступков. Вместе они именуются уголовные правонарушения. Именно эта категория используется в наименовании глав Особенной части УК РК. Внутри Особенной части УК РК нет отдельного структурного элемента, объединяющего уголовные

проступки. Они не отделены от преступлений и не выделены внутри Особенной части УК РК. Понять относится ли деяние к преступлению или проступку возможно из анализа санкции статьи (ст. 10 УК РК). Объем Особенной части УК РК увеличился по сравнению с ранее действовавшим уголовным законом, некоторые административные правонарушения были признаны законодателем уголовными проступками и перенесены в УК РК. Это подверглось критике в науке [1, с. 23–24].

Еще одной отличительной от российского уголовного закона чертой Особенной части УК РК является ее структура. Она состоит только из глав, объединяющих статьи. Иные структурные элементы (например, разделы) внутри Особенной части УК РК отсутствуют. Общая и Особенная части УК РК имеют самостоятельную нумерацию глав, но единую нумерацию статей. В Особенной части УК РК располагаются гл. с 1 по 18, ст. с 99 по 466. Последовательность расположения глав обусловлена провозглашенными ценностями [2, с. 142]. Последовательность расположения глав отличается, например, от последовательности расположения глав в УК РФ, но сохраняет преемственность с УК РК 1997 г. (с учетом добавления в новый уголовный закон Казахстана двух новых глав: 7 и 12). Если условно обозначить ценности как личность, человечество, общество, государство, то прослеживается такая последовательность: сначала идут преступления против личности, затем против мира и человечества, после них против государства, а затем против общества и др. Это условная последовательность. Однако следует учитывать, что провозглашенные ценности не всегда совпадают с реальными ценностями. Необходимо обращать внимание не только на последовательность расположения статей, но и их санкции, а также практику применения статей.

Значительная часть глав Особенной части УК РК в наименовании совпадает с главами Особенной части УК РФ. Но в УК РК есть, например, самостоятельная глава о медицинских правонарушениях. Ее содержание в части схоже с содержанием гл. 16 УК РФ.

Если анализировать наименования и диспозиции статей Особенной части УК РК, то несложно заметить, что большинство из них совпадает с наименованием и диспозициями статей Особенной части УК РФ. Например, в главе 1 Особенной части УК РК легко узнаются гл. 16–18 УК РФ. Статьи об этих преступлениях объединены в гл. 1 УК РК. В отличие от УК РФ в УК РК в гл. 1 Особенной части сначала идут преступления против половой свободы и неприкосновенности, и только потом преступления против свободы, чести и достоинства. В УК РФ две последние группы преступлений расположены наоборот, но последовательность расположения статей внутри групп совпадает. Такие же совпадения наблюдаются и в других главах Особенной части УК РК. Например, гл. 2 и 3 Особенной части УК РК похожи по содержанию на

гл. 19 и 20 УК РФ, только расположены наоборот. Глава 4 Особенной части УК РФ напоминает по содержанию гл. 34 УК РФ, гл. 5 Особенной части УК РК – гл. 29 УК РФ и т. д. Однако схожесть диспозиций статей и их названия, расположение не свидетельствуют о полном совпадении статей УК РК и статей УК РФ. Например, в статьях УК РК и УК РФ за аналогичные преступления отличаются санкции. В УК РК отсутствует такой вид наказания, как смертная казнь, но есть, например, такой вид наказания, как лишение гражданства Республики Казахстан (ст. 175 УК РК). Отличается подход законодателя Казахстана к виду и размеру наказаний, к построению санкций. Например, в Казахстане санкция статьи предусматривает лишение свободы на срок от 8 до 12 лет (ч. 3 ст. 106 УК РК), а в России – до 15 лет (ч. 4 ст. 111 УК РФ). За изнасилование в Казахстане – лишение свободы на срок от 5 до 8 лет (ч. 1 ст. 120 УК РК), в России – от 3 до 6 лет (ч. 1 ст. 131 УК РФ). В некоторых статьях российский законодатель выбирает альтернативные санкции, а казахстанский – нет, и наоборот (например, ч. 1 ст. 125 УК РК и ч. 1 ст. 126 УК РФ). Законодатель России и законодатель Казахстана могут признавать преступным одни и те же деяния, но относить их к различным категориям преступлений.

Несмотря на кажущееся существенное сходство Особенной части УК РК и Особенной части УК РФ по диспозициям статей, имеются отличия. Например, в УК РК есть статья о клонировании человека (ст. 129 УК РК), предусмотрена ответственность за нарушение клинических исследований (ст. 318 УК РК). В российском уголовном законодательстве эти вопросы не урегулированы. Есть отдельная статья, предусматривающая уголовную ответственность за пытки. В УК РФ такой статьи нет. Совершение преступления с применением пытки является квалифицирующим признаком некоторых преступлений. Ранее содержание понятия «пытки» раскрывалось в примечании к ст. 117 УК РФ, но согласно Федеральному закону от 14.07.2022 г. № 307-ФЗ это примечание утратило силу. Теперь содержание понятия «пытки» раскрывается в примечании к статье, описывающей признаки должностного преступления (ст. 286 УК РФ).

Законодатель подчеркивает ценность мира и безопасности человечества, располагая эту группу преступлений сразу после правонарушений против личности, человека, гражданина и до преступлений против государства (гл. 4 Особенной части УК РК). В этой главе нет уголовных проступков. Часть диспозиций статей этой главы схожи с диспозициями статей гл. 34 УК РФ. Но есть статьи и отличающиеся от УК РФ. Например, в гл. 4 Особенной части УК РК содержится статья, предусматривающая уголовную ответственность за разжигание сословной розни (ст. 174 УК РК). В России сословия были отменены в 1917 г. Генеральная прокуратура Республики Казахстан в письме от 13.11.2015 г. № 2-012200-15-62218 обратила внимание на

использование термина «сословия» в уголовном законе при отсутствии его законодательного закрепления. Такое построение диспозиции на практике может вызвать сложности при квалификации действий лица [3, с. 86].

В Особенной части УК РК есть статьи, защищающие жизнь, честь, достоинство и другие права Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, (ст. 177, 373 УК РК) и действующего Президента Республики Казахстан (ст. 178, 374 УК РК). Для современного российского уголовного закона не характерно наличие отдельной статьи, в которой предусмотрена ответственность за посягательство на главу государству.

В главе об уголовных правонарушениях против собственности в УК РК содержатся не только статьи о регулировании «традиционных» преступлений против собственности (кража, грабеж, разбой, мошенничество и т. д.), но и статьи, предусматривающие ответственность за посягательства на интеллектуальную собственность (ст. 198, 199 УК РК). Интересным является и то, что в этой главе наряду с относительно современными статьями (защита интеллектуальной собственности) находятся и такие статьи, как ст. 188.1 УК РК – скотокрадство. Возможно, это обусловлено актуальностью и важностью данных отношений в Казахстане в силу исторических причин.

УК РК, например, в ст. 217.1 устанавливает ответственность за рекламу финансовой пирамиды, а ст. 249 УК РФ – за рейдерство.

Законодатель в УК РК, в отличие от российского законодателя, использует понятие «транспортные правонарушения». Часть диспозиций статей гл. 14 Особенной части УК РК схожа с диспозициями статей гл. 27 УК РФ. Однако есть и отличия. Например, в УК РК сохранена статья об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия, имеется несколько статей, предусматривающих ответственность за управление транспортом в состоянии опьянения (ст. 358 УК РК).

Построение статей Особенной части УК РК имеет особенности. Части и пункты в них пронумерованы. В Особенной части УК РК также встречаются примечания к статьям, которые различны по своим функциям. Однако еще одной отличительной чертой УК РК является то, что содержание некоторых понятий, которые используются в Особенной части УК РК, раскрывается не в примечаниях, как в УК РФ, а в ст. 3 Общей части УК РК. Например, там раскрыто содержание таких понятий, как хищение, различные виды ущерба, банда, различный вред здоровью и др.

Это лишь некоторые отличия в построении Особенной части УК РК от Особенной части УК РФ.

Особенная часть УК РК является по-своему уникальной. Она отражает реакцию законодателя на современные вызовы, сохраняет традиционные положения. Анализируя ее, нетрудно заметить, что

законодатель старается опираться на исторический опыт построения своего уголовного закона, но и не боится использовать опыт зарубежных стран. В свете происходящих реформ в Казахстане, возможно, Особенная часть УК РК вновь будет трансформирована, но с сохранением признания человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Список литературы

1. Балтабаев К.Ж. Особенности Уголовного кодекса Республики Казахстан // Уголовное право. 2017. № 4. С. 18–25.
2. Волженкин Б.В. Новый Уголовный кодекс Республики Казахстан // Правоведение. 1999. № 1. С. 142–150.
3. Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Значение признаков объективной стороны общественно-опасного деяния для его квалификации в правоприменительной практике // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 86–93.

Об авторе:

ГОЛЕНКО Диана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34), SPIN-код: 8331-8174, e-mail: golenko.diana@bk.ru

ON SOME ASPECTS OF CONSTRUCTION OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

D.V. Golenko

Samara National Research University, Samara

The object of the study is the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. The purpose of the work is to establish common and specific features of the Special Part of the Criminal Law of Kazakhstan with the criminal law of Russia. The author used the analysis and the comparative legal method in the study. Structural components of the Special Part of the Criminal Law of Kazakhstan have been studied, common features with the Russian criminal law have been identified, attention has been drawn to the specific elements of construction. The author comes to the conclusion that when constructing the Special Part, the legislator of the Republic of Kazakhstan relies on the domestic experience of constructing his own criminal law, but also uses the experience of constructing the criminal law of foreign countries.

Keywords: *the special part of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the structure of the criminal law, the construction of the criminal code.*

About author:

GOLENKO Diana – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University (443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse, 34), SPIN-code: 8331-8174, e-mail: golenko.diana@bk.ru

Голенко Д.В. О некоторых аспектах построения Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 46–51.

Статья поступила в редакцию 10.11.2022 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ПРИ ЭЛЕКТРОННОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ ТОВАРОВ

Ю.Б. Субботин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают проблемы таможенного контроля товаров, основанного на сведениях, представляемых в электронном виде. Применение технологии электронного декларирования предполагает оцифровку всей информации, подтверждающей заявленные сведения о товаре. Достоверность информации, представляемой в электронном виде, в большинстве случаев не может быть перепроверена по оригинальным источникам. Целью работы является обоснование необходимости выборочного контроля в виде сверки электронных сведений с информацией на бумажном носителе в рамках системы управления рисками.

Ключевые слова: таможенный контроль, электронное декларирование, недостоверное декларирование, представление документов и сведений, подделка документов.

В настоящее время таможенное оформление товаров проводится в рамках технологии электронного декларирования. Данная технология внедрена относительно недавно и направлена на проведение оперативной обработки данных и контроля соответствующих сведений для таможенных целей. Ее появление сопряжено с практикой применения безбумажного документооборота в государственных и коммерческих структурах. Применение данной технологии приобрело еще большую значимость в связи с тем, что с некоторого времени основной формой таможенного контроля является именно документальный контроль – все прочие формы контроля остаются дополнительными (выборочными) и применяются исключительно в рамках системы управления рисками.

Проведение документального таможенного контроля товаров предполагает оптимальное сочетание времени и качества контроля документов. В части сокращения временных затрат контроля и удобства предоставления документов и сведений в электронном виде все преимущества электронного декларирования очевидны. Однако, отсутствие у таможенного инспектора оригиналов документов, оказывающих влияние на принятие решения о выпуске товаров, предполагает оказание полной степени доверия декларанту в подлинности предоставляемых сведений.

Таким образом, при сокращении времени документального контроля риски недостоверного декларирования товаров существенно возрастают.

© Субботин Ю.Б., 2023

Конечно, таможенный инспектор может запросить оригиналы документов, но только в регламентируемых случаях: когда это предписано нормативными документами либо имеющимися профилями рисков в рамках системы управления рисками.

Федеральным органом исполнительной власти в области таможенного дела (Федеральная таможенная служба) для подтверждения тех или иных сведений рекомендуется использовать в Интернете сайты соответствующих производителей товаров. Более того, декларанту разрешено указывать всего лишь ссылки на соответствующие сайты.

Вместе с тем возможность наличия поддельных сайтов не дает использовать данный ресурс в качестве основного и единственного источника информации для таможенных целей. Чрезмерное увлечение открывшимися возможностями электронного декларирования таит в себе опасность представления недостоверной информации недобросовестными участниками внешнеэкономической деятельности для ухода от таможенных платежей и несоблюдения запрета и ограничений по товарам.

В этой связи из практики можно привести пример, когда для подтверждения заявленного классификационного кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности по товару «мотокультиваторы» недобросовестной фирмой в электронном виде были представлены документы с сайта производителя в искаженном (отредактированном) виде. При этом был удален абзац о многоцелевом использовании данного товара в сельском хозяйстве, имеющий ключевое значение в определении кода товара. По результатам таможенного контроля было принято решение по классификации товара в иную подсубпозицию товарной номенклатуры с более высокой ставкой ввозной таможенной пошлины.

Однако, несмотря на очевидность подделки документов, подписанных электронно-цифровой подписью декларанта, в возбуждении уголовного дела (на основании информации по товару с сайта производителя) по признакам преступления подразделением дознания было отказано в связи с отсутствием бумажного носителя соответствующих сведений от производителя товара.

Таким образом, электронное представление доказательной базы с подлинного сайта является недостаточным для заведения соответствующего дела о нарушении таможенных правил. Иначе, здесь необходим возврат к бумажному документообороту для принятия решения о возбуждении дела, что отчасти может быть возможным только в рамках таможенного декларирования до выпуска товара.

Ситуация, когда декларант под любыми предлогами отказывается представлять информацию на бумажном носителе в дополнение к имеющимся сведениям в рамках электронного декларирования, не является основанием для отказа в выпуске декларации.

Перенос таможенного контроля на выпущенный товар, что сейчас заложено в основе концепции таможенного контроля, обычно приводит ситуацию к неразрешимой: международные запросы иностранному производителю (в наше время преимущественно китайскому) в рамках таможенного контроля после выпуска товара, как правило, малоэффективны.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод об уходе от уголовной ответственности за подделку документов, представленных в электронном виде. Иначе говоря, электронное декларирование создает условия для недостоверного декларирования товаров недобросовестными участниками внешнеэкономической деятельности без всякого риска уголовного преследования последних.

Вместе с тем в рамках технологии электронного декларирования все представляемые сведения заверяются электронно-цифровой подписью (далее – ЭЦП) декларанта. Таким образом, при внесении, при необходимости, соответствующих поправок в уголовное законодательство, на основании ЭЦП можно инкриминировать заявление заведомо ложных сведений в документах, представляемых в электронном виде.

Любые прогрессивные технологии имеют, как правило, свою оборотную сторону. Оцифровка информации представляет широкие возможности её обработки и анализа. Но одновременно с применением оргтехники упрощаются возможности фальсификации оригинальных сведений, вторичный контроль которых на бумажном носителе возможен лишь после выпуска декларации и то не всегда.

Проведение таможенной проверки задекларированного товара после его выпуска должно иметь основания (признаки недостоверного декларирования), однако соответствующие признаки фальсификации документов на данном этапе таможенного контроля не столь очевидны.

С учетом вышеизложенного, в случае невозможности привлечения к ответственности за недостоверную электронную документацию на основании ЭЦП при таможенном контроле до выпуска товаров выборочно должны предъявляться обязательные требования для представления декларантами сведений на бумажном носителе в рамках системы управления рисками как условие для выпуска товаров. Речь здесь может идти о разработке целевых профилей рисков по конкретной партии товара, по собственному усмотрению таможенного инспектора, при наличии достаточных на то оснований (признаков недостоверного декларирования), где вышеупомянутые требования выступают в качестве мер по минимизации рисков.

Об авторе:

СУББОТИН Юрий Борисович – кандидат технических наук; доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГОУ

ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

CUSTOMS CONTROL IN THE ELECTRONIC DECLARATION OF GOODS

Y.B. Subbotin

Tver State University, Tver

The object of the study is the problems of customs control of goods based on information provided in electronic form. The use of electronic declaration technology involves the digitization of all information confirming the declared information about the product. The reliability of information provided in electronic form, in most cases, cannot be cross-checked against the original. The purpose of the work is to substantiate the need for selective control in the form of reconciliation of electronic information with information on paper as part of the risk management system.

Keywords: *customs control, electronic declaration, false declaration, submission of documents and information, forgery of documents.*

About author:

SUBBOTIN Yuriy – a candidate of the technical sciences; the assistant professor of the pulpit to constitutional, administrative and customs right of Tver State University (170100, Russia, Tver, Zheljabova st., 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

Субботин Ю.Б. Таможенный контроль при электронном декларировании товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 52–55.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ПРЕОДОЛЕНИИ МОРАТОРИЯ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ¹

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Объектом исследования выступают правовые нормы (конституционные, конвенционные, уголовно–правовые) о смертной казни как исключительной мере наказания, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и доктринальные положения по данному вопросу. Целью работы является обоснование возможности возврата к данному виду наказания в российском правоприменении в рамках действующего законодательства. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания социально–правовых явлений, общенаучные, междисциплинарные, а также специализированные методы юридической науки. Сформулирована позиция автора о том, что, с формально–юридической точки зрения, преодоление моратория не требует принятия новой Конституции – достаточно запроса уполномоченного субъекта в Конституционный Суд РФ, т. к. определение последнего о бессрочном характере данного моратория этому не препятствует (в соответствующем же постановлении Суда вопросы уголовного права не обсуждались) либо решение Государственной Думы РФ.

Ключевые слова: смертная казнь, мораторий, конституционно–правовая оценка, новые обстоятельства, преодоление, возвращение к дискуссии.

К формально-юридическим размышлениям по заявленной проблеме автора «эссе» подвиг заочный обмен мнениями заместителя председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведева и председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации РФ А.А. Клишаса о возможности/невозможности преодоления моратория на смертную казнь [18]. Первый, не отрицая философско-гуманитарной сложности вопроса о данном виде наказания, не настаивая на непременном его возвращении в российское правоохранительное пространство, подчеркнув гуманистический контекст моратория и в целом позиции об отказе от смертной казни (в «противоход» США, КНР, Индии и др.), все же не исключил возврата к ней – при условии изменения правовой позиции Конституционного Суда РФ на основе анализа обстоятельств сегодняшнего дня. Второй, отвечая на вопрос в принципе, а также в связи

¹ Исследование выполнено в рамках инициативного проекта ЯрГУ VIP-015.

с запросом депутата Государственной Думы РФ К.Ф. Затулина о восстановлении в стране смертной казни для организаторов террористических актов против детей и молодежи, объявил о невозможности данного решения в рамках действующей Конституции Российской Федерации (принята 12.12.1993 г.) [1] (норма ст. 20 и глава вторая в целом могут быть изменены только посредством принятия нового Основного закона).

Потребность в размышлении была также усилена весьма резкими оценками позиции Д.А. Медведева некоторыми представителями научного юридического сообщества, в том числе незаслуженными (в контексте изложенной им позиции) упреками *ad personam*¹.

Как известно, норма ст. 20 Конституции РФ отнюдь не исключает применение смертной казни, но содержит три значимые смысловые нагрузки: первая – ее ориентация в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни; вторая – обусловленность осуждения к данному виду наказания приговором суда присяжных; третья – предположение о ее временном характере, даже и при соблюдении предыдущих условий («...впредь до ее отмены...»). Поскольку организация суда присяжных затянулась и во времени, и по территориям, а вопрос об исполнении смертных приговоров требовал прямого ответа, Конституционный Суд РФ принял Постановление от 02.02.1999 г. № 3–П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» [26], где в п. 5 допустил применение смертной казни только после введения суда присяжных на всей территории РФ. В доктрине данная правовая позиция квалифицирована вполне точно: речь идет о

¹ Так, А.П. Евсеев констатировал: «...надежда российских либералов конца нулевых, интеллигентнейший Д.А. Медведев дал решительный крен вправо», допустив возвращение смертной казни и прокомментировав факт приостановки членства в Совете Европы и ПАСЕ как неплохом поводе, «наконец хлопнуть дверью и забыть об этих бессмысленных богадельнях навсегда» [9, с. 131].

Между тем позиция Д.А. Медведева – отнюдь не столь кровожадная, как явствует из означенной статьи – ее следует все же изучать в системе с другими его высказываниями, а не опираться только на небольшой пост «В Контакте». Полагаем также, что интеллигентность не предполагает полного совпадения с объемом понятия «человек либеральных взглядов» – она может быть присуща (о, «ретроградная крамола!») и человеку взглядов патриотических. Кроме того, наше мировоззрение обладает определенной изменчивостью, что вряд ли подлежит обструкции, – лишь бы изменчивость не оказалась враждебной самой сущности его обладателя.

двух аспектах действия моратория – на вынесение смертных приговоров и на их исполнение [22]; один относится к уголовно-процессуальному, другой – к уголовно-исполнительному законодательству (однако отнюдь не к уголовно-правовому, т. е. напрямую не касается п. «н» ст. 44 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022 г.)) [6].

Последовавшее через 10 лет определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р [28], принятое по запросу Верховного Суда РФ в связи с повсеместной организацией судов присяжных (включая Чеченскую Республику), содержит правовую позицию, в предмете своем выходящую весьма далеко за целеполагание разъяснения смысла постановления 1999 г., хотя, с точки зрения доктринальной и филологической эстетики, традиционно находится на высоком уровне.

В частности, факт выхода за означенные пределы был констатирован в приложенном к определению особом мнении судьи Ю.Д. Рудкина, полагавшего, что вопрос о разъяснении содержания Постановления 1999 г. не подлежал рассмотрению, т. к. изложение его уголовно-процессуальной составляющей (а именно она анализировалась Судом) не содержит неопределенности и не нуждается в дополнительном истолковании. Следует заметить, что в доктрине данное особое мнение оценено положительно – как заслуживающее весьма пристального внимания¹, с чем мы вполне солидарны².

В то же время понятна и мотивация Суда к выходу за эти данные пределы, что следует из сущности его аргументации за сохранение моратория (и даже «бессрочного моратория») на смертную казнь. Действительно, конституционно-правовая оценка отношения государства к смертной казни была необходима и актуализировалась в виду реализации условия о судах присяжных. Однако полагаем, что данная оценка должна была стать формально-юридической (и уже потом – сущностной) реакцией не на запрос Верховного Суда РФ о разъяснении постановления 1999 г., а на запрос уполномоченного к тому субъекта (Президента РФ, Совета Федерации РФ и др. – ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [4]) о конституционно-правовом смысле нормы ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, международно-правовых обязательств по вопросу и сложившейся правоприменительной практики. Именно в этом ключе и выстроена

¹ Так, например, А.И. Рарог, констатируя, что упрекнуть Суд «в нестабильности правовых позиций практически невозможно, поскольку его решения с момента вынесения действуют неизменно и безоговорочно», однако именно рассматриваемое определение оценивает, как вызывающее сомнение, а особое мнение судьи Ю.Д. Рудкина – как значимое [21, с. 48–49].

² И в очередной раз выражаем сожаление о решении законодателя отказать институту особого мнения судьи Конституционного Суда РФ в публичности [24, с. 71–74].

аргументация Суда в указанном определении, хотя и за пределами предмета запроса.

Не вдаваясь подробно в его содержание (оно неоднократно проанализировано в доктрине [10, с. 22–47; 12, с. 459–461]), тем не менее, отметим наиболее значимые положения, которые и привели к выводу о «бессрочности» моратория. Первое: хотя РФ не ратифицировала подписанный ею протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписана РФ 28.02.1996 г., вступила в силу для РФ 05.05.1998 г.) [3], она и не выразила прямо своего намерения не стать его участником (при этом ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров (принята 23.05.1969 г.) [2] призывает воздерживаться от действий, лишающих подписанное соглашение объекта и цели). Однако в норме содержится дополнительная формулировка: «под условием ратификации». Как известно, это условие до сих пор не выполнено, и причины к тому в доктрине называются разные: бездействие Государственной Думы РФ – продуманная принципиальная позиция; осознание исторических традиций, а также реалий криминологической ситуации; нежелание депутатов возложить на себя ответственность за непопулярное в обществе решение [12, с. 457–458]. Кроме того, в рассматриваемой части Протокол № 6 не соответствует норме ст. 20 Конституции РФ, в которой смертная казнь не отменена, хотя и отвечает ее духу, представлениям о будущем данного вида наказания. При этом с тех пор подходы к квалификации юридической силы международно-правовых актов и договоров изменились. В настоящее время норма ч. 6 ст. 125 Конституции РФ позволяет Конституционному Суду РФ давать договорам конституционно-правовую оценку, а предписание ч. 5¹ – решать вопрос об исполнимости актов международных организаций. Причем последнее полномочие, как известно, явилось прямым или опосредованным (квалификация зависит от угла и характера «зрения») следствием коллизии правовых позиций Суда и ЕСПЧ [24, с. 67–69], а в качестве предпосылки имело постановление Суда (2015 г.) и последовавшее вскоре за ним изменение ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Тенденция на иерархичность актов вполне просматривается.

Второе: в международно-правовом поле сформировалась устойчивая тенденция на отказ от смертной казни; солидаризация с нею была одним из существенных условий для приглашения РФ в Совет Европы (п. 4. 1 Определения). Разумеется. Однако РФ из него в 2022 г. вышла (и именно это обстоятельство явилось, наряду с другими, основанием для позиции Д.А. Медведева).

Третье: если одна из ветвей государственной власти (читай – Государственная Дума РФ) «допускает отклонение от этого обязательства, его соблюдение может быть обеспечено другими ветвями власти...» (п. 5). Полагаем данный тезис, по меньшей мере, спорным.

Если же его «привязать» к случаю, то, во-первых, Президент РФ не принял соответствующего решения, а лишь обозначил в своем Указе от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» (вступил в силу с 16.05.1996 г.) [8] стремление к постепенному отказу от легитимации обсуждаемого вида наказания, во-вторых, Конституционный Суд РФ не мог подменить в вопросе ратификации (а по сути – квалификации подхода РФ к смертной казни) первую ветвь государственной власти. По данному поводу, с учетом современных реалий, весьма осторожно высказался Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, подчеркнув, что Суд не отменил этот вид наказания, ибо на то уполномочен лишь законодатель, он «лишь сделал практически бессрочным мораторий на ее назначение и применение; иное стало бы нарушением принципа разделения властей и выходом Суда за пределы его полномочий» [14, с. 77]. Полагаем, однако, что, как говорится в русской присказке, «хрен редьки не слаще»: формально избегнул, а, по сути, избежать не смог, – видимо, в рамках заданных жизнью обстоятельств и собственного профессионального правосознания.

Четвертое: в России сложилась правоприменительная практика о неприменении смертной казни. Данное положение также небесспорно. Да, с одной стороны, гуманистический контекст данной практики вполне очевиден. Но, с другой стороны, неочевидна надежность ссылки на правоприменение как таковое, ибо оно может быть и изменчивым, и ошибочным, даже незаконным (причем, молчаливо признаваемым высшими судами)¹ – по тем или иным причинам. Что касается обеспечения права на жизнь для «злодеев»² (обладающих таковым правом и лишивших его другого, а то и многих других), то по этому

¹ Одним из ярких примеров подобного рода являются правовые позиции по вопросам суррогатного материнства и «суррогатного отцовства», по которым сложилась практика, игнорирующая положения закона (ст. 51 Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (принят Государственной Думой 08.12.1995 г.)) [7] и ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (принят Государственной Думой 01.11.2011 г.)) [5]. В частности, очевидное нарушение нормы п. 4 ст. 52 СК РФ (при воздержании от прямой квалификации его в качестве такового со стороны Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ) констатируется в особом мнении судьи Конституционного Суда А.Н. Кокотова» [25, с. 79] к определению Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [27].

Относительно своеобразия подходов к нарушению нормы ст. 55 указанного ФЗ см. одну из статей автора [23, с. 143].

² О специфическом варианте «злодейства» см., например, одну из работ по психолого-философскому аспекту проблемы [19, с. 71–73].

аспекту обсуждаемой проблемы, как известно, в российской доктрине высказаны прямо противоположные мнения, причем, при доминировании идеи снисхождения. При этом ссылка любого суда на практику, которая, собственно, им же и сформирована, представляет собою своеобразное проявление «юридического нарциссизма»...¹. И относительно устойчивого ожидания неприменения смертной казни (вследствие такой практики): полагаем, что надежда на сохранение жизни означенных «злодеев» – последнее (хоть и без отрицания такового ожидания с их стороны), что следует принимать во внимание; в первую очередь необходимо облегчить продолжение жизни близким погибшего, во вторую – обеспечить хотя бы минимальную превенцию, в третью – ответить на убежденность большей части общества в неотвратимости сурового наказания за особо тяжкое преступление (или острое желание такую убежденность сформировать) [13, с. 245–248]. Разумеется, мы знакомы с аргументацией против данного вида наказания – от фундаментально-гуманистического прочтения проблемы до соображений о возможности непоправимой судебной ошибки (пусть и уменьшившейся вследствие технико-криминалистических достижений – генной дактилоскопии, технологии распознавания лиц, повышения эффективности «детектора лжи» и т.п.), однако подробное изложение соответствующих доводов не входит в нашу задачу – тем более что ее содержательное выполнение вполне успешно в доктрине осуществляется [10, 11]². Имеются также и убедительные политико-правовые призывы: отмена смертной казни должна «стать нашим национальным выбором, свойственным духу нашего народа, чья сила никогда не высчитывалась количеством смертных приговоров» [22].

Впрочем, независимо от оценки рассматриваемой правовой позиции, в противостоянии мнений о возможности преодоления моратория в ситуации сегодняшнего дня, полагаем обоснованным принять точку зрения Д.А. Медведева – не в смысле неопременного возврата к смертной

¹ В доктрине также встречается ссылка на закон – в качестве аргумента своей позиции. Как будто конкретные нормативно-правовые положения (а в нашем случае – массив судебных решений) имеют своим источником божественное провидение, а не являются следствием интеллектуальных усилий человека, думающего, сомневающегося, ошибающегося, а иной раз – и следующего за определенными обстоятельствами...

² Особо хотелось бы отметить размышления по данному вопросу, системные, взвешенные на «весах» жизненного и профессионального опыта, М.И. Клеандрова [15, с. 306–318].

Позволим себе лишь одно соображение – об учете общественного мнения. Как известно, последнее преимущественно поддерживает идею сохранения смертной казни (до 70% респондентов). Реакция на это обстоятельство – весьма критичная. Однако следует заметить, что подходы и в политике, и в доктрине относительно «гласа народа» различаются – в зависимости от желания его оценщиков: выгодно – включаем в аргументацию, невыгодно – исключаем из нее либо подвергаем основательному сомнению.

казни (тем более что он и не призывает к этому с однозначностью), а в смысле допустимости обращения к этому вопросу ввиду новых обстоятельств. Поскольку правовая позиция Конституционного Суда РФ была изложена в определении, а не в постановлении (в последнем, еще раз подчеркнем, содержится конституционно-правовая оценка уголовно-процессуального законодательства, а не уголовно-правового), обращение с запросом в Суд допустимо – в соответствии с нормой п. 3. ч. 1 ст. 43 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Содержание его решения предвидеть не можем (да, строго говоря, и не вправе) – допускаем лишь предположение о возможном подтверждении его позиции, основанной на современном прочтении принципа гуманизма. Для «чистоты эксперимента» Российская Федерация может реализовать свое право заявить о намерении выйти из подписанного, но не ратифицированного Протокола № 6, преодолев тем самым последнее, на наш взгляд, препятствие–аргумент обсуждаемой правовой позиции Суда. Вопрос, сформируется ли на то политическая воля. Следовательно, принятия новой конституции как условия преодоления моратория формально–юридически не требуется. При этом, как известно, в доктрине необходимость ее разработки и принятия констатируется (в фундаментальном контексте [16, 17]) – дабы достигнуть «симфонии» между ее содержанием и реалиями современного российского общества и российской государственности, а также исключить некоторую фрагментарность ее нормативистики, возникшую на основе поправок 2020 г.¹ Вот тогда и посмотрим на результат по обсуждаемому вопросу, ибо в этом плане, каков бы ни был итог конституционно-правовой оценки действующей ситуации на основе действующей Конституции, предполагаемый новый Основной закон РФ может ее и скорректировать. Но произойдет это нескоро. Гораздо скорее можем увидеть означенную оценку проблемы, актуализированной общественным запросом, особенно после начала СВО².

¹ Например, ярким образцом таковой является положение о браке как союзе мужчины и женщины, размещенное в п. «ж¹» ст. 72.... Хотя само по себе оно актуально и отвечает российским ценностным ориентирам.

² В день, когда была поставлена точка в конце статьи, в выступлении на Всероссийском съезде судей В.Д. Зорькин отметил: 1) оснований для отмены моратория на смертную казнь нет; это нарушило бы сложившийся конституционно–правовой режим; вернуться можно только через принятие новой Конституции; 2) в 2022 году смертные приговоры выносятся в 53 государствах из 195; «повышенная напряженность конкретного исторического времени – не повод для создания перевеса в сторону суровости» (даже для ДНР и ЛНР); 3) если «некоторые известные политики» призывают к отмене, – «флаг им в руки» [20].

Между тем в своей книге о конституционном правосудии В.Д. Зорькин пишет о нерешенности данной проблемы, допускает возможность возврата к данной мере наказания в будущем («...пока есть убийства, вопрос о применении смертной казни не

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993 г.) (с поправками) // РГ. 1993. 25 декабря.
2. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23.05.1969 г.) // Веб-сайта ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.11.2022).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (подписана РФ 28.02.1996 г., вступила в силу для РФ 05.05.1998 г.) // Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
8. Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.
9. Евсеев А.П. Приглашение на казнь // Закон. 2022. № 3. С. 130–134.
10. Виноградова Е.В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь, против и ... против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 22–47.
11. Головина А.Ю. Вопрос о смертной казни в современной российской правовой науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 230–243.
12. Демидова А.В. Смертная казнь как вид уголовного наказания: современное состояние и тенденции развития // Вопросы российской юстиции. 2022. Вып. 20. С. 455–465.
13. Захарцев С.И. К дискуссии о смертной казни // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 245–258.
14. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. 154 с.
15. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.
16. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и прав. 2022. № 3. С. 7–18.

может быть полностью закрыт» – «...многое зависит от общей правовой ситуации в стране...») [14, с. 80–81].

17. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М.: Норма ИНФРА-М, 2022. 364 с.
18. Медведев допустил возвращение в России смертной казни [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/02/medvvved/?ysclid=lawdgesbk3956399170> (дата обращения: 25.11.2022).
19. Меньчиков Г.П. Люди и монстры // Педагогика и психология. Теория и практика. 2022. № 1 (39). С. 71–73.
20. Отказ от моратория на смертную казнь – плохой сигнал для общества [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/discussion/2022/11/29/otkaz_ot_moratoriya_na_smertnuyu_kazn_-_plohoj_signal_obschestvu_glava_konstitucionnogo_suda_vystup?ysclid=lb3ameapaz480065238 (дата обращения: 30.11.2022).
21. Парог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 11 (120). С. 46–60.
22. Романовский Г.Б. Смертная казнь как вид уголовного наказания // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2016. Т. 4, № 4 (16) [Электронный ресурс]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 25.11.2022).
23. Тарусина Н.Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1. С. 131–146.
24. Тарусина Н.Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 1. С. 64–75.
25. Тарусина Н.Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. Т. 26. № 7. С. 68–84.
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
27. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
28. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р «О разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года

«О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

FORMAL AND LEGAL ASSUMPTIONS ABOUT OVERCOMING THE MORATORIUM ON THE DEATH PENALTY

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The object of the study is the legal norms (constitutional, conventional, criminal law) on the death penalty as an exceptional measure of punishment, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and doctrinal provisions on this issue. The aim of the work is to substantiate the possibility of returning to this type of punishment in Russian law enforcement within the framework of the current legislation. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of social and legal phenomena, general scientific, interdisciplinary, as well as specialized methods of legal science. The author's position is formulated that, from a formal legal point of view, overcoming the moratorium does not require the adoption of a new constitution - it is enough to request an authorized subject to the Constitutional Court of the Russian Federation, since the latter's definition of the indefinite nature of this moratorium does not prevent this (in the corresponding in the judgment of the Court, questions of criminal law were not discussed) or the decision of the State Duma of the RF.

Keywords: *death penalty, moratorium, constitutional and legal assessment, new circumstances, overcoming, return to discussion.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. Формально-юридические предположения о преодолении моратория на смертную казнь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 56–65.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ)

И.А. Трофимец

ФГБОУ ВО Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Объектом статьи являются нормы испанского законодательства, определяющие меры защиты женщин от насилия в семье. Основной метод исследования – сравнительное правоведение. Цель работы показать место частноправовых мер в системе юридической защиты женщин от насилия в семье. Наряду с женщиной жертвой насилия в семье признаются ее несовершеннолетние дети. Брачно-семейным общественным отношениям с участием женщин, являющимся предметом самостоятельной отрасли права (семейного права), предоставляется широкая охрана и другими отраслями права, используются гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые инструменты. Автором сделан вывод об эффективности специальных частноправовых мер защиты от семейного насилия: запрет на совместное проживание, лишение и ограничение родительских прав, назначение алиментов и другие.

Ключевые слова: брак, семья, семейное (домашнее) насилие, гендерное насилие, комплексные меры.

Современное мировое сообщество обеспокоено вопросами дискриминации и насилия в отношении женщин. Эта проблема сопровождает человечество с незапамятных времен, облекается в формы обычаев. Исторически так сложилось, что женщина, независимо от возраста и своей роли в семье, рассматривалась как «вещь-собственность». Отдельные цивилизации пережили традиции убийства девочек-младенцев по религиозным (жертвоприношение) или экономическим соображениям. Девочки-подростки подвергались и подвергаются калечащим операциям на половых органах. Женщины принуждались и принуждаются к вступлению в брак, становились и становятся жертвами изнасилований, а также убийств и др.

Принимая во внимание приоритет общечеловеческих ценностей, подготовлен ряд международных документов, направленных на борьбу с дискриминацией и насилием в отношении женщин. На наш взгляд, основными являются Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1979 г. [5], Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, провозглашенная резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20.12.1993 г. [4], и Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и

домашним насилием (Стамбул, 11.05.2011 г.) [6]. Государства – участники ООН стремятся изменить стереотип поведения мужчин и женщин (и прежде всего в семье), искоренить предубеждения о господстве или неполноценности одного из полов над другим. Было принято стратегическое решение установить в национальных конституциях и законодательствах принцип гендерного равноправия и строго исполнять его.

Полагаем, что следует определить соотношение категорий «дискриминация в отношении женщин», «насилие в отношении женщин», «гендерное насилие», «семейное насилие», «домашнее насилие», «физическое насилие», «психологическое насилие», «сексуальное насилие» и «экономическое насилие».

Общим является термин «дискриминация в отношении женщин», определенный как «любое различие, исключение или ограничение по половому признаку, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области» [5]. Ликвидация дискриминации предполагает и исключение насилия в отношении женщин.

Понятие насилия и его формы и виды представлены в 2003 г. Всемирной организацией здравоохранения в докладе «Насилие и его влияние на здоровье людей». Не затрагивая юридических аспектов, сформулирована дефиниция «насилие», детерминантой в которой назван «вред, наносимый физическому или психическому здоровью человека». Детально определены причины насилия, которое проявляется в различных формах: межличностных (против сексуального партнера, жестокое обращение с детьми и людьми пожилого возраста), коллективных (геноцид, войны и вооруженные конфликты) и в форме суицида [18]. Межличностным насилием считается насилие, применяемое к лицам, юридически или фактически связанным семейными отношениями, как правило проживающим совместно и ведущим общее хозяйство. Следовательно, «семейное насилие» и «домашнее насилие» – это абсолютно тождественные категории. Видами насилия в зависимости от причиненного вреда здоровью называют физическое, психологическое, сексуальное и экономическое. Если оценивать насилие по факту причинения вреда здоровью, то вряд ли стоит считать экономическое насилие (контроль над использованием денег) самостоятельным видом. При нарушении имущественных прав может быть причинен как психический, так и физический вред здоровью. В то время как сексуальное насилие, причиняющее физический и психический вред, можно расценивать как самостоятельный вид межличностного насилия, поскольку затрагивается особая интимная

сторона отношений мужчины и женщины, связанная с дихотомией полов. Дихотомия мужчина-женщина существует объективно, заложена биологически за счет физиологических различий полов. По оценкам экспертов до 30 % женщин испытывают физическое насилие со стороны мужчины, с которым они находятся или раньше находились в интимных отношениях. Две трети женщин, умирающих насильственной смертью, погибают от рук супруга (партнера) или другого члена семьи [20].

Согласно ст. 1 Декларации об искоренении насилия в отношении женщин: «Насилие в отношении женщин означает любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни» [5]. Полагаем, что эта дефиниция более полно раскрывает категорию «насилие», поскольку наряду с «вредом (ущербом)» в качестве последствий насилия указаны «страдания». Страдания – это претерпевание физического и нравственно-эмоционального дискомфорта. Оценку последствий насилия может дать специалист в той или иной области знаний: врач, психолог.

«Насилие в отношении женщин» и «гендерное насилие» понятия схожие, но не идентичные. Представляется, что «гендерное насилие» более широкое понятие и его можно определить как вред, наносимый физическому или психическому здоровью женщины, и переживаемые страдания, в зависимости от ее семейного и общественного статуса. Категория «пол» относится к биологическим понятиям в отличие от категории «гендер», имеющей еще и социальное содержание. «Гендер» в большинстве случаев совпадает с маскулинностью или феминизмом людей. Но есть и особенности, обусловленные вызовами XX–XXI вв. в связи с юридическим признанием гомосексуализма, транссексуализма, транссвестизма, бисексуализма и других форм расстройства половой идентичности, не отвечающих гендерным стандартам.

Следуя международным нормам и принципам, в ст. 32 Конституции Испании закреплены основы, гарантирующие равенство: «п. 1. Мужчина и женщина имеют право вступать в бракосочетание с полным юридическим равноправием» [8]. Конституционное положение находит дальнейшее развитие в семейном законодательстве. С целью искоренения гендерной дискриминации и насилия оно закрепляет необходимое для брака условие – добровольное согласие брачующихся. Любое нарушение свободной воли на вступление в брак (какие-либо условия, сроки, понуждение, угроза и др.) влечет недействительность брака (ст. 45, п. 1, 4, 5 ст. 73 Гражданского кодекса Испании 1889 г. (далее – ГК Испании) [16].

Если говорить об искоренении гендерной дискриминации, то государственная политика (прежде всего уголовная) является

однонаправленной, в результате чего правозащитники уже поднимают проблему домашнего насилия в отношении представителей «сильной половины человечества» [13, с. 67].

Испания является экономически стабильной и сравнительно благополучной страной в криминогенном плане. Однако полностью искоренить такой вид правонарушений, как насилие в семье не удастся. Домашнее насилие может быть физическим и психологическим. Отдельно выделяют преступления против сексуальной свободы женщин. По статистике насилию сексуального характера (изнасилованиям) женщины чаще подвергаются вне дома, хотя возможно по этическим соображениям этот вид семейного насилия имеет латентный характер. Испанская семья исторически считалась патриархальной, с сильной властью мужа. Термин «мачизм», означающий мужское превосходство, кастильского происхождения. До 1962 г. в испанском законодательстве было положение, в соответствии с которым муж, уличивший жену в прелюбодеянии, освобождался от ответственности за побои. И при причинении смерти жене данное обстоятельство расценивалось как смягчающее вину мужа. Аналогичных правил для женщин не было. С середины XX в. происходит постепенное уравнивание брачно-семейных прав мужчин и женщин, искореняется дискриминация по половому признаку, но проблема домашнего насилия остается [11, с. 86].

Как отмечалось, проблема домашнего насилия имеет исторические корни: женщина традиционно экономически и эмоционально зависима от мужчины, своего мужа. Провозгласив принципы свободы и равенства мужчины и женщины в браке, современные государства занимают позицию невмешательства в личную жизнь своих граждан с предоставлением правовой защиты в случае нарушения прав и законных интересов. Начавшаяся в середине XIX в. и продолжающаяся до настоящего времени борьба за права женщин затронула их положение и в брачно-семейной сфере. Брак стал считаться «договором между частными лицами» [1, с. 23; 9, с. 70] без посредничества государственных чиновников, хотя о договорной природе брака заявляли еще римские юристы. Утверждалось, что «государство должно полностью устранить брак из сферы своего внимания, предоставив его как целиком, так и в его модификациях свободной воле индивидов на основании заключенных ими договоров» [3, с. 43]. Однако с таким мнением нельзя согласиться, поскольку вмешательство государства и права в эту сферу частной жизни человека направлено, прежде всего, на охрану прав и интересов более слабых лиц (не только экономически и социально менее незащищенных, но также физически более слабых), которыми являются женщины. Женщина, как правило, ведет домашнее хозяйство и занимается воспитанием детей (а взросление детей занимает значительный срок). Такая позиция государства, на наш взгляд, связана с распределением репродуктивных функций среди людей самой природой, что, в свою

очередь, определяет место женщины в семье, в обществе. Совмещение современной женщиной семейных (супружеских, родительских) и общественных функций, ее возможный доступ во все сферы публичной жизни тем не менее не устраняет гендерную асимметрию. По результатам исследования средние затраты времени в неделю на ведение семейных дел у женщин в 2,2 раза выше, чем у мужчин, что, безусловно, оказывает прямое влияние на возможность женщин реализовать права на образование и труд, и способствует их экономической зависимости от мужчин [7, с. 163].

Модернизируются брачные отношения. На смену тысячелетиями сложившейся форме брака как моногамной связи мужчины и женщины приходят новые квазибрачные союзы: социально-экономическое партнерство, пожизненное партнерство, гражданское партнерство, гражданский пакт солидарности, гражданский союз, домашнее партнерство, внутреннее партнерство, зарегистрированное партнерство, незарегистрированное партнерство, фактическое сожительство и другие, находящие признание не только в общественном сознании, но и в международном праве и национальных правовых порядках. В последнее время брак из единственно признанного обществом и правом семейного союза мужчины и женщины превратился в одну из допустимых форм сожительства не только разнополых, но и однополых партнеров. Затронул этот процесс и Испанию. В Королевстве Испания наряду с традиционным браком предоставляется возможность выбора партнерами альтернативной формы сожительства *pareja de hecho* (*uniones estables de pareja*) – пара де-факто, фактическое сожительство, зарегистрированное сожительство, которая набирает все большую популярность в мире [см., например: 2, с. 3–5]. Правовой статус *pareja de hecho* ниже, чем у лиц, состоящих в браке, за счет меньшего объема взаимных прав и обязанностей, а также меньших государственных социальных гарантий.

Детально брачные отношения в Испании регулируются Разделом 4 Книги 1 ГК Испании, положениями которого определяются условия, порядок заключения брака и его расторжения, основания и процедура признания недействительным, правовой режим личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей супругов. Многие нормы испанского семейного права исходят из общепризнанных постулатов брака, но существуют особенности, которые, по нашему мнению, способствуют укреплению данного правового и общественного института и охране прав супругов.

Превентивной мерой защиты от гендерного насилия в семье можно рассматривать такой запрет к вступлению в брак, как судимость за убийство супруга или соучастие в его совершении (ст. 47 ГК Испании), наряду с запретом по родству или усыновлению по прямой линии и родству по боковой линии до третьей степени. Если препятствия к браку по фактам родства и усыновления являются широко известными

мировым правовым порядкам, то такой запрет, как судимость за убийство супруга или соучастие в его совершении, не часто встречается в зарубежных законодательствах. В то же время судимость за убийство супруга или соучастие в его совершении не считается абсолютным препятствием к браку, поскольку может быть устранено Министром юстиции Испании на основании обращения одного из будущих супругов.

Брачно-семейным общественным отношениям, являющимся предметом самостоятельной отрасли права, предоставляется широкая правовая охрана другими отраслями права, в том числе используются гражданско-правовые (имущественные), административные и уголовно-правовые инструменты.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения по охране прав женщин в семье, является Органический закон 1/2004 от 28 декабря 2004 г. «О комплексных мерах по защите от гендерного насилия» [14] (далее – Закон). Этот Закон призван искоренить одну из наиболее распространенных форм насилия, которой подвергаются женщины со стороны своих супругов, бывших супругов или сексуальных партнеров (бывших партнеров) [12, с. 322]. Также согласно вводной части Закона в понятие жертвы включены несовершеннолетние дети этих женщин. Законом названы меры различной правовой направленности: семейной, гражданской, административной и уголовной. Данный Закон подвергнут критике в связи с не включением мужчин в качестве жертв семейного (домашнего) насилия в субъектный состав предмета его регулирования. По мнению юристов, такое положение противоречит конституционным и международным принципам гендерного равенства [10, с. 135]. В действительности по криминологическим данным женщины чаще подвергаются насилию со стороны интимного партнера, чем мужчины. Вместе с тем, замечания испанских юристов справедливы, поскольку отмечаются злоупотребления своими правами со стороны женщин, а также проявления ими актов агрессии против своих партнеров (супругов и сожителей).

Полагаем, что формами семейно-правовой ответственности, установленными Законом, можно назвать: лишение права на опеку и проживание с несовершеннолетними детьми; временное лишение родительских прав; временное прекращение действия режима общения, визитов и проведения времени отца с детьми или формы, в которой таковые должны проводиться (например, посредством установления места встречи); назначение алиментов. По решению судьи могут ограничиваться родительские права, опека или попечительство над несовершеннолетними (ч. 1 ст. 65 Закона). Если такое решение не принимается, судья должен определить форму реализации родительских прав, опеки или попечительства над несовершеннолетними, а также меры, необходимые для обеспечения безопасности, неприкосновенности

и реабилитации несовершеннолетних или женщины (ч. 2 ст. 65 Закона). Такие же ограничительные меры предусмотрены в части режима посещений, пребывания и общения обвиняемого с несовершеннолетними (ст. 66 Закона).

Закон устанавливает меры гражданского (имущественного) характера: ограничение в пользовании семейным жильем, мебелью и домашней утварью и другим имуществом. Административные и уголовно-правовые меры включены в ст. 64–67 Закона.

Королевским указом 1110/2015 от 11 декабря 2015 г. [15] предусмотрено ведение Министерством юстиции реестра агрессоров и жертв насилия в семье. По официальным статистическим данным за последние годы снижаются показатели смертности женщин от «рук» партнера. В 2020 г., несмотря на прогнозы аналитиков о повышении бытового насилия по причине введенных правительством Испании ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, уровень летальных исходов в случаях гендерного насилия уменьшился. По официальным данным в 2015 г. партнерами было убито 60 женщин, в 2020 г. – 45, в 2021 г. – 43 [19]. Намечилась тенденция снижения убийств в отношении женщин – жертв гендерного насилия. В Испании проработан вопрос о создании межведомственного органа по предотвращению и пресечению насилия по гендерному признаку. Основные функции новой структуры – это профилактика случаев насилия в семье [17].

В качестве вывода хотелось отметить, что назрела необходимость формирования концепций, позволяющих не только описать и объяснить сложившуюся ситуацию в сфере охраны прав женщин от гендерного насилия, но и с учетом потенциала зарубежного права и доктрины разработать эффективные меры в отечественном праве.

Список литературы

1. Бебель А. Женщина и социализм. М., 1981.
2. Вартанян М.О. Фактические супружеские отношения в решениях Европейского Суда по правам человека и российская судебная практика // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 3–5.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
4. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, провозглашенная резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20.12.1993 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 10.10.2022).
5. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1979 г. // Ведомости ВС СССР. 23.06.1982. № 25. Ст. 464.
6. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11.05.2011 г.)

[Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 10.10.2022).

7. Отчет о выполнении положений Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Российская Федерация. Февраль 2006 г. М., 2006.

8. Constitución Española de 29 de diciembre de 1978. «BOE» núm. 311, de 29/12/1978.

9. Engels F. Der Ursprung der Familie etc. 20 Augl., 1921.

10. Francisco Muñoz Conde. Derecho Penal. Parte General. Barcelona, 2007.

11. Javier Alvarez Deca. La violencia en la pareja: bidireccional y simétrica. Análisis comparativo de 230 estudios científicos internacionales. Madrid, 2009.

12. Jesús Manuel Pérez Viejo, Ana Montalvo Hernández. Violencia de género: análisis y aproximación a sus causas y consecuencias // Violencia de género: prevención, deyección y atención. Barcelona, 2010.

13. Jesus-Maria Silvia Sanchez. Lecciones de Derecho Pinal. Barselona, 2015.

14. Ley Orgánica de 28 de diciembre de 2004, de Medidas de Protección Integral contra la Violencia de Género. «BOE» núm. 313, de 29/12/2004.

15. Real Decreto de 11 de diciembre de 2015, por el que se regula el Registro Central de Delincuentes Sexuales. «BOE» núm. 312, de 30/12/2015.

16. Real Decreto de 24 de julio de 1889, del Código Civil. «BOE» núm. 206, de 25/07/1889.

17. URL: http://www.elconfidencial.com/ultima-hora-en-vivo/2017-02-23/jueves-23-de-febrero-de-2017-8-00-gmt_1147017 (дата обращения: 10.10.2022).

18. URL: http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

19. URL: https://violenciagenero.igualdad.gob.es/en/violenciaEnCifras/victimasMortales/fichaMujeres/pdf/VMortales_04_01_2022.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

20. World Health Statistics 2017: monitoring health for the SDGs. WHO, 2017.

Об авторе:

ТРОФИМЕЦ Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры семейного и жилищного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» (125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9), SPIN-код: 2552-0632, kosareva-khv@mail.ru

PRIVATE LAW TO PROTECT WOMEN FROM VIOLENCE IN THE FAMILY (BY THE EXAMPLE OF SPAIN)

I.A. Trofimets

Kutafin Moscow State Law University, Moscow

The object of this article is the norms of Spanish legislation defining measures to protect women from domestic violence. The main method of research is comparative law. The purpose of this research is to show the place of private law measures in the system of legal protection of women from domestic violence. Minor children of women are recognized as victims of domestic violence. Family social relations with the participation of women are the subject of an independent branch of law (family law). They are provided with broad protection by other branches of law. Civil, administrative and criminal legal instruments are used. The author makes a conclusion about the effectiveness of special private-law measures of protection from family violence: a ban on cohabitation, deprivation and restriction of parental rights, assignment of alimony and others.

Keywords: *Marriage, family, family (domestic) violence, gender violence, complex measures.*

About author:

TROFIMETS Irina – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Family and Housing Law Kutafin Moscow State Law University (MSLA) (125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9), SPIN-code: 2552-0632, kosareva-khv@mail.ru

Трофимец И.А. Частноправовые меры защиты женщин от насилия в семье (на примере Испании) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 66–74.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.772

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.1.075

ВОПРОСЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В КОНТЕКСТЕ ПУНКТА 154 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 10 ОТ 23 АПРЕЛЯ 2019 ГОДА

Р.Ф. Гафуров

Юридическое общество имени Александра Невского (Nevsky IP Law),
г. Москва

Объектом исследования является динамика общественных отношений в сфере злоупотребления правом на товарные знаки, возникшая в связи с выходом Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23 апреля 2019 года. Цель исследования заключается в сопоставлении между собой выделенных Верховным Судом видов злоупотребления правом на товарные знаки. В рамках исследования использованы общелогические методы анализа и синтеза, а также формально-логический метод. В ходе исследования сформулирован вывод о том, что все выделенные Верховным Судом виды злоупотребления правом влекут за собой разные правовые последствия, поэтому предложен алгоритм судебной оценки доводов о злоупотреблении правом исходя из проверки от наиболее тяжкого по последствиям вида злоупотребления правом к наименее тяжкому.

Ключевые слова: *злоупотребление правом, товарные знаки, Верховный Суд, Постановление Пленума, Суд по интеллектуальным правам, оспаривание правовой охраны.*

Проблемные вопросы злоупотребления правом на товарные знаки особо остро возникли после реформы гражданского права в 2012–2013 гг., когда в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) был прямо закреплён принцип добросовестности. Активно этот принцип стал использовать и Суд по интеллектуальным правам.

После выхода Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10) [6] многие вопросы, связанные со злоупотреблением правом на товарные знаки, разрешились. Например, в п. 170 Постановления Пленума ВС РФ № 10 закрепилось правило о том, что подавать самостоятельный иск о злоупотреблении правом в связи с действиями, связанными с государственной регистрацией товарных знаков, нельзя [3, с. 318–321].

Тем не менее, п. 154 Постановления Пленума ВС РФ № 10 породил ещё больше вопросов, и неоднозначная практика Суда по

© Гафуров Р.Ф., 2023

интеллектуальным правам подтверждает, что суды до сих пор не учитывают в полной мере разъяснения, представленные Верховным Судом РФ.

Так, в п. 154 Постановления Пленума ВС РФ № 10 указано, что суд может отказать истцу в защите права на товарный знак на основании ст. 10 ГК РФ, если исходя из фактических обстоятельств дела он установит, что действия по приобретению товарного знака (по государственной регистрации товарного знака (в том числе по подаче заявки на товарный знак), по приобретению исключительного права на товарный знак на основании договора об отчуждении исключительного права) или действия по применению конкретных мер защиты могут быть квалифицированы как злоупотребление правом.

Таким образом, Верховный Суд РФ выделяет три возможных случая злоупотребления правом на товарные знаки:

- 1) при регистрации товарного знака (подаче заявки на товарный знак);
- 2) при приобретении права на товарный знак по договору;
- 3) при применении конкретных мер защиты права на товарный знак.

Причем первые два случая Верховный Суд объединяет понятием «приобретение товарного знака».

Очевидно, что в контексте такого последствия признания факта злоупотребления правом как отказ в защите, никаких проблем в необходимости разграничения этих случаев не возникает. Во всех трех случаях суд вправе отказать в защите права, поэтому какой-либо практической значимости классификации в этом вопросе нет.

Однако злоупотребление правом на товарные знаки может иметь еще одно, гораздо более серьезное последствие.

Согласно пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным полностью или частично в течение всего срока действия правовой охраны, если действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом [1].

Каким же образом соотносятся между собой положения пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ и п. 154 Постановления Пленума ВС РФ № 10? Представляется очевидным, что случай злоупотребления правом при применении конкретных мер защиты не подпадает под пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, поэтому единственным последствием для правообладателя товарного знака в таком случае станет отказ в защите права.

Так, в деле № А40-326340/2019 [5] суды пришли к выводу, что злоупотребление правом на защиту исключительного права на товарный знак является самостоятельным основанием для отказа в иске. Из

материалов дела следовало, что истец и ответчик длительное время вели партнерские отношения, однако потом истец обратился к ответчику с иском о взыскании компенсации. Суд отказал в связи со злоупотреблением правом на защиту, а не в связи со злоупотреблением правом при приобретении права на товарный знак, поскольку на дату приоритета товарного знака факт злоупотребления не прослеживался.

Гораздо сложнее обстоят дела с выделенными Верховным Судом РФ случаями злоупотребления при регистрации и приобретении исключительного права на товарный знак. Во-первых, Верховный Суд РФ сам объединил эти случаи по тексту понятием «приобретение товарного знака», а значит, считает их аналогичными. Во-вторых, формулировка пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ является очень спорной, и критикуется в научном сообществе [2].

Так, не до конца понятно, что имеется в виду под действиями правообладателя, связанными с предоставлением правовой охраны товарному знаку. В действительности предоставлением правовой охраны товарному знаку занимается Роспатент, а не правообладатель.

Тем не менее под понятием «предоставление правовой охраны товарному знаку» законодатель имеет в виду непосредственно момент регистрации товарного знака. Это следует из п. 1 ст. 1512 ГК РФ: оспаривание предоставления правовой охраны товарному знаку означает оспаривание решения о государственной регистрации товарного знака.

Это значит, что законодатель в пп. 6 п. 1 ст. 1512 ГК РФ имел в виду исключительно случай, когда злоупотребление правом устанавливается в отношении действий по регистрации товарного знака, т. е. подачи заявки на регистрацию по смыслу разъяснений Верховного Суда РФ.

Таким образом, установление ответа на вопрос о том, какие конкретно действия являются злоупотреблением, становится ключевым для суда, т. к. от этого зависит юридическая судьба товарного знака.

А для того, чтобы установить, какие конкретно действия правообладателя являлись злоупотреблением правом, важно оценить конкретный момент времени совершения таких действий [4]. Например, если ответчик доказывает, что злоупотребление правом выразилось исключительно в подаче иска в суд, хотя до этого стороны длительное время сотрудничали, то в этом случае суд проверяет цель истца на момент подачи иска. Если же ответчик заявляет, что истец зарегистрировал товарный знак лишь для того, чтобы предъявить иск, суд устанавливает вопрос добросовестности истца на дату подачи заявки.

Тем не менее, к сожалению, суды не всегда понимают важность конкретных формулировок, что часто приводит к правовой неопределенности.

Так, в деле № СИП-475/2019 [9] суд пришел к выводу о злоупотреблении правообладателем правом на товарный знак. Тем не менее суд не указал, в чем конкретно выразилось злоупотребление,

поэтому правообладатель полагал, что суд не установил злоупотребление при регистрации товарного знака, а истец полагал, что решение по делу как раз это и установило.

В связи с этим истец обратился в Палату по патентным спорам Роспатента для оспаривания правовой охраны товарных знаков правообладателя, однако Роспатент отказал в удовлетворении возражений по пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, т. к. указал, что Суд по интеллектуальным правам не приходил к выводу о признании действий именно по регистрации обозначения злоупотреблением правом.

В итоге, из-за этой неопределенности истцу пришлось инициировать еще четыре дела в суде: № СИП-557/2022, № СИП-558/2022, № СИП-560/2022, № СИП-562/2022.

Кроме того, примечательным является дело № А32-8379/2021 [7]. Суд по интеллектуальным правам указывает:

«Таким образом, признание наличия в действиях истца по приобретению и использованию спорного знака обслуживания злоупотребления правом в соответствии с пунктом 2 статьи 10 ГК РФ является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в защите нарушенного права.

Как усматривается из обжалуемых судебных актов, суды первой и апелляционной инстанций установили факт наличия в действиях предпринимателя признаков злоупотребления правом, в связи с чем отказали в удовлетворении исковых требований».

То есть Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу о наличии злоупотребления правом в действиях правообладателя по приобретению права на товарный знак (а так как правообладатель у товарного знака не менялся, это значит, что злоупотребление установлено на момент регистрации). При этом суд первой инстанции по этому делу указал, что злоупотребление правом содержится в действиях правообладателя по защите своего права.

Таким образом, формально ответчик по делу имеет право обратиться в Роспатент с требованием об оспаривании правовой охраны товарного знака на основании постановления Суда по интеллектуальным правам, хотя суд лишь подтверждал вывод судов нижестоящих инстанций о злоупотреблении правом при применении мер защиты, и допустил некорректную формулировку.

Такая путаница прослеживается в постановлениях Суда по интеллектуальным правам на протяжении всего времени с момента принятия Постановления Пленума ВС РФ № 10, хотя именно суд кассационной инстанции призван обеспечить единообразие судебной практики и правильное применение судами нижестоящих инстанций формулировок о злоупотреблении правом.

Существуют случаи, когда действия правообладателя и по регистрации обозначения, и по предъявлению иска одновременно

признаются судами злоупотреблением правом. Так, в деле № А40-241440/2020 [8] суд установил, что действия наследников известного общественного деятеля под псевдонимом Доктор Лиза являются злоупотреблением правом. Причем суды признали злоупотреблением как регистрацию товарного знака Доктор Лиза, так и предъявление иска к ответчику.

Полагаем, что в данном случае двойная квалификация действий правообладателя в качестве злоупотребления правом являлась излишней. Признание действий правообладателя по регистрации товарного знака злоупотреблением правом является самым тяжким по последствиям. Оно одновременно влечет отказ в защите права, а также возможность оспаривания товарного знака в Роспатенте. Недобросовестное намерение лица по регистрации обозначения устанавливается единожды, поэтому дополнительная квалификация действий по защите права в качестве злоупотребления в данном случае лишена смысла, т. к. покрывается недобросовестной целью при регистрации обозначения.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении злоупотребления правом при приобретении исключительного права на товарный знак по договору. Этот случай не влечет возможности оспорить предоставление правовой охраны товарному знаку, однако может учитываться в других делах в случае предъявления правообладателем исков к другим ответчикам. Суды должны учитывать, что товарный знак приобретался с недобросовестными намерениями, поэтому в этом случае должна действовать презумпция недобросовестности, которую правообладатель должен будет опровергнуть.

Таким образом, суды при оценке доводов о злоупотреблении правом исходя из п. 154 Постановления Пленума ВС РФ № 10 должны придерживаться следующего алгоритма:

- 1) проверка довода о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака;
- 2) проверка довода о злоупотреблении правом при приобретении права на товарный знак по договору;
- 3) проверка довода о злоупотреблении правом при применении конкретных мер защиты права.

Этот алгоритм продиктован тяжестью последствий признания злоупотребления каждого из действий. Так, в первом случае товарный знак может быть оспорен по смыслу пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, во втором случае правообладателю может быть отказано в удовлетворении требований к другим лицам, исходя из установления недобросовестных намерений при приобретении права на товарный знак по договору, а в третьем случае лицу отказывают в защите права исключительно в одном конкретном деле.

Таким образом, следует четко различать три случая злоупотребления правом, выделенных Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума ВС РФ № 10:

- 1) злоупотребление при регистрации;
 - 2) злоупотребление при приобретении по договору;
 - 3) злоупотребление при применении мер защиты
- в связи с различными последствиями установления вывода в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гаврилов Э.П. Постановление 5/29 о правовой охране товарных знаков (часть II) // Патенты и лицензии. 2009. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbis.su/article.php?article=292> (дата обращения: 12.10.2022).
3. Гафуров Р.Ф. Изменение подхода к рассмотрению споров о злоупотреблении правом при регистрации товарных знаков в связи с выходом Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов IX Международного юридического форума (IP Форума). М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. 397 с.
4. Обзоры судебной практики за период с 1 января 2018 г. по 30 сентября 2021 г., представленные в «Классификаторе постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам» / М.А. Кольздорф [и др.]. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2021 г. по делу № А40-326340/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.07.2022 г. № С01-1091/2022 по делу № А32-8379/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.04.2022 г. № С01-270/2022 по делу № А40-241440/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.12.2019 г. по делу № СИП-475/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ГАФУРОВ Руслан Фуатович – старший юрист, руководитель практики разрешения споров Юридического общества им. Александра Невского (Nevsky IP Law), 107045, г. Москва, Последний переулок, д. 6 к. 1, эт. 5, SPIN-код: 6078-7555, e-mail: ruslan-gafurov@mail.ru

**ISSUES OF ABUSE OF TRADEMARK RIGHTS IN THE CONTEXT
OF PARAGRAPH 154 OF THE RESOLUTION OF THE PLENUM
OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
N 10 OF APRIL 23, 2019**

R.F. Gafurov

Alexander Nevsky Law Society (Nevsky IP Law), Moscow

The object of the study is the dynamics of social relations in the field of abuse of the right to trademarks, arising in connection with the release of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 10 of April 23, 2019. The purpose of the study is to compare the types of abuse of the right to trademarks highlighted by the Supreme Court. In the framework of the study the general logical methods of analysis and synthesis, as well as the formal-logical method were used. In the course of the study it is concluded that all three types of abuse of right, highlighted by the Supreme Court, entail different legal consequences, so the algorithm of judicial evaluation of the arguments of abuse of right is proposed based on the check from the most severe type of abuse of right to the least severe in terms of consequences.

Keywords: *abuse of right, trademarks, Supreme Court, Resolution of the Plenum, Intellectual Rights, challenging of legal protection.*

About author:

GAFUROV Ruslan – Senior Lawyer, Head of Dispute Resolution Practice of the Alexander Nevsky Law Society (Nevsky IP Law), 107045, Moscow, ul. 6 к. 1, floor. 5, SPIN-code: 6078-7555, e-mail: ruslan-gafurov@mail.ru

Гафуров Р.Ф. Вопросы злоупотребления правом на товарные знаки в контексте пункта 154 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23 апреля 2019 года // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 75–81.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СНОСА ОБЪЕКТА КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ф.Ф. Жуков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают нормы гражданского права и градостроительного права о сносе объектов капитального строительства. Целью работы является выявление гражданско-правовых и публично-правовых особенностей института сноса, которые ограничивают его от договора строительного подряда. Обосновывается необходимость введения института сноса в Гражданский кодекс Российской Федерации. Сформулирована позиция автора о наличии у сноса своих юридических особенностей, ограничивающих его от строительного подряда.

Ключевые слова: объект капитального строительства, подрядчик, результат работ, снос, строительный подряд.

Начало реновации в г. Москве в 2017 г. стало мощным стимулом для обновления федеральной базы, регулирующей градостроительную деятельность. Массив нормативных актов, составляющих эту базу, можно поделить на две группы: первая – касающаяся только особенностей комплексного развития территорий и реновации в г. Москве (см., например: [6]), вторая – касающаяся развития территорий во всех субъектах Российской Федерации (см., например: [4, 9]).

Один из ключевых этапов (элементов) обновления жилищного фонда и вообще развития застроенных территорий – снос существующих объектов капитального строительства (далее – ОКС).

В настоящей статье мы учитываем общепризнанное несоответствие понятий ОКС (п. 10. ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [3] и объектов недвижимости (ст. 130, 141.3 Гражданского кодекса Российской Федерации) (далее – ГК РФ) [1, 2], и будем использовать понятие ОКС в понимании ГрК РФ: ОКС – здание, строение, сооружение, объекты, строительство которых не завершено (далее – объекты незавершенного строительства), за исключением некапитальных строений, сооружений и неотделимых улучшений земельного участка (замощение, покрытие и др.).

Собственно понятие «снос» как юридический факт существует длительное время. Так, ГК РФ в первой редакции (от 30.11.1994 г.) содержал (и продолжает содержать) нормы о сносе самовольной постройки (п. 2 ст. 222 ГК РФ), праве собственника земельного участка снести здание или сооружение на нем (п. 1 ст. 263 ГК РФ) и ряд других положений, в которых используется термин «снос».

Если обратиться к более раннему периоду, то, например, в Земельном кодексе РСФСР снос упоминался в ст. 68 и 128 как одна из обязанностей землепользователей при наступлении определенных условий [11]).

Вместе с тем, используя понятие сноса как юридического факта, законодатель длительное время не устанавливал никаких «правил игры» для проведения подрядных работ по сносу ОКС. После начала указанных нами событий по реновации [14], реализации программ по переселению граждан из ветхого и аварийного жилья (см., например: [8]), а также, возможно, после проведения так называемой «ночи длинных ковшей», 09.02.2016 г., когда в ночь на 10.02.2016 г. в Москве были снесены в административном порядке более 100 самостроев, стало очевидным, что вопрос требует законодательного урегулирования [12].

В результате в ГрК РФ в 2018 г. были внесены следующие изменения:

- в п. 14.4 ст. 1, содержащий дефиницию сноса – это ликвидация объекта капитального строительства путем его разрушения (за исключением разрушения вследствие природных явлений либо противоправных действий третьих лиц), разборки и (или) демонтажа объекта капитального строительства, в том числе его частей;

- глава 6.4, состоящая из 4 статей (55.30–55.34), регулирующая отдельные вопросы, связанные со сносом ОКС: основания сноса, перечень и содержание документов, необходимых для осуществления сноса, общие правила осуществления процедуры сноса, требования к подрядчикам, осуществляющим снос, особенности процедуры сноса самовольных построек на основании ст. 222 ГК РФ и в зонах с особыми условиями использования территорий [5]. Анализ положений главы 6.4 ГрК РФ показывает, что она не содержит концептуальных различий между правоотношениями по сносу или строительству, реконструкции, ремонту. Имеет место только нюансирование административных процедур, порядка производства работ и требований к формам и содержанию документов.

В качестве примера можно привести волевой элемент принятия решения о сносе. Решение о сносе может принять собственник ОКС или застройщик по своей воле, решение о принудительном сносе может принять суд или уполномоченный орган (ч. 1 ст. 55.30 ГрК РФ). Строительство и реконструкция тоже осуществляются добровольно или принудительно (см.: [15]).

Продолжая развиваться в публичной плоскости, категория сноса нашла свое отражение в Федеральном законе от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [7], где он был впервые упомянут в редакции от 27.06.2019 г. (ч. 9.2 ст. 22) и далее стал вноситься в другие нормы данного закона (ст. 15, 33, 95), причем, что

интересно, через запятую после выполнения работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту.

Повышенное внимание к правоотношениям, связанным со сносом, со стороны как законодателя (в части публичного права), так и правоприменителя (в прикладной части, как правило, применительно к ст. 222 ГК РФ) (например, пп. 5, 8, 22 новейшего Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденного Верховным Судом РФ (далее – ВС РФ)) [10], несколько «отодвинуло в тень» цивилистический аспект сноса, к которому мы, собственно, подошли.

Понятие сноса в ГК РФ или иные нормы, позволяющие вывести это понятие, отсутствуют.

ГК РФ специально не регулирует правоотношения, связанные с выполнением подрядных работ по сносу ОКС, к нему применяются общие положения § 1 гл. 37 о подряде. Но данный момент очевиден. Гораздо больший интерес вызывает вопрос о применимости к сносу § 3 гл. 37 о строительном подряде.

Пункт 1 ст. 702 ГК РФ предусматривает, что по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Пункт 1 ст. 740 ГК РФ гласит, что по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы.

Пункт 2 той же статьи уточняет, что договор строительного подряда заключается на строительство или реконструкцию предприятия, здания (в том числе жилого дома), сооружения или иного объекта, а также на выполнение монтажных, пусконаладочных и иных неразрывно связанных со строящимся объектом работ. Правила о договоре строительного подряда применяются также к работам по капитальному ремонту зданий и сооружений, если иное не предусмотрено договором.

Пункт 13 ст. 1 ГрК РФ определяет строительство как создание зданий, строений, сооружений (в том числе на месте сносимых объектов капитального строительства).

Про снос ст. 740 ГК РФ не упоминает, хотя, например, указание о применении правил о договоре строительного подряда к капитальному ремонту существовало уже в первой редакции ч. 2 ГК РФ.

На основании содержащихся в указанных нормативных актах признаков строительного подряда и сноса, сравним элементы договоров на работы по строительному подряду и работы по сносу.

На основании анализа положений ГК РФ и ГрК РФ договоры строительного подряда и договоры о сносе можно охарактеризовать как консенсуальные, двусторонне обязывающие и возмездные.

Номинально стороны договора подряда и договора о сносе совпадают: это заказчик и исполнитель. Классический (и самый простой вариант): заказчик – собственник или арендатор земельного участка, на котором он намерен возвести ОКС или, наоборот, снести его. Однако в реальности существует многообразие форм этих отношений: смешение с другими видами договоров (купли-продажи, возмездного оказания услуг, выполнение опытно-конструкторских работ и пр.) [13].

Как представляется, единственное различие в субъектных составах указанных договоров в правовых статусах заказчика в договорных отношениях строительного подряда и работах по сносу – отношение заказчика к ожидаемому результату. В рамках договора строительного подряда заказчик ожидает увидеть отсутствующий на момент заключения договора и желаемый им (или лицом, которое обязало его стать заказчиком) результат (здание, строение, сооружение и т. д.), соответствующий условиям договора и (или) проектно-сметной или иной технической документации.

По договору на осуществление сноса заказчик ожидает, что объект, который на момент заключения договора существует, в результате действий подрядчика существовать перестанет.

Вместе с тем мы вынужденно учитываем реалии, когда нередко объект уже возведен или, наоборот, снесен, но договор заключен «понятийно», т. е. пока на словах (и, кроме того, часто у сторон даже нет ни необходимой технической документации, ни разрешений, но работы уже ведутся или завершены). В этой связи необходимо сделать оговорку, что, разумеется, если в реальности работы к моменту заключения договора уже выполняются или выполнены, то к отношениям сторон применяются правила п. 2 ст. 425 ГК РФ о ретроактивности договора.

По договору строительного подряда подрядчик должен создать или переработать (реконструировать, отремонтировать) некую вещь (здание, строение, сооружение), а также выполнить монтажные, пусконаладочные и иные неразрывно связанные со строящимся объектом работы.

По договору о сносе подрядчик осуществляет искусственную ликвидацию ОКС путем его разрушения, разборки и (или) демонтажа объекта капитального строительства, в том числе его частей.

Здесь, как видно, имеется принципиальная разница: в первом случае сущность работ – созидательная, как бы ни патетически это не звучало, имеющая своей целью приращение (как правило), улучшение. Во втором – уменьшение и уничтожение. Разумеется, это необязательно означает негатив с точки зрения личного или общественного блага. Если снос здания, имеющего статус объекта культурного наследия, хоть бы и даже при наличии формальных оснований, вызывает негативную реакцию, снос ветхого или аварийного жилья, объектов, создающих угрозу жизни и здоровью, можно только приветствовать.

При современном уровне развития материалов и технологий вполне мыслима ситуация, что в результате разборки или демонтажа, когда образуются строительные материалы или иные составные части бывшего уже ОКС, указанные материалы можно вновь использовать для строительства такого же ОКС, как ликвидированного. Любопытно, что указанное несколько ставит под сомнение довольно ироничное отношение ученых и правоприменителей к распространенному в 90-е годы мнению о том, что объект самовольного строительства или незавершенного строительства – это сложенные вместе строительные материалы. Познавательным будет наблюдать за развитием юридической мысли в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике, если в будущем здания, строения, сооружения, которые являются ОКС или даже недвижимостью (например, объект, по масштабу аналогичный Останкинской телебашне), смогут легко собираться-разбираться, перемещаться с места на место. Как в таких случаях будут квалифицировать объекты? Как ОКС, недвижимость или совокупность строительных материалов?

Вопрос с юридической судьбой строительных материалов, оставшихся после сноса, актуален и сейчас, поскольку заказчик может и зачастую имеет интерес к тому, чтобы строительные материалы, из которых создан ОКС, могли быть использованы повторно, переработаны или несли иную определенную ценность. Автору статьи известно о случаях, когда подрядчики, невнимательно ознакомившиеся с договорами на осуществление сноса, полагали, что заказчика интересует, чтобы существующий объект был снесен, остальное для него неважно. Каково же бывает недоумение подрядчиков, когда заказчик заявляет ему требование вернуть целыми и невредимыми, например, блоки, из которых был сделан фундамент, или стеновые панели здания, которые разрушены, выброшены, проданы, или их судьба делает невозможным передачу их заказчику. Вне всяких сомнений у заказчика в таком случае появляется право взыскать с подрядчика убытки в порядке ст. 15 и 393 ГК РФ.

Исходя из смысла п. 1 ст. 740 ГК РФ результат подрядных работ – это построенный объект или произведенные «иные работы» (реконструированный объект, отремонтированный объект и т. д.). Результатов прочих работ, сопутствующих строительному подряду (пусконаладочных, шеф-монтажных, испытательных и пр.), а также оказания услуг мы в рамках рассматриваемой темы не касаемся, поскольку существенного влияния на обсуждаемые отношения они не оказывают.

Иными словами, в результате надлежащего выполнения подрядчиком работ появляется объект, которого ранее не было, т. е. это полезное приращение земельного участка или приращение, изменение

существующего объекта. Для наглядности, в порядке обсуждения, можно предложить разобрать вопрос о результате работ в арифметическом виде.

Итак, при производстве строительных работ по смыслу ГК РФ возможен следующий результат работ.

Первая ситуация: объект строится «с нуля», физически объекта нет, результат работ – появление нового, ранее не существовавшего объекта. Формула: $0 + X + Y = 1$, где X – объем работ, Y – стоимость строительных материалов, 1 – построенный объект.

Вторая ситуация: объект достраивается, физически он есть, но нужно достроить его в соответствии с техническим заданием или иными требованиями заказчика. Формула: $0,1 + X + Y = 1$, где $0,1$ – это степень готовности объекта (величина взята условно), X – объем работ, Y – стоимость строительных материалов, 1 – построенный объект.

Третья ситуация: объект реконструируется, физически он есть, но будут меняться его параметры:

- при изменении – полезном приращении (например, при сносе перегородки, достройки этажа); формула: $1 + X + Y = 1,5$.

- при изменении – полезном уменьшении параметров (например, при уменьшении площади ОКС для оптимизации рабочего пространства); формула: $1 - X + Y = 0,9$;

- при изменении – замене или восстановлении несущих конструкций ОКС; формула: $1 - Z + X + Y = 1$, где 1 – построенный объект, $1,5$ – измененный объект в результате полезного приращения; $0,9$ – измененный объект в результате полезного уменьшения параметров; X – объем работ, Y – стоимость строительных материалов, Z – объем работ и материалов, изъятых при замене или восстановлении несущих конструкций.

Снос имеет результат прямо противоположный: объект существует, но в результате правомерных действий подрядчика объект полностью или частично ликвидируется путем разрушения разборки и (или) демонтажа. Применяя аналогичные арифметические расчеты, получаем следующее.

Первая ситуация: объект ликвидируется полностью. Формула: $1 - X + Y = 0$, где 1 – существующий объект, X – объем работ, Y – стоимость строительных материалов.

Вторая ситуация: объект ликвидируется частично. Формула: $1 - X + Y = 0,1$, где: 1 – существующий объект, X – объем работ, Y – стоимость строительных материалов, $0,1$ – оставшийся объем объекта.

Перед X поставлен знак минус на основании того, что работы идут не созидательные, а разрушительные (имеется в виду содержательная часть).

Как видно из всех рассмотренных ситуаций, содержание и результат работ в договорах строительного подряда и договорах о сносе не являются одинаковыми.

Результат строительных работ всегда имеет величину: 1 или более того, результат сноса – всегда меньше единицы.

Из указанного можно вывести, что переменные X, Y, Z в договорах подряда всегда разные, соответственно, это подтверждает наше предположение о том, что договор строительного подряда и договор о сносе имеют разное содержание и нетождественную правовую природу, хоть к последнему могут применяться отдельные положения § 3 гл. 37 ГК РФ о строительном подряде: ст. 743, 744 (о технической документации), 745 (об обеспечении подрядчика необходимыми материалами), ст. 747 ГК (об обязанностях заказчика передать подрядчику земельный участок).

При таких обстоятельствах, полагаем, снос как, например, капитальный ремонт, достоин упоминания в § 1 и 3 гл. 37 ГК РФ, хотя бы в качестве понятия, а также в части применения и неприменения к нему положений ГК РФ о подряде и строительном подряде.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022 г.) // СПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 г.) // СПС «Консультант Плюс».
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.02.2023) // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // СПС «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 01.07.2017 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве» // СПС «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 05.04.2013 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление Правительства России от 28.01.2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СПС «Консультант Плюс».

9. Распоряжение Правительства России от 13.02.2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «Консультант Плюс».

10. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом ВС РФ 16.11.2022 г.) // СПС «Консультант Плюс».

11. Градостроительный кодекс РСФСР (утв. постановлением Верховного Совета РСФСР 25.04.1991 г. № 1103-1) (утратил силу) [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80aej6addhfr1b.xn--p1ai/grazhdanskiy-kodeks-rsfsr-gk-rsfsr> (дата обращения: 20.01.2023).

12. Багаев В. Ночь длинных ковшей» в документах // Какие «бумажки» подтверждали права собственников снесенных построек [Электронный ресурс]. URL: <https://stroimsk.ru/news/v-moskvie-udvoilis-obiemy-snosa-zhil-ia-porinovatsii?from=cl> (дата обращения: 20.01.2023).

13. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. М.: Статут, 2002. Кн. 3. 1055 с.

14. В Москве удвоились объемы сноса жилья по реновации [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2016/2/20/noch_dlinnyh_kovshej_v_dokumentah_kakie_bumazhki_podtverzhдали_prava_sobstvennikov_snesennyh_postro (дата обращения: 24.01.2023).

15. Верховный Суд обязал местные власти построить дороги [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/auto/news/242238/?ysclid=lcycdpd3le74744769> (дата обращения: 24.01.2023).

Об авторе:

ЖУКОВ Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), адвокат, SPIN-код: 6959-2925, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru

CARRYING OUT THE DEMOLITION OF A CAPITAL CONSTRUCTION OBJECT: LEGAL REGULATION AND SOME FEATURES

F.F. Zhukov

Tver State University, Tver

The object of the study is the norms of the civil law and the town planning law on the demolition of construction projects. The purpose of the work is to identify the civil law and public law features of the institution of demolition, which delimit it from a construction contract. There is substantiated the necessity of introducing the institution of demolition into the Civil Code of the Russian Federation. There is formulated the author's position that the

demolition has its own legal features that delimit it from the construction contract.

Keywords: *construction object, contractor, result of work, demolition, construction contract.*

About author:

ZHUKOV Fedor – PhD in Law, assistant professor at the department of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), attorney, SPIN-code: 6959-2925, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru)

Жуков Ф.Ф. Осуществление сноса объекта капитального строительства: правовое регулирование и некоторые особенности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 82–90.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Г.Н. Захаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают нормы отечественного и зарубежного права, регулирующие производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также ограничение потребления (распития) алкогольной продукции. Целью работы является выявление правовых ограничений и запретов для несовершеннолетних при регулировании оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции с учетом мировой практики Всемирной организации здравоохранения, а также законодательных установлений Российской Федерации. Сформулирована авторская позиция по вопросам политики Российской Федерации в отношении несовершеннолетних с учетом общих мировых тенденций и приоритетов.

Ключевые слова: Всемирная организация здравоохранения, оборот алкогольной продукции, несовершеннолетние.

Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) является агентством Организации Объединенных Наций, которое объединяет страны, организации и людей для укрепления здоровья, обеспечения безопасности мира и помощи уязвимым категориям населения, чтобы каждый и везде мог достичь наивысшего уровня здоровья. В 2022 г. произошел поворотный момент в сфере борьбы с употреблением алкоголя после того, как страны приняли новый план действий на период 2022–2030 гг. Серия вебинаров «Меньше алкоголя», впервые запущенная в 2021 г., является одной из многих попыток поддержать это политическое обязательство. Каждый веб-семинар в этой серии направлен на использование новейших имеющихся фактических данных и ноу-хау стран для ускорения прогресса в устранении критических «слепых зон» для эффективной реализации политики контроля над алкоголем. В первый год в этой серии приняли участие более 40 докладчиков из более чем 80 стран всех регионов ВОЗ, а количество участников составило почти 1 000 человек [11].

Вредное употребление алкоголя ежегодно вызывает около 3 миллионов смертей, а количество болезней и травм, связанных с употреблением алкоголя, остается неприемлемо высоким. Темпы разработки и реализации алкогольной политики в регионах ВОЗ были неравномерными, а ресурсы и возможности для реализации Глобальной стратегии ВОЗ по сокращению вредного употребления алкоголя через 10

лет после ее утверждения не соответствуют масштабу проблем. Исходя из этого, Исполнительный комитет ВОЗ в своем решении EB146 (14) [3] призвал к ускорению действий по сокращению вредного употребления алкоголя и поручил Генеральному директору ВОЗ «разработать план действий (2022–2030 гг.) для эффективного осуществления Глобальной стратегии по сокращению вредного употребления алкоголя в качестве приоритета общественного здравоохранения, в консультации с государствами-членами и соответствующими заинтересованными сторонами, для рассмотрения 75-й сессией Всемирной ассамблеи здравоохранения до 150-й сессии Исполнительного комитета ВОЗ в 2022 г.» и «разработать технический доклад о вредном употреблении алкоголя, связанный с трансграничным маркетингом, рекламой и рекламой алкоголя, в том числе ориентированной на молодежь и подростков, перед 150-й сессией Исполнительного комитета ВОЗ, который может способствовать разработке плана действий», а также «адекватно финансировать работу по вредному употреблению алкоголя [6].

В связи с тем, что Российская Федерация является членом ВОЗ, в своей политике по регулированию отношений в рассматриваемой сфере наша страна использует предложенные ВОЗ эффективные стратегии и практические меры по уменьшению вреда, связанного с употреблением алкоголя [9, с. 919]. Российское государство выступает как гарант конституционных прав и законных интересов организаций и граждан, оно не может не участвовать в процессах алкогольного рынка. В административно-правовом регулировании оборота и производства алкогольной продукции выражается суть его участия, представляющая собой необходимый элемент экономической организованной деятельности, которая обеспечивает ее нормальную работу [10, с. 32]. Государственное регулирование оборота алкогольной продукции выражается в усилении и централизации контроля государства в данной сфере правового регулирования, что проявляется в предъявлении четких требований к производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, лицензированию данного вида деятельности, а также контроле за соблюдением нормативных предписаний. Так, в соответствии с п. 2 ст. 8 и п. 2 ст. 14 Федерального закона № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – ФЗ № 171) [1] Правительство Российской Федерации приняло Постановление «О ведении и функционировании единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» [2], в котором утвердило правила, определяющие порядок ведения и функционирования единой

государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее – единая информационная система), а также порядок учета информации об объеме производства, оборота и (или) использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, о концентрации денатурирующих веществ в денатурированном этиловом спирте (денатурате), об использовании производственных мощностей, объеме собранного винограда, использованного для производства винодельческой продукции. Анализируя законодательство о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции можно прийти к выводу, что оно достаточно полно регулирует указанные отношения, особое внимание уделяя здоровью несовершеннолетних. Статья 16 ФЗ № 171 содержит ряд нормативных положений, которые устанавливают прямой запрет на розничную продажу алкогольной продукции и розничную продажу алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания.

Государственная политика и закреплённые нормы полностью советуют идеям и положениям ВОЗ. Вместе с тем законодательство ФРГ, регулирующее употребление и продажу алкоголя, в основном направлено на защиту молодежи [4]. В отличие от многих других стран, законодательство направлено не на то, чтобы полностью уберечь молодых людей от употребления алкоголя, а, скорее, на то, чтобы научить их правильному подходу к употреблению алкоголя. Употребление алкоголя несовершеннолетними в частном порядке не регулируется конкретным юридическим ограничением. Однако защита от физического и психического вреда является частью общей обязанности родителей заботиться о ребенке [8].

При покупке алкоголя и употреблении алкоголя в общественных местах (например, в пабах и ресторанах) в Германии существует три возраста употребления алкоголя: с 14 лет несовершеннолетним разрешается употреблять и иметь при себе недистиллированные (ферментированные) алкогольные напитки, такие как пиво и вино, в общественных местах, барах или ресторанах, если они находятся в компании и имеют разрешение опекуна (§ 9 JuSchG (2) and § 1 JuSchG (1) 2); с 16 лет несовершеннолетним разрешается употреблять и хранить недистиллированные (ферментированные) алкогольные напитки, такие как пиво и вино, в общественных местах, барах или ресторанах без сопровождения родителей или опекуна (§ 9 JuSchG (1) 2.); с 18 лет люди становятся взрослыми и им разрешается доступ к спиртным напиткам, напиткам, содержащим дистиллированные спирты, и пищевым продуктам, содержащим значительное количество спиртных напитков (§ 9 JuSchG (1) 1.) [5].

Представляет интерес практика Баварского центра по семейным и социальным вопросам Баварского государственного управления по делам молодежи, обеспечивающая реализацию Закона о защите молодежи, по которому защита несовершеннолетних и наказание за нарушение закона может осуществляться компетентным административным органом, полицией или обоими вместе. В рамках данного взаимодействия для всех участников (исполнительные органы, родители, несовершеннолетние) разработаны детальные правила и инструкции [7] для разъяснения различных законодательных положений и контроля за их соблюдением.

На наш взгляд, такая политика в отношении несовершеннолетних, действующая с учетом национальных особенностей рассматриваемых законодательных положений, совсем не оправдана, поскольку противоречит общим мировым тенденциям и приоритетам, особенно по отношению к молодежи. Наиболее правильной следует считать законодательную деятельность Российской Федерации, которая строго стоит на страже полноценного развития личности, ее физического и психического здоровья.

Список литературы

1. Федеральный закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 28.12.2022 г.) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2466 (ред. от 09.12.2022 г.) «О ведении и функционировании единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение EB146(14) Ускорение действий по сокращению вредного употребления алкоголя. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.who.int/publications/i/item/decision-eb146\(14\)-accelerating-action-to-reduce-the-harmful-use-of-alcohol](https://www.who.int/publications/i/item/decision-eb146(14)-accelerating-action-to-reduce-the-harmful-use-of-alcohol) (дата обращения: 26.01.2023).
4. Закон о защите молодежи (JuSchG) § 9 Алкогольные напитки [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/juschg/_9.html (дата обращения: 26.01.2023).
5. Возраст употребления алкоголя [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alcohol_laws_in_Germany#cite_note-1 (дата обращения: 26.01.2023).
6. Глобальный план действий в отношении алкоголя: второй проект, неотредактированный. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/global-alcohol-action-plan-second-draft-unedited> (дата обращения: 26.01.2023).
7. Замечания по применению закона о защите молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20140224235107/http://www.blja.bayern.de/imperia/m>

d/content/blvf/bayerlandesjuenamt/textoffice/120703_vollzugshinweise_zum_jugendschutzgesetz_neufassung_wegen_ladenschluss_endg.pdf (дата обращения: 26.01.2023).

8. Защита несовершеннолетних в общественных местах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blja.bayern.de/themen/jugendschutz/oeffentlich/index.html> (дата обращения: 26.01.2023).

9. Копылова О.П., Гусева Т.А. Государственное регулирование производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Российской Федерации: состояние и тенденции развития // Административное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 913–921.

10. Максимов А.А. Теоретико-правовые основы государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 31–34.

11. Серия вебинаров «Меньше алкоголя»: устранение «слепых зон» для ускорения реализации эффективных мер политики. 13 октября 2022 г. Ведомственные новости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/news/item/13-10-2022-less-alcohol-webinar-series--addressing-blind-spots-to-accelerate-the-implementation-of-effective-policy-interventions> (дата обращения: 26.01.2023).

Об авторе:

ЗАХАРОВ Георгий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS AMONG MINORS

G.N. Zakharov

Tver State University, Tver

The object of the study is the norms of domestic and foreign law regulating the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products, as well as limiting the consumption (drinking) of alcoholic products. The aim of the work is to identify legal restrictions and prohibitions for minors in regulating the circulation of alcoholic and alcohol-containing products, taking into account the world practice of the World Health Organization, as well as the legislative provisions of the Russian Federation. The author's position on the issues of Russian policy towards minors is formulated, considering general world trends and priorities.

Keywords: *World Health Organization, circulation of alcoholic products, minors.*

About author:

ZAKHAROV Georgy – PhD in Law, associate professor of department of Theory of Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

Захаров Г.Н. Некоторые вопросы правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции среди несовершеннолетних // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 91–96.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

**ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ СИСТЕМ
БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
РЕФОРМИРОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

О.Г. Ковалев, А.В. Щербаков

Санкт-Петербургский университет
Федеральной службы исполнения наказаний, г. Псков

Объектом исследования выступают организационно-правовые проблемы применения интегрированных систем безопасности в отечественной пенитенциарной системе. Целью работы является специальное комплексное исследование правовых и организационных проблем применения интегрированных систем безопасности в современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы. Авторами путем использования диалектического метода познания, сравнительного анализа законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, контент-анализа определений ученых, обзоров и статистических данных, опроса сотрудников отделов безопасности, оперативных и режимных подразделений, использования метода включенного наблюдения были выявлены современные тенденции правового регулирования и организации применения интегрированных систем безопасности в УИС, пути их дальнейшего совершенствования с учетом имеющегося пенитенциарного опыта в данном направлении.

Ключевые слова: *пенитенциарные учреждения, спецконтингент, интегрированные системы безопасности.*

Обозначенные в Концепции развития уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) России на период до 2030 г. приоритетные направления ее модернизации включают в себя создание устойчивой структуры противодействия пенитенциарной преступности, достижение целей исполнения наказаний с опорой на инновационные инженерно-технические средства обеспечения режимно-надзорных требований и безопасности УИС, более широкое применение современных интегрированных систем безопасности [1].

В настоящее время в учреждениях УИС содержится 464,2 тысяч человек. На протяжении длительного времени отмечается снижение данного показателя [2].

Анализ дисциплинарной практики в отечественных пенитенциарных учреждениях за последние 5 лет выявил устойчивую тенденцию увеличения фактов нарушения режима содержания и правил отбывания наказания с использованием технических средств, возможностей

операторов постов видеонаблюдения. Поэтому закономерно усилился теоретический и практический интерес к модернизации и совершенствованию правового регулирования и организации использования интегрированных комплексов в отечественных исправительных учреждениях для предупреждения и пресечения пенитенциарных преступлений, правонарушений сотрудников администрации и иных лиц, находящихся на режимной территории.

Учитывая актуальность темы для пенитенциарной практики, уголовно-исполнительного права и его смежных отраслей, нами проводится специальное комплексное исследование правовых и организационных проблем применения интегрированных систем безопасности в современных условиях реформирования УИС.

С использованием диалектического метода познания, сравнительного анализа законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, контент-анализа определений ученых, обзоров и статистических данных, опроса сотрудников отделов безопасности, оперативных и режимных подразделений, использования метода включенного наблюдения были выявлены современные тенденции правового регулирования и организации применения интегрированных систем безопасности в УИС, пути их дальнейшего совершенствования с учетом имеющегося пенитенциарного опыта в данном направлении.

Как отмечают исследователи, эксплуатируемые на охраняемых объектах ФСИН России основные интегрированные системы безопасности приходят на замену морально и физически устаревшим системам технических средств охраны и надзора, при этом современные технологии постоянно наращивают темпы роста, что ведет к появлению новых технических средств, модернизации рассматриваемых систем безопасности.

А.В. Хабаров полагает, что состояние внутреннего оборудования исправительных учреждений оказывает определяющее влияние на правопорядок в местах лишения свободы, позволяя снижать количество нарушений установленного порядка отбывания наказания более чем в 2 раза [7, с. 5].

Мы разделяем мнение о том, что важнейшими элементами комплексной системы безопасности УИС являются биометрические технологии, позволяющие идентифицировать спецконтингент по внешним признакам и поведению, фиксируемым в процессе видеонаблюдения. При этом система охранного телевидения, предназначенная для контроля над запретными зонами, режимными помещениями и повышающая в этой связи эффективность безопасности, также является актуальным элементом рассматриваемой комплексной системы безопасности [3, с. 6–8].

На наш взгляд, одними из главных задач рассматриваемых комплексов являются: оперативное реагирование на криминальные пенитенциарные угрозы; своевременное доведение оперативной информации до ответственных лиц; моментальное реагирование на сигналы тревоги; предупреждение фактов грубого (противозаконного) обращения со спецконтингентом сотрудниками администрации пенитенциарных учреждений.

Практика применения интегрированных систем безопасности различных производителей часто сопровождается отсутствием технических возможностей их взаимного использования. В связи с этим возникает потребность разработки единой информационно-управляющей платформы либо автоматизированной системы управления (далее – АСУ), предназначенной для интеграции в программно-аппаратный комплекс отдельных инженерно-технических систем безопасности и жизнеобеспечения [6, с. 43–44].

Результаты исследования показывают, что около половины всего спецконтингента, содержащегося в местах лишения свободы, обладают повышенным уровнем побеговой активности, совершением пенитенциарных преступлений различного рода. В связи с этим администрациями учреждений УИС подготавливаются специальные планы несения службы, применения современных информационных технологий и технических средств на территории исправительного учреждения и СИЗО, модернизация и модифицирование специальных технических комплексов.

В современных условиях функционирования пенитенциарных учреждений УИС одним из самых распространенных комплексов является Микрос-02. Указанная система предназначена для технического обеспечения средствами охранной и тревожной сигнализации, связи и оповещения, так же она обладает модульной архитектурой.

Весьма активно в отечественных пенитенциарных учреждениях используется видеонаблюдение, оказывающее существенную помощь в организации режима и надзоре за осужденными. Его обеспечивает подсистема видеонаблюдения Микрос-Видео, позволяющая круглосуточно наблюдать за объектом и помещениями, в котором он находится.

В пенитенциарных учреждениях применяется система громкоговорящей связи, обеспечивающая передачу сигналов и другой информации всем лицам, находящимся на режимной территории.

Важнейшей с точки зрения обеспечения безопасности учреждений УИС является система контроля и управления доступом (СКУД), с помощью которой осуществляется пропуск лиц на территорию объекта и помещений, а также контроль над этим процессом. В настоящее время в ряде учреждений внедрено дистанционное управление и контроль функционирования указанной системы досмотра лиц.

В качестве положительного примера применения интегрированных систем обеспечения безопасности учреждений УИС является опыт ИК № 17 ГУФСИН России по Красноярскому краю. На территории размещены 216 камер видеонаблюдения с цветным изображением и кнопкой тревожной сигнализации, более 70 % из которых также оснащены системой громкоговорящей связи. Также в учреждении установлены 3 купольные видеокамеры, позволяющие идентифицировать лиц и их поведение на открытых участках территории. В каждом изолированном участке учреждения установлены домофоны, которые позволяют осуществлять пропускной режим.

На контрольно-пропускном пункте учреждения установлена система, которая посредством идентификации отпечатков пальцев устанавливает личность персонала, такая же система используется для контроля осужденных на КПП между жилой и производственной зоной, а также в столовой [4, с. 11–13].

По обстоятельствам изложенного, принимая во внимание позитив доктринальных разработок, отражающих потребности упорядочения организационных и нормативно-правовых основ инженерно-технических средств безопасности УИС можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Использование в пенитенциарном ведомстве интегрированных систем безопасности, включающих в себя современные технические средства и компьютерные технологии, цифровые системы контроля и наблюдения является важнейшим фактором обеспечения безопасности объектов, сотрудников администрации и иных лиц, находящихся на режимной территории, позволяющим:

- эффективно реализовывать задачи по осуществлению комплексного контроля территории пенитенциарного учреждения;
- профилактировать пенитенциарные преступления и правонарушения среди спецконтингента;
- предупреждать нападения осужденных, подозреваемых и обвиняемых на сотрудников администрации и иных лиц, находящихся на режимной территории пенитенциарного учреждения;
- профилактировать и своевременно выявлять факты грубого (противозаконного) обращения сотрудников администрации со спецконтингентом;
- оперативно реагировать на возникающие внештатные ситуации (природного, техногенного и другого характера), обеспечивать безопасность учреждений УИС;
- обеспечивать определенную судом изоляцию подозреваемых и обвиняемых от общества, исправление, ресоциализацию и адаптацию осужденных;

- шире использовать беспроводные информационные технологии, приборы электронного контроля для мониторинга передвижения спецконтингента;

- внедрять в деятельность учреждений УИС глобальные навигационные системы ГЛОНАСС в целях мониторинга места нахождения осужденных, их передвижения;

- применять современные металлообнаружители при проведении обыскно-досмотровых мероприятий, для профилактики и пресечения побегов осужденных из-под надзора, совершения других пенитенциарных преступлений;

- использовать в досмотровой деятельности людей, посылок, передач и личных вещей лиц, прибывающих в учреждение, современные модели стационарных и портативных рентгенотелевизионных установок;

- продолжать тенденцию расширения применения дистанционного надзора за поведением осужденных;

- развивать дуплексную связь «камера – помещение младшего инспектора – оператор поста видеоконтроля»;

- совершенствовать оперативную связь и обмен информацией между службами и подразделениями пенитенциарных учреждений;

- обеспечивать сохранность и бережное использование инженерно-технических средств охраны и надзора, применяемых для обеспечения безопасности в учреждениях УИС;

- использовать возможности инженерно-технических средств охраны и надзора при обеспечении безопасности, проведении оперативно-розыскных мероприятий в ИУ и СИЗО;

- более широко применять современные системы биометрической идентификации осужденных;

- совершенствовать взаимодействие операторов постов видеоконтроля и систем охранного телевидения по повышению качества видеонаблюдения и видеофиксации спецконтингента, осуществление их профессиональной подготовки и повышение квалификации, проведение занятий в системе служебной подготовки;

- развивать позитивную тенденцию предоставления в судебные и правоохранительные органы видеозаписей правонарушений совершенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в учреждениях УИС;

- обеспечивать защиту видеоархивов от несанкционированного распространения видеоматериалов;

- совершенствовать прокурорский надзор на данном направлении в целях обеспечения прав и законных интересов лиц, содержащихся под стражей [5, с. 481].

2. Оптимизация законодательного и ведомственного нормативного правового регулирования инженерно-технического обеспечения безопасности УИС должна выстраиваться в соответствии с активными

изменениями, происходящими в пенитенциарной практике в сфере цифровой трансформации, использования современных комплексных интегрированных систем и может быть направлена:

- на дополнение ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса РФ положениями, регламентирующими применение интегрированных систем безопасности учреждений УИС, которые включают инженерные и уже перечисленные в статье аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля поведения осужденных;

- внесение изменений и дополнений в ст. 12 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания» в части регламентации применения интегрированных систем безопасности учреждений УИС, реализации ее инженерно-технических элементов;

- введение в понятийный аппарат, используемый в ведомственных нормативных правовых актах Минюста и ФСИН России, понятия «интегрированные системы безопасности», более широкое применение в рассматриваемом контексте понятия «инженерно-технические средства надзора и контроля»;

- рассмотрение вопроса возможности принятия комплексного ведомственного нормативного правового акта о применении интегрированных систем безопасности учреждений УИС с использованием современных подходов и передового опыта реализации инженерно-технического обеспечения данного процесса.

Список литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы России на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2022).

3. Бердников Н.Г. Особенности применения инженерных и технических средств охраны и надзора в УИС на современном этапе // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сб. материалов Международной научно-практической межведомственной конференции. 19–20 октября 2016. Воронеж: ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, 2016. С. 6–8.

4. Заломов Н.А., Паринов А.В. Анализ и модернизация комплексных систем безопасности на объектах УИС. Воронежский институт ФСИН России // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сб. материалов Международной научно-практической межведомственной конференции 19–20 октября 2016. Воронеж: ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, 2016. С. 11–13.

5. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2019. 481 с.

6. Сумин В.И., Исаев О.В., Слесарев В.Е. Применение перспективных технологий в комплексных системах безопасности объектов уголовно-исполнительной системы // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сб. материалов Международной научно-практической межведомственной конференции 19–20 октября 2016. Воронеж: ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, 2016. С. 43–44.

7. Хабаров А.В. Организация и правовые основы деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в сфере инженерно-технического обеспечения безопасности осужденных и персонала: дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2012. 216 с.

Об авторах:

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России, (Россия, г. Псков, Зональное шоссе, 28); SPIN-код: 8778-5630, AuthorID: 753467; e-mail: okovalev66@gmail.com

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России, (Россия, г. Псков, Зональное шоссе, 28), SPIN-код: 5789-1236, AuthorID: 745265, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

LEGAL AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF APPLICATION OF INTEGRATED SECURITY SYSTEMS IN MODERN CONDITIONS OF REFORMING THE PENAL SYSTEM

O.G. Kovalev, A.V. Shcherbakov

Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pskov

The object of the study is the organizational and legal problems of the application of integrated security systems in the domestic penitentiary system. The purpose of the work is a special comprehensive study of the legal and organizational problems of the use of integrated security systems in modern conditions of reforming the penal system. The authors, by using the dialectical method of cognition, comparative analysis of legislative and departmental regulatory legal acts, content analysis of definitions of scientists, reviews and statistical data, interviewing employees of security departments, operational and regime units, using the included observation method, identified current trends in legal regulation and organization of the use of integrated security systems in the UIS, ways of their further improvement taking into account the existing penitentiary experience in this direction.

Keywords: *penitentiary institutions, special agent, integrated security systems.*

About authors:

KOVALEV Oleg – Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Organization of the Regime and Operative Investigative Activities in the Penitentiary System of the Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, (Russia, Pskov, Zonal Highway, 28); SPIN-code: 8778-5630, AuthorID: 753467; e-mail: okovalev66@gmail.com

SHCHERBAKOV Andrey – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Regime Organization and Investigative Activities in the Penitentiary System of the Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, (Russia, Pskov, Zonal Highway, 28), SPIN-code: 5789-1236, AuthorID: 745265, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

Ковалев О.Г., Щербakov А.В. Правовые и организационные проблемы применения интегрированных систем безопасности в современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 97–104.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ МАРКИРОВКИ ТОВАРОВ

Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Целью работы является проведение анализа общественного мнения по поводу мер, введенных государством в отношении торговой деятельности в Российской Федерации в связи со складывающейся экономической ситуацией в настоящее время. Изменения, которые были внесены в Федеральный закон № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», в основном коснулись обязательной маркировки товаров средствами идентификации. В ходе анализа выявляются основные опасения предпринимателей, связанные с внедрением данной системы.

Ключевые слова: экономическая ситуация, маркировка товаров, контрафактная продукция.

В современной экономике торговля играет значительную роль, выступая связующим звеном между производством и потреблением. Эффективность товаропроводящей системы является важнейшим фактором развития и совершенствования производства, а также удовлетворения потребительского спроса.

В Федеральный закон № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» внесены изменения и дополнения в связи с проводимой недружественными государствами санкционной политикой в отношении Российской Федерации и складывающейся экономической ситуацией [1]. В настоящее время создается дополнительная финансовая и административная нагрузка на всех участников оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, которая может повлечь временную невозможность исполнения участниками оборота обязательств в сфере маркировки товаров средствами идентификации.

Распространение некачественной и контрафактной продукции – серьезная проблема как для потребителей, так и производителей. Это не только влечет финансовые убытки, но и сказывается на репутации производителя, может принести моральный и в некоторых случаях даже физический ущерб потребителю. Анализ Минпромторга подтверждает, что с 2018 г. на российском рынке выявлено более 6 млн единиц контрафактной продукции. Отследить ее перемещение и реализацию без особой системы было затруднительно.

С введением обязательной маркировки товаров количество контрафактной продукции уменьшилось.

К примеру, национальная система маркировки и прослеживания товаров из разных категорий «Честный ЗНАК» разработана с целью уменьшения количества производимого контрафакта и привлечения распространителей такой продукции к ответственности. В настоящее время уже маркируются такие товары, как молочная продукция, парфюмерная продукция, табачные изделия, упакованная вода, обувь, изделия из меха и кожи, лекарственные препараты и некоторые другие. В рамках эксперимента к этим товарам добавили пиво и пивные напитки, биологически активные добавки к пище (далее – БАД), антисептики, велосипеды и кресла-коляски. Маркировка представляет собой нанесение специального Data Matrix кода на упаковку и внесение этой единицы товара в базу данных, чтобы повысить уровень безопасности россиян и существенно снизить количество контрафакта. Наличие цифрового кода говорит о подлинности и качестве товаров [7]. Единая система маркировки и отслеживания товаров должна полноценно заработать в 2024 г.

Тем не менее предприниматели считают, что с внедрением системы обязательной маркировки товаров значительно ухудшится финансовое положение производственных предприятий, а также вынужденно повышаются отпускные цены на продукцию. Операторы системы декларировали конечную стоимость маркировки менее рубля на единицу товара, однако производители отмечают увеличение стоимости для конечного потребителя на десятки процентов. В условиях дефицита расходных материалов для проведения маркировки этот рост будет еще больше. При этом маркировка не является единственным инструментом борьбы с нелегальным оборотом продукции. Предпринимательское сообщество оценивает, что ощутимые результаты получили только компании, занятые в производстве оборудования и программного обеспечения процесса маркировки.

Проведение практического эксперимента и отладки системы маркировки товаров в ручном режиме в условиях экономических санкций представляется не только не целесообразным, но и вредным для бизнеса, дополнительная нагрузка на предпринимателей и потребителей является недопустимой.

Участники системы маркировки разошлись во мнениях о ее влиянии на цены. Одни считают, что маркировка может оказаться разорительной для бизнеса, а другие – что затраты будут минимальными.

По мнению компании «АТОЛ», которая занимается автоматизацией рабочих процессов для ритейла, большинство «маркировочных» процессов вообще ничего не будут стоить предпринимателям. Например, чтобы предприятиям общественного питания работать в системе маркировки, им потребуется пройти бесплатную регистрацию, бесплатно

подключить электронный документооборот (ЭДО) и добавить всего две процедуры: принятие и выбытие маркированных товаров [4].

В условиях смягчения требований техрегулирования государство ищет новые инструменты контроля за рынком. А система маркировки дает информацию о товарных рынках и потребительских ценах с недоступными другим инструментам контроля скоростью и детализацией.

Например, за маркировку рыбной продукции выступало Росрыболовство. Эксперимент по маркировке рыбной продукции в первую очередь коснется красной и черной икры, а маркировка и ограничение вывоза самолетом больше 10 кг камчатской красной икры в непромышленной упаковке снизит нелегальный оборот продукции, обезопасит граждан и ограничит браконьерское лобби.

В то же время в Рыбном союзе считают введение маркировки не совсем своевременной мерой, «учитывая колоссальное экономическое давление на предприятия и то, что введение маркировки – это огромные издержки, которые сильно ударят по отрасли» [3]. Введение новых барьеров вместо мер по стимулированию развития отрасли может серьезно навредить как производителям, так и потребителям, так как повлечет за собой рост цен на продукцию минимум на 10–20 %.

Производители сладких напитков и соков тоже не считают возможным сейчас включиться в эксперимент, т. к. это серьезные финансовые вложения даже для тех компаний, которые уже маркируют упакованную воду, тем более что, к примеру, линии розлива и упаковки соков отличаются от линий упакованной воды.

Не понимают логику введения маркировки и в Ассоциации торговых компаний и товаропроизводителей электробытовой и компьютерной техники (РАТЭК). Рынок сейчас испытывает серьезные проблемы с поставками продукции, и идею введения маркировки его участники воспринимают как препятствие для нормальной работы производителей, что приведет к усугублению проблем с наличием товара. Маркировка увеличит отпускную цену на традиционные лампы накаливания (самый популярный светотехнический продукт на рынке) на 10 %, при том что светодиодные лампы в России почти не производятся, предупреждают в РАТЭК.

Тем не менее российские производители светотехники не согласны с позицией РАТЭК. Объем контрафактной светотехнической продукции достигает 70 %, и ее установка приводит к проблемам со зрением у детей в школах и даже к пожарам. Производители светотехники считают маркировку мерой поддержки отрасли: несмотря на некоторое повышение цен из-за расходов на нее, можно будет отслеживать не только производителей, но и всю цепочку, по которой до покупателя дошел контрафакт, что представляется важным с учетом параллельного импорта [3].

Польза от маркировки очевидна, но в то же время увеличивается оборот нелегальной продукции по некоторым товарным группам.

Например, продажа нелегальных сигарет переместилась в Интернет. Количество интернет-площадок, специализирующихся на торговле контрафактными сигаретами, за первое полугодие 2020 г. выросло на 9 %, по данным аналитиков компании «British American Tobacco (BAT)» [6].

Согласно исследованиям компании «Nielsen», за последние 5 лет рынок нелегальных сигарет в России вырос более чем в 10 раз. Например, в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах более 21 % продаваемой табачной продукции является нелегальной, а в Ростовской области до половины всех сигарет продаются незаконно. По сведениям аналитиков компании, ежегодно нелегальный рынок сигарет в России фактически удваивается, а с учетом предложений по увеличению в России ставок по акцизам на сигареты он может вырасти еще больше [6].

Исследование ЦСР¹ выявило массовую продажу незарегистрированных БАДов в Интернете. Наличие у БАДа свидетельства о госрегистрации – это гарантия того, что добавка прошла экспертизу, ее состав соответствует заявленному, и прием такого препарата безопасен. Однако многие производители и продавцы обходят это требование, идя на различные хитрости и уловки. У почти трети из исследованных товаров не оказалось обязательной государственной регистрации.

Анализ площадок, имеющих подобную продукцию в своем ассортименте, проводился с 22 апреля по 18 мая 2022 г., а также во второй половине 2021 г. Экспертам ЦСР удалось выявить на интернет-площадках 9 441 предложение о продаже биологически активных добавок с несоответствиями действующим в РФ требованиям. Эти продукты могут быть небезопасны для потребителя.

Речь идет не о безобидных нарушениях: в 24 % случаев у псевдо-БАДов не оказалось свидетельства о госрегистрации, в 19 % случаев в составе продукции были обнаружены запрещенные в России или странах ЕАЭС вещества. Также было выявлено, что в 17 % случаев описание добавок вводило потребителя в заблуждение, обещая нереалистичные сроки достижения желаемого результата или эффекты. Отсутствие в карточках товара информации, обязательной в соответствии к требованиям к упаковке, стало самым распространенным нарушением. Также встречались случаи продажи лекарственных средств под видом БАД [5].

¹ Некоммерческая организация, которая занимается разработкой и реализацией стратегии долгосрочного развития российской экономики.

Эксперты рынка считают, что давление на участников рынка лишь выдавливает игроков в серую зону, делая легальный бизнес невыгодным как для поставщиков, так и для продавцов.

Например, крупный дистрибьютор электронных средств доставки никотина (далее – ЭСДН) Babylon Vardex Group обратился в Арбитражный суд Москвы с заявлениями о признании незаконными действий Центральной акцизной таможни (далее – ЦАТ), которая потребовала выплатить акциз за содержащуюся жидкость. Таможенные органы помимо уплаченного акциза на устройство потребовали оплатить акциз на жидкость, которой пропитан испаритель. Требования касаются товара, ввезенного в 2020–2022 гг. В ЦАТ заявили, что все мероприятия, которые проводятся с ЭСДН, идут в соответствии с законом. В Минфине же отметили, что жидкость для ЭСДН подлежит обложению акцизом. При этом нет никакой разницы, находится ли она в комплекте или поставляется отдельно. Однако текущая ситуация требует того, чтобы было проведено межведомственное совещание для обсуждения вопроса исключения потенциального двойного налогообложения.

Эксперимент по маркировке электронных сигарет и жидкостей к ним проводился в России с февраля 2022 г. и планировался к завершению в феврале 2023 г. В связи с большим количеством контрафактной продукции, появившейся на рынке, участники оборота никотиносодержащей продукции обратились в правительство с просьбой о досрочном завершении эксперимента. В итоге 14 декабря 2022 г. был завершен эксперимент и введена обязательная маркировка электронных сигарет и жидкостей к ним [2].

По мнению экспертов, маркировка уже зарекомендовала себя как удобный для потребителя инструмент, который позволяет выбрать качественную и оригинальную продукцию. В то же время значительная часть товаров сейчас находится вне маркировки и их подделывают чаще всего.

Какие же изменения в области маркировки произойдут в 2023 году? С марта 2023 г. введут обязательную маркировку детской воды, с апреля 2023 г. начнется маркировка БАД. Обязательная маркировка ряда радиоэлектроники в РФ будет введена не раньше сентября 2023 года.

Из-за огромного оборота нелегальной продукции легкой промышленности с 1 июня 2023 г. начнется маркировка таких товаров, как спортивные костюмы, пиджаки, брюки, блузки, рубашки, куртки, пальто, плащи, ветровки и продукция из искусственного меха. Решение о маркировке поддержали производители одежды и крупные компании розничной торговли (Российский союз производителей одежды, Ассоциация компаний розничной торговли, Lamoda, «Спортмастер», «Снежная королева»).

К 2024 г. Россия планирует ввести в стране систему сплошной маркировки товаров, целью которой является борьба с распространением

некачественной продукции и контрафакта. В то же время не стоит забывать, что введение маркировки по некоторым товарам может серьезно навредить как производителям, так и потребителям, т. к. влечет за собой рост цен на продукцию. Но выбора нет! И производителям, и потребителям надо приспосабливаться к современным реалиям.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г.) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Импортеры электронных сигарет пожаловались на таможенную из-за доплаты акцизов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/09/21/18612895.shtml> (дата обращения: 25.10.2022).
3. Минпромторг планирует начать маркировку еды, алкоголя и электроники [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/06/15/926516-minpromtorg-planiruet-nachat-markirovku> (дата обращения: 25.10.2022).
4. Обязательная маркировка: рост цен, серые схемы или отсутствие затрат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/02/19/14551783.shtml> (дата обращения: 25.10.2022).
5. Опасные добавки: треть БАДов из сети не соответствует требованиям [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/06/12/14980766.shtml> (дата обращения: 25.10.2022).
6. Рост в 10 раз: продавцы нелегальных сигарет перебираются в Instagram [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/09/07/13240454.shtml> (дата обращения: 25.10.2022).
7. Честный знак РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/about-marking> (дата обращения: 25.10.2022).

Об авторе:

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 3865-1541, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

TO THE QUESTION OF THE NECESSITY AND EXPEDIENCY OF LABELING GOODS

N.O. Ogarkova

Tver State University, Tver

The purpose of the work is to analyze public opinion on the measures introduced by the state in relation to trading activities in the Russian Federation in connection with the current economic situation. The changes that were made to Federal Law No. 381-FZ “On the Fundamentals of State Regulation of Trading Activities in the Russian Federation” mainly concerned the mandatory labeling of goods by means of identification. The analysis reveals the main concerns of entrepreneurs related to the introduction of this system.

Keywords: *economic situation, labeling of goods, counterfeit products.*

About author:

OGARKOVA Natalya – senior lecturer of the department of in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 3865-1541, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

Огаркова Н.О. К вопросу о необходимости и целесообразности маркировки товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 105–111.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ И ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

М.Э. Радченко

Санкт-Петербургский университет
Федеральной службы исполнения наказаний, г. Псков

Актуальность данной темы обусловлена тем, что наказание в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью является одним из наиболее применяемых альтернативных наказаний. Однако, как показывает практика, существует ряд проблемных вопросов, возникающих в процессе исполнения данного наказания уголовно-исполнительными инспекциями. В связи с этим, объектом исследования являются нормативные правовые акты, регламентирующие порядок исполнения наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Цель работы – обозначение проблемных аспектов, возникающих в практической деятельности уголовно-исполнительных инспекций при исполнении данного вида наказания для дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевые слова: уголовное наказание, запрет занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, уголовно-исполнительная инспекция, безнаказанность.

На сегодняшний день уголовно-исполнительная политика Российской Федерации направлена на справедливость назначения наказаний и гуманизацию их исполнения. В связи с этим спектр уголовных наказаний в Уголовном кодексе увеличился, каждое из них имеет ряд пробелов не только в назначении судом того или иного вида, но и дальнейшем исполнении его учреждениями и органами Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России). В данной статье автором рассмотрены проблемные аспекты, возникающие при исполнении наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что наказание в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью имеет довольно широкое применение среди иных альтернативных лишению свободы видов наказаний.

Так, согласно официальным статистическим данным ФСИН России за 2021 г. условно осужденных насчитывалось 240 485 человек, осужденных к исправительным работам – 40 651 человек, обязательным работам – 29 910, ограничению свободы – 36 971 человек, лишению

права занимать определенные должности – 131 682. Для наглядности числовых значений можно ознакомиться с диаграммой (рис.1) [5].

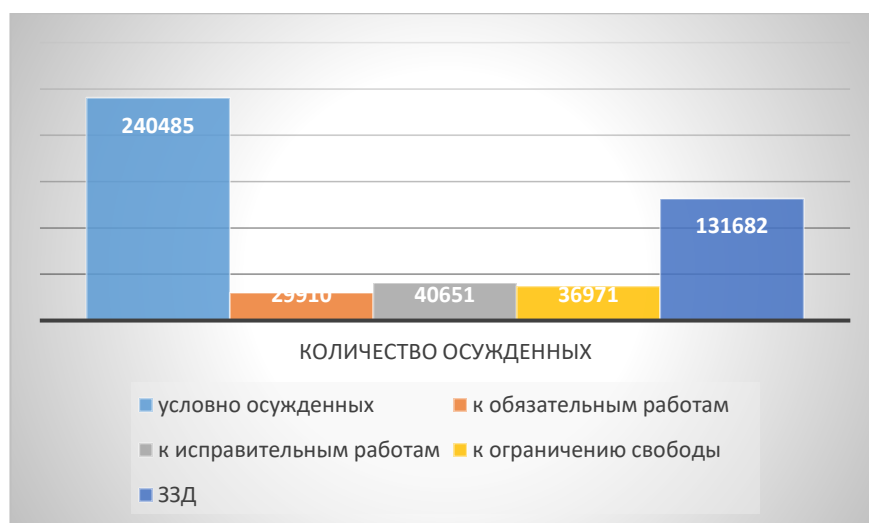

Рис. 1. Количество осужденных к альтернативным видам наказания

Исходя из статистических показателей мы видим, что наказание в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью является вторым по популярности альтернативным видом наказания. В связи с этим изучение проблемных аспектов при исполнении данного вида наказания требует определенных предложений по восполнению существующих пробелов.

Прежде чем раскрывать проблемные вопросы, хотелось бы более подробно раскрыть сущность данного альтернативного наказания, а именно – рассмотреть статистические данные в сфере исполнения наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью уголовно-исполнительными инспекциями на примере Псковской области.

Согласно статистическим данным ФСИН России «Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы» на учет Уголовно-исполнительной инспекции Псковской области в течение 2021 г. было поставлено 496 осужденных.

Численность лиц, состоявших на учете в отчетном периоде, составила 1 409 осужденных. Из их числа 70 человек совершили повторное преступление, из которых 64 отбывали наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью (далее – ЗЗД) в качестве основного наказания.

Большая часть повторных преступлений, а именно 41 преступное деяние квалифицировались по ст. 264.1 Уголовного кодекса РФ, из которых 38 ранее отбывали наказание по той же статье. Исходя из этого, можно сделать вывод, что 91% совершает преступления после отбытия основного назначенного наказания, не обращая внимание на наличие

имеющегося запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Это обусловлено следующими факторами:

- 1) ЗЗД не может быть заменено более строгим видом наказания;
- 2) отсутствие законодательно закрепленных санкций за нарушение отбывания данного наказания (исключение составляет постановление о незначительности в срок наказания определенного периода времени) [1, с. 45–46].

На мой взгляд, данному наказанию больше подходит название ограничения, нежели наказания. Потому что за те или иные нарушения осужденные к ЗЗД больше ограничены в праве, например: управлять транспортным средством на определенный срок. За несоблюдение ограничений, по сути, нельзя применить меры взыскания.

Кроме того, есть и другие нюансы, которые законодательно не предусмотрены. Вот, например, гражданин Р., не имеющий водительского удостоверения, управляет транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, и впоследствии его лишают права управления транспортным средством. Получается, его лишают того, чего и не было априори. При исполнении приговора данная ситуация выглядит абсурдно, т. к. Инспекция согласно регламенту действия п.31 Инструкции, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», обязана известить ГИБДД России о вынесенном приговоре в отношении осужденного, лишенного права управления транспортным средством, приложить к материалам личного дела осужденного подтверждение об изъятии сотрудниками ГИБДД водительского удостоверения, а фактически изымать нечего. Таким образом, становится не совсем понятно, как исполнять приговор суда в таких случаях, и данную ситуацию можно отнести к пробелу в законодательстве [2, с. 66–67].

В свою очередь, осужденные к указанному выше наказанию относятся весьма легкомысленно ввиду того, что серьезные меры взыскания в их отношении применить проблематично. Например, если осужденный к ЗЗД, будучи лишенным права управления транспортным средством, сядет за руль и на него составят соответствующий протокол сотрудники ГИБДД, в его отношении вынесут Постановление о незначительности в срок отбывания наказания этот день. Бывают случаи, когда осужденные этой категории приезжают самостоятельно в инспекцию на автомобиле, т. е. за рулем. А Инспекция ничего, кроме как сообщить в ГИБДД, сделать не может. На наш взгляд, в таких случаях необходимо предоставить больше прав сотрудникам ФСИН в части применения взыскания либо составления протокола [4, с. 66–67].

Чувствуя свою «беснаказанность», осужденные зачастую не являются в УИИ, а после и вовсе скрываются и уклоняются от контроля сотрудников Инспекции. Из чего вытекает еще один проблемный

момент: проведение первоначально-розыскных мероприятий осужденных к данному виду наказания и в последующем объявления их в розыск. На период проведения первоначально-розыскных мероприятий и нахождения в розыске срок наказания не приостанавливается и не продлевается, из чего можно сделать вывод, что уголовное наказание фактически не исполняется. Законодательно проведение первоначально-розыскных мероприятий нигде не закреплено. Если в случае уклонения осужденного от отбывания другого уголовного наказания (не связанного с изоляцией от общества) после объявления его в розыск возможно рассмотрение вопроса об отмене/замене наказания на лишение свободы, то для осужденного к ЗЗД – это невозможно [3, с. 54–55].

На основании изложенных примеров можно выделить следующие проблемные аспекты, требующие решения исполнения наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью:

1. При исполнении данного вида наказания у сотрудников УИИ отсутствуют превентивные средства воздействия на поведение осужденных, которые выражались бы в регламентации правовых последствий нарушения ими порядка отбывания наказания. Из-за этого основные цели, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, не достигаются.

2. Отсутствует система контроля за поведением осужденных, вследствие чего карательное воздействие наказания не выполняется.

3. Закон не предусматривает оснований и средств ответственности за уклонение от отбывания указанного наказания. В итоге осужденные, как правило, игнорируют требования инспекции и безнаказанно не исполняют требования приговора.

Полагаем, что подобная ситуация недопустима и требует внесения изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Список литературы

1. Дворянсков И.В. Проблемы обеспечения исполнения наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VII Международной научно-практической конференции, Пермь, 02 апреля 2020 года; сост. В.А. Овченков. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 45–47.

2. Егорова О.О. Правовое обеспечение исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития: сб. тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции: в 6 т., Рязань, 18–19 ноября 2020 года. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 66–69.

3. Лакина И.А., Назарова А.Б. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при исполнении наказания в виде лишения права занимать

определенную должность или заниматься определенной деятельностью // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4(40). С. 54–57.

4. Уваров О.Н. Об исполнении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 65–68.

5. Статистические данные // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 10.10.2022).

Об авторе:

РАДЧЕНКО Марине Эдуардовна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, (Зональное ш., 28, Псков, Псковская обл., 180014), SPIN-код: 9749-4078, AuthorID: 1117939, e-mail: marin.eduardovna@yandex.ru

PROBLEMATIC ISSUES IN THE EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF A BAN ON HOLDING CERTAIN POSITIONS AND ENGAGING IN CERTAIN ACTIVITIES

M.E. Radchenko

Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pskov

The relevance of this topic is due to the fact that punishment in the form of a ban on holding certain positions and engaging in certain activities is one of the most widely used alternative punishments. However, there are a number of problematic issues that arise in the process of execution of this punishment by criminal enforcement inspections. In this regard, the object of the study is regulatory legal acts regulating the procedure for the execution of punishment in the form of a ban on holding certain positions and engaging in certain activities. The purpose of the work is to identify problematic aspects that arise in the practice of criminal enforcement inspections in the execution of this type of punishment for further improvement of legislation.

Keywords: *criminal punishment, prohibition to hold certain positions and engage in certain activities, criminal enforcement inspection, impunity.*

About author:

RADCHENKO Marine – Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, (28 Zonal Highway, Pskov, Pskov Region, 180014), SPIN-code: 9749-4078, AuthorID: 1117939, e-mail: marin.eduardovna@yandex.ru

Радченко М.Э. Проблемные вопросы при исполнении наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 112–116.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ИТОГИ 2021–2022 ГГ.

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Экспертная и нормативно-методическая деятельность напрямую не относится к научно-исследовательской работе, а вузы не могут выполненные в рамках этого такие работы отражать в отчетах по науке. Вместе с тем, эти виды деятельности оказываются не менее важными, и даже больше могут оказывать влияние на общество, предоставляя ему конкретное непосредственное благо. В этом плане экспертная и нормативно-методическая деятельность являются «третьей миссией» вуза, где первые две – это образовательная и научная. Цель статьи – раскрыть значение «третьей миссии» как направления деятельности высшего учебного заведения. Задачами является обобщение опыта реализации государственных контрактов Тверского государственного университета, определение успешной стратегии их реализации. Методами исследования являются сравнительный анализ и синтез. Представлен опыт проведения экспертно-аналитических и нормативно-методических исследований в рамках реализации государственных контрактов, заключенных Тверским государственным университетом с федеральными органами власти. Обозначены элементы успешной стратегии реализации подобных исследований. Сделан вывод о том, что региональный вуз при правильно разработанной стратегии может эффективно конкурировать на рынке экспертно-аналитических и прочих исследований с крупными федеральными вузами, имеющими как большее количество высококлассных специалистов, как правило, лучшее материально-техническое обеспечение, связи и влияние в федеральных органах власти. Представлен опыт проведения экспертно-аналитических и нормативно-методических исследований в рамках реализации государственных контрактов, заключенных Тверским государственным университетом с федеральными органами власти. Обозначены элементы успешной стратегии реализации подобных исследований.

Ключевые слова: *государственный контракт, перспективные финансовые технологии, мониторинг законодательства, финансовый рынок, Центральный банк РФ, санкционные режимы, критические важные отрасли.*

В 2021–2022 гг. юридический факультет Тверского государственного университета инициировал и исполнил шесть государственных контрактов, из которых пять заключены с Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

и один – с Федеральной налоговой службой России (табл. 1). Это обеспечило мощный прорыв в придании Тверскому государственному университету роли ведущего экспертного вуза федерального значения, выполняющего работы нерегионального характера.

Таблица 1.

Характеристика государственных контрактов, реализованных юридическим факультетом Тверского государственного университета в 2021–2022 гг.¹

№	Название государственного контракта	Характер работы	Заказчик	Выполненный объем, страниц	Сумма, млн руб.
2021 г.					
1.	Анализ российского и зарубежного опыта применения передовых финансовых технологий. Законодательный аспект	Экспертно-аналитическая	Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания РФ	536	1,2
2022 г.					
2.	Методы оценки издержек, образующихся в процессе деятельности налоговых органов, в том числе при администрировании крупнейших налогоплательщиков. Их влияние на издержки, образующиеся у налогоплательщика. Международный опыт оценки и подходов к управлению такими издержками	Нормативно-методическая	ФНС России	244	2
3.	Экспертно-аналитическое исследование санкционных режимов в отношении критически важных секторов экономики Российской Федерации	Экспертно-аналитическая	Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания РФ	405	1,5

¹ Авторская разработка.

4.	Разработка рекомендаций по развитию финансового рынка Российской Федерации в условиях санкционного режима и их законодательное обеспечение	Экспертно-аналитическая	Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания РФ	318	1,0
5.	Выработка рекомендаций по совершенствованию законодательного обеспечения роли Центрального банка Российской Федерации в формировании и реализации кредитно-денежной и валютной политики страны в целях защиты национальных интересов России в условиях внешнего санкционного давления	Экспертно-аналитическая	Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания РФ	302	1,0
6.	Мониторинг правоприменения законодательных актов на федеральном и региональном уровнях	Экспертно-аналитическая	Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания РФ	681 (Ч. 1 – 225. Ч. 2 – 196. Ч. 3 – 260)	1,8

Экспертная и нормативно-методическая деятельность напрямую не относится к научно-исследовательской работе, а вузы не могут отражать выполненные в рамках этой работы в отчетах по науке. Вместе с тем эти виды деятельности оказываются не менее важными, они могут оказывать влияние на общество, предоставляя ему конкретное непосредственное благо. В этом плане экспертная и нормативно-методическая деятельность является «третьей миссией» вуза, где первые две – это образовательная и научная.

Выполнение экспертных и нормативно-методических работ усиливает связь вуза с практикой, развивает научно-исследовательский потенциал университета и приводит к увеличению публикационной активности научно-педагогических работников, участвующих в проектах. Проблематика выполненных работ находит свое отражение в научных публикациях, а это приводит к росту наукометрических

показателей как отдельных научно-педагогических работников, так и вуза в целом.

Экспертная и нормативно-методическая деятельность устанавливает сотрудничество вуза с федеральными органами власти. Так, например, в рамках исполнения государственных контрактов 15 сентября 2022 г. состоялась поездка делегации университета в Государственную Думу в составе врио ректора С.Н. Смирнова и профессора кафедры конституционного, административного и таможенного права А.Н. Сухарева, где они встречались с руководителями фракций и комитетов.

В 2021–2022 гг. в реализации государственных контрактов приняли участие научные и научно-педагогические работники юридического факультета и Института экономики и управления Тверского государственного университета, а также представители других вузов России.

При выполнении экспертно-аналитического исследования по перспективным финансовым технологиям был проведен анализ нормативного правового регулирования данных технологий в России, проанализированы основные меры, реализуемые в данной сфере в зарубежных странах (Австралии, Великобритании, Германии, Израиле, Канаде, КНР, ОАЭ, Сингапуре, США, Южной Корее, Японии), подготовлены и обоснованы предложения и рекомендации по внедрению и нормативному правовому регулированию передовых финансовых технологий в России.

В экспертно-аналитическом исследовании санкционных режимов в отношении критически важных отраслей российской экономики был проведен обзор мер санкционного давления на экономику России, выявлены наиболее существенные меры, влияющие на критически важные сектора и отрасли. Проанализировано влияние санкционного давления и дана оценка рисков его усиления в нефтегазовом комплексе, электроэнергетике, металлургии, ЖКХ, транспортной отрасли и банковской сфере. Выявлена зависимость каждой из данных сфер от различных видов оборудования, технологий, комплектующих и иностранного программного обеспечения, разработаны рекомендации по совершенствованию российского законодательства в данных сферах.

В исследовании, посвященном функционированию финансового рынка в условиях санкционного давления, был проведен анализ влияния санкционных ограничений на функционирование финансовых рынков Российской Федерации в 2022 г., а также исследовано санкционное воздействие на валютный рынок, денежный рынок, товарный рынок, рынок капитала и рынок золота. Была дана оценка эффективности принятых мер, разработана карта санкционных рисков и определены направления совершенствования российского законодательства в данных сферах.

В экспертно-аналитическом исследовании, посвященном совершенствованию законодательного обеспечения Центрального банка РФ и осуществляемой им денежно-кредитной и валютной политики, был проведен анализ макроэкономических показателей России с точки зрения устойчивости банковской системы и доступности инвестиционных ресурсов для реальной экономики, оценена текущая ситуация, сложившаяся в банковской системе на рынке финансовых услуг, в кредитно-денежной и валютной сфере, с точки зрения обеспечения устойчивости финансовых рынков для роста национальной экономики. Также были выявлены ключевые недостатки законодательного обеспечения и проблемные вопросы правоприменительной практики банковского регулирования кредитно-денежной и валютной сфер. Проведен анализ зарубежного опыта законодательного обеспечения банковского регулирования кредитно-денежной и валютной сфер. Разработаны предложения по совершенствованию законодательного обеспечения роли Центрального банка Российской Федерации в формировании и реализации кредитно-денежной и валютной политики.

В рамках мониторинга осуществлено исследование правоприменения трех федеральных законов: Федерального закона от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Федерального закона от 31.07.2020 г. № 249-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” и статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» и Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 26.03.2022 г.) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Здесь возникла проблема определения уровня удовлетворенности граждан принятыми мерами в сфере общественных отношений, входящих в предмет регулирования исследуемых законодательных актов. Первоначально исследователи пошли по пути поиска доступной информации, но в конечном итоге было принято решение разработать собственную анкету и провести тестирование по ней. Тестирование было организовано в виде гугл-формы, ссылка на которую направлялась коллегам, знакомым, размещалась в социальных сетях, группах многоквартирных домов и проч. Было протестировано более тысячи респондентов, а итог такого анкетирования автоматически формировался в EXCEL-таблицы, что было удобно для последующей обработки данных и анализа.

В нормативно-методической работе, выполненной для ФНС России, проведен анализ функциональности трех электронных сервисов на

предмет наличия издержек ФНС России и налогоплательщика при использовании сервисом, проведен анализ наличия издержек, возникающих при выполнении трех технологических процессов, прошедших процедуру process-mining, а также выполнена оценка влияния таких издержек на издержки налогоплательщика. Разработаны методы оценки издержек на примере выбранных для анализа электронных сервисов и технологических процессов. Изучен международный опыт оценки влияния электронных сервисов и технологических процессов на издержки (затраты). Разработана методология оценки издержек, образующихся в процессе деятельности ФНС России, в том числе в части администрирования крупнейших налогоплательщиков, а также оценки издержек, образующихся у налогоплательщиков в процессе взаимодействия с ФНС России, в том числе с использованием электронных сервисов.

Интересно определить среднюю стоимость одной страницы итоговых аналитических отчетов (без учета аннотаций и презентаций). Минимальная стоимость одной страницы составляла 2 239 руб. при выполнении государственного контракта в 2021 г., что было обусловлено первым опытом выполнения подобных работ и привело к значительному превышению объема подготовленного текста (более чем в два раза) по сравнению с минимальным значением, установленным в государственном контракте. В 2022 г. минимальную стоимость в расчете на одну страницу (2 643 руб.) имел государственный контракт по мониторингу законодательства, а максимальную (8 197 руб.) – государственный контракт, заключенный с ФНС России. Государственный контракт с ФНС России имел свою специфику и требовал разработки сложной методологии оценки издержек.

Общий объем выполненных работ за два года составил 2 486 страниц (без учета аннотаций и презентаций), а общая их стоимость – 8,5 млн руб. Все эти работы подлежали обложению НДС, т. к. являлись работами не научного характера, а экспертно-аналитического и нормативно-методического. Поэтому Тверской государственный университет заплатил в бюджет НДС на общую сумму чуть более 1,4 млн руб. Общее количество печатных вариантов работ в расчете на один экземпляр составило 11 томов, а электронные варианты итоговых аналитических отчетов состояли из 9 томов (частей). Государственный контракт по мониторингу законодательства предполагал подготовку трех самостоятельных итоговых аналитических отчетов, что потребовало представления общего итогового аналитического отчета в виде трех независимых частей в отношении каждого исследуемого федерального закона. Наоборот, государственные контракты по перспективным финансовым технологиям и критическим отраслям потребовали представления единых итоговых аналитических отчетов в трех и двух частях соответственно в распечатанных вариантах.

Опыт успешного исполнения государственных контрактов показал необходимость использования следующих стратегий:

1. Участие в конкурсах, где при оценивании победителей доля цены составляет не менее 60 %, и нет завышения цен предложения. Цена исполнения может быть в несколько раз меньше первоначальной цены.

2. Подбор заинтересованных и квалифицированных исполнителей и четкое распределение задания и ответственности между ними. Постоянный контроль за выполнением членами коллектива своих заданий. Координация и взаимодействие между членами коллектива при выполнении исследования.

3. Выполнение работ точно в соответствии с техническим заданием, учитывая все его мельчайшие элементы. Предоставление коллективу четкого задания с выделением необходимых элементов и моментов (акцентов), при этом нельзя ничего упустить. В итоговом аналитическом отчете все эти элементы должны быть выделены и отражены во введении и заключении. Достижение этого требует высокого структурирования работы.

4. Формирование для членов научного коллектива макетов, а в ряде случаев и «рабочих тетрадей» для заполнения, что облегчает работу, т. к. проще заполнять разработанные формы, чем изобретать новые. Это также стандартизирует однородные разделы и позволяет достигать полного соответствия представляемого материала техническому заданию. Такие макеты и «рабочие тетради» носят детализированный и структурированный характер, полностью учитывая нюансы технического задания.

5. Использование всевозможных средств визуализации информации, включая аналитические и сравнительные таблицы, матрицы, схемы, диаграммы, инфографику. Средства визуализации – это одновременно и средства формализации. Они должны быть представлены в цвете, что повышает степень восприятия информации и делает отчеты выгодно отличающимися по средствам своей выразительности.

6. Максимальная ориентация на качество исследования, научную и техническую вычитку материалов. Нельзя допускать орфографических ошибок, опечаток, описок и проч. Все это критически снижает восприятие материала и составляет у заказчиков негативное представление о качестве выполненных работ и отношении исполнителей к ним.

7. Постоянное взаимодействие с заказчиками в ходе выполнения работ, которое показывает ответственное отношение исполнителя к работе, письменное и устное уточнение у заказчика деталей и моментов, которые вызывают вопросы. В ходе такого взаимодействия следует показывать серьезность развернутых исследований, квалификацию исполнителей и контроль над ними. У заказчика должно сложиться

представление о том, что ему после завершения работ будет представлено высококачественное исследование.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что региональный вуз при правильно разработанной стратегии может эффективно конкурировать на рынке экспертно-аналитических и прочих исследований с крупными федеральными вузами, имеющими, как правило, большее количество высококлассных специалистов, лучшее материально-техническое обеспечение, связи и влияние в федеральных органах власти. Тверской государственный университет должен развивать и далее совершенствовать так называемую «третью миссию» университета – вклад вуза в общество, который может носить форму экспертной деятельности.

Об авторе:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

EXPERIENCE IN IMPLEMENTING GOVERNMENT CONTRACTS AT THE FACULTY OF LAW TVER STATE UNIVERSITY: RESULTS OF 2021-2022

A.N. Sukharev

Tver State University, Tver

Expert and normative-methodological activities are not directly related to research work, and universities cannot reflect such work performed as part of this in science reports. At the same time, these types of activities turn out to be no less important, since they can even more influence society, providing it with a specific immediate benefit. In this regard, expert and normative-methodological activities are the "third mission" of the university, where the first two are educational and scientific. The purpose of the article is to reveal the meaning of the "third mission" as a direction of activity of a higher educational institution. The objectives are to generalize the experience of implementing state contracts of Tver State University, to determine a successful strategy for their implementation. Research methods are comparative analysis and synthesis. The experience of conducting expert-analytical and normative-methodological research in the framework of the implementation of state contracts concluded by Tver State University with federal authorities is presented. The elements of a successful strategy for the implementation of such studies are outlined. It is concluded that a regional university, with a properly developed strategy, can effectively compete in the market of expert-analytical and other research with large federal universities, which, as a rule, have a larger number of highly qualified specialists, as a rule, better logistics, communications and influence in federal bodies. authorities. The experience of

conducting expert-analytical and normative-methodological research in the framework of the implementation of state contracts concluded by Tver State University with federal authorities is presented. The elements of a successful strategy for the implementation of such studies are outlined.

Keywords: *government contract, advanced financial technologies, legislation monitoring, financial market, Central Bank of the Russian Federation, sanctions regimes, critical important industries.*

About author:

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

Сухарев А.Н. Опыт реализации государственных контрактов на юридическом факультете Тверского государственного университета: итоги 2021–2022 гг. // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 117–125.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

Вопросы истории государства и права

УДК 378.4(470.331)

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.1.126

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА И НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования является процесс изменения роли негосударственных организаций в контексте изменения системы правовых статусов человека в Российской империи во второй половине XIX в. Цель исследования заключается в том, чтобы изучить нормативно-правовую сторону происходивших в России в рассматриваемый исторический период изменений системы правовых статусов человека и нормативной основы создания и деятельности негосударственных организаций, в т.ч. в контексте установления взаимосвязи между указанными процессами. Показывается взаимосвязь изменений нормативной базы деятельности негосударственных организаций и изменений социально-правовой организации страны. Сделан вывод о том, что в результате государственных мер в стране фактически сложилась система государственно-частного партнерства в нескольких важных для страны сферах.

Ключевые слова: правовой статус, нормативное регулирование, Российская империя, общественные организации, присяжные поверенные, частные учебные заведения, Императорское Православное Палестинское Общество.

Актуальность исследования заявленной темы определяется не только необходимостью анализа отечественного опыта нормативно-правового регулирования деятельности негосударственных организаций, но и практикой взаимодействия государственной власти и общественных организаций для решения актуальных задач развития страны. Представляет прикладной интерес также материал о функционировании негосударственных организаций в качестве одного из компонентов организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса человека.

Степень изученности отдельных аспектов темы можно оценить как

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 2023-0013 «Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в Тверском крае в XIX–XXI вв.».

высокую, однако комплексного анализа регулирования деятельности негосударственных организаций в контексте развития корпоративного статуса человека в рамках историко-правовой науки не проводилось.

Историография темы представлена трудами широкого круга авторов. Он включает в себя активных деятелей общественных организаций второй половины XIX в., представителей отечественной историко-правовой, исторической и некоторых других наук. Отечественная историография данной проблематики формировалась в течение последних полутора столетий. Явно недостаточной является степень исследования темы с позиций историко-правовой науки.

В частности, деятельность Императорского православного Палестинского Общества рассматривает в своих трудах широкий круг авторов – от активных участников его создания до современных ученых. Прежде всего необходимо назвать такие имена, как Е.А. Афанасьева, Л.Е. Горелова, Ф. Греков, А.А. Дмитриевский, С.Ю. Житенёв, А.В. Крылов, В.С. Павинский, Д.С. Семенов, Ф.И. Успенский, В.Н. Хитрово.

Предмет исследования составляют действия государства по нормативному оформлению деятельности негосударственных организаций и нормативному закреплению новой конфигурации системы правовых статусов человека в Российской империи.

Хронологические рамки исследования соответствуют второй половине XIX в., прежде всего периодам правления императоров Александра II и Александра III.

Методологию настоящей работы составляют примененные в рамках цивилизационного подхода диалектический, исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы.

Теоретическую базу исследования составляют научные достижения в общей теории права, философии права, теории конституционного (государственного) права.

Эмпирическую базу исследования составляют нормативно-правовые акты Российской империи рассматриваемого исторического периода, иные официальные документы и статистические материалы.

Научная новизна заключается в комплексном исследовании политики российского законодателя в отношении системы правовых статусов человека и в отношении деятельности негосударственных организаций в контексте реализации новых правовых возможностей, предоставленных государством своим подданным в рассматриваемый исторический период. Кроме этого, рассмотрение заявленной тематики осуществляется в рамках авторской модели сословной системы России.

В российском законодательстве, базирующемся на современной доктрине права, правовая сущность общественных объединений определяется через реализацию гражданами своего права на объединение [1]. При этом право на объединение входит в число основных конституционных прав личности.

В рассматриваемый исторический период в Российской империи система правовых статусов человека и система негосударственных организаций обладали значительным своеобразием. Соответственно, простое приложение к политико-правовой ситуации того времени современных принципов права не является ни целесообразным, ни продуктивным. Во второй половине девятнадцатого столетия в России продолжала существовать сословная система, центральное место среди правовых статусов человека занимал сословный статус.

Отметим, что целесообразность использования понятия «негосударственные организации» в настоящей статье в значительной степени объясняется широким значением понятия «общественные организации», которое в рассматриваемый период охватывало очень широкий круг организаций, включая организации с публично-правовой природой, такие, как сословные объединения, органы местного самоуправления и пр. В настоящей работе такие организации не входят в предметное поле. Автор счел возможным ограничиться упоминанием сословных корпораций в контексте сословного статуса человека.

Начавшаяся в России в ходе реформ 60–70-х гг. XIX в. постепенная отмена сословных привилегий и сословных ограничений способствовала частичному выравниванию правового положения различных сословий и субсословий, снижению значения сословного статуса. Отдельные исключительные права дворян были отменены или ограничены. Представители других сословий, наоборот, получили новые права, которые ранее были предоставлены лишь членам дворянского сословия.

Тем не менее дворянское сословие оставалось наделенным наибольшим объемом прав. Единый конституционный статус личности (в современном понимании этого феномена) не сложился. Учтем и тот факт, что выравнивание положения сословий не отменяло неравенства в имущественном положении представителей различных сословий и субсословий.

Другими словами, дворяне сохраняли определенный приоритет в доступе к новым возможностям организации общественной жизни, предоставленными законодателем в период правления императора Александра II. В рамках темы настоящей работы речь идет о правовых, организационных и материальных возможностях при создании негосударственных организаций, решающих санкционированные законодателем вопросы в различных сферах общественной жизни.

Если характеризовать систему правовых статусов человека в целом, то следует сделать вывод, что и в период правления императора Александра II, и в период правления императора Александра III сословный статус продолжал доминировать над всеми другими видами правовых статусов. Одним из следствий данного положения вещей является существование принципа обязательности членства в сословных корпорациях. Ряд прав человека, принадлежавшего к тому или иному

сословию, мог быть реализован только при наличии согласия сословной корпорации. Так, реализация права на поступление в военные и иные учебные заведения для крестьянина-общинника была возможна только при наличии согласия сельского общества как нижней ячейки сословной организации.

Исключение из сословной корпорации влекло ограничение дееспособности подданного. Например, исключение дворянина или крестьянина из состава дворянского или сельского общества делало невозможным его участие в судопроизводстве в качестве присяжного.

Тем не менее отечественный законодатель во второй половине XIX в. санкционировал определенные возможности для создания подданными негосударственных организаций различного рода на добровольной основе. В отношении некоторых видов организаций эти возможности были существенно расширены, а некоторые виды негосударственных организаций законодательно были признаны впервые в российской истории. Отметим сразу, что законодатель не пошел на санкционирование существования таких видов общественных организаций, как профессиональные союзы и политические партии.

В сфере образования законодатель устранил препятствия для создания частных учебных заведений. Собственно говоря, частные заведения существовали в Российской империи и ранее.

Наиболее активно частные образовательные организации действовали в сфере общего образования. В качестве примера можно назвать частные гимназии и пансионы. Они создавались еще в XVIII в. Так, частные пансионы были открыты в нескольких городах Российской империи: пансион де Вильнева, пансион Вейдемейера, пансион Вентурини, пансион Массона, пансион Ферре в Санкт-Петербурге, пансион Келлера, пансион Утгова, пансион Форсевиль в Москве, пансион Эллерта в Смоленске, пансион Лорансеня, пансион Манженя в Симбирске, пансион Розе в Оренбурге и др. [4] В первой половине XIX в. наибольшее количество их было открыто на территории Московского и Санкт-Петербургского учебных округов. Частные лица участвовали и в создании высших учебных заведений.

Во второй половине 1850-х гг. правительство устранило некоторые ограничения в отношении деятельности общественных организаций и частных лиц в сфере образования. Результат в виде созданных учебных заведений проявился достаточно быстро. Уже в 1864 г. в России насчитывалось 75 частных гимназий, 186 частных уездных училищ, около 600 частных начальных и приходских училищ, более 150 частных училищ при храмах «иностранных» вероисповеданий, работало более 1 300 домашних учителей [8].

Наиболее активно частная инициатива проявлялась на уровнях начального и среднего образования.

В научной литературе отмечается применительно к средним учебным заведениям, что они организовывались как общественными организациями, так и отдельными лицами. Подчеркивается, что частная школа рубежа XIX–XX вв. не была в состоянии конфронтации с государственной, а постоянно дополняла ее, расширяя количественно сеть учебных заведений и создавая их типовое многообразие. Не получая материальной помощи от государства, частная школа в истории России в основном зависела от отношения к ней в обществе [7].

Принципиально важным моментом являлось открытие частных педагогических учебных заведений. Одно из первых учебных заведений такого рода было открыто в Твери. Имеется в виду частная женская учительская школа П.П. Максимовича.

Можно констатировать факт, что именно благодаря частной и общественной инициативе в рассматриваемый период столь существенно продвинулось дело женского образования.

К середине XIX в. определенный опыт правового регулирования имелся и в отношении общественных организаций. Только под покровительством императорского дома действовало несколько организаций благотворительного характера. Прежде всего это созданный в XVIII в., реорганизованный в 1796–1797 гг., комплекс благотворительных учреждений, получивший в 1828 г. организационно-правовую форму Ведомства учреждений императрицы Марии и учрежденное в 1816 г. Императорское человеколюбивое общество.

В ходе своей деятельности Ведомство учреждений императрицы Марии было передано под управление императорской канцелярии, получило отдельные государственные полномочия, например, предоставление чинов государственной службы, но сохранило присущий общественной организации порядок финансирования и широкое представительство общественных деятелей. Эти обстоятельства позволяют определить статус Ведомства как специфическое, уникальное в своем роде государственное учреждение, действовавшее как благотворительная общественная организация [6, с. 190].

В правовом статусе и в организации деятельности названных благотворительных учреждений мы видим значительное государственное влияние. Более того, можно сказать, что оба учреждения были в значительной степени огосударствлены. Отчасти это объясняется важностью тех задач, на решение которых была направлена деятельность учреждений. Но в весьма существенной степени это явление обуславливалось стесненностью частной и общественной инициативы в первой половине XIX в. Устранение ряда административных барьеров на пути общественной инициативы во второй половине девятнадцатого столетия позволило создавать общественные организации с большей степенью самостоятельности в своей деятельности.

Также государственное участие присутствовало в деятельности

Императорского Русского Географического общества, учрежденного на основании именного императорского указа от 6 августа 1845 г. Этим указом утверждался представленный министром внутренних дел временный устав общества. Общество должно было находиться в ведении Министерства внутренних дел Российской империи. Предусматривалось регулярное финансирование деятельности общества «от щедрот монарших» [2].

В рассматриваемый период процесс создания общественных организаций шел достаточно интенсивно. Приведем несколько примеров. В 1864 г. было образовано Императорское Московское археологическое общество. Пост его главы занял великий князь Сергей Александрович. В отличие от Императорского Русского Географического общества указанное общество не получало регулярных государственных взносов. Лишь с 1872 г. государство стало выделять средства на финансирование археологических раскопок, организуемых обществом.

Одной из самых известных общественных организаций, созданных в рассматриваемый период, является Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО). Устав Православного Палестинского общества был утвержден императором Александром III 8 мая 1882 г. Общество было создано, как указывается в его уставе, с ученой и благотворительной целями.

Создание ИППО было подготовлено многолетними усилиями многих российских политических и общественных деятелей. В их числе необходимо назвать великого князя Константина Николаевича, продвигавшего проект создания в Святой Земле инфраструктуры по приему паломников и поддержке православия. Таким образом, учреждение Императорского Православного Палестинского Общества явилось шагом по закреплению цивилизационного присутствия России на Ближнем Востоке [5].

В регионах Российской империи были открыты отделы ИППО. Это способствовало привлечению общественных деятелей к работе общества.

Общество проводило научную и просветительскую работу. С 1881 г. издавался Православный Палестинский сборник в качестве периодического научного издания. В 1887 г. ИППО организовало собственную библиотеку на базе приобретенного личного книжного собрания В.Н. Хитрово [10, с. 308].

Сравнивая организационно-правовую природу Императорского Московского археологического общества и ИППО, созданных во второй половине XIX в., и общественных организаций первой половины XIX в. (Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское человеколюбивое общество, Императорское Русское Географическое общество), мы видим как сходные характеристики, так и различия. С

одной стороны, все общества организованы для содействия в достижении целей, важных как для российского общества, так и для российского государства. В деятельности всех общественных организаций заметно государственное присутствие. Все организации состояли под своеобразным патронатом императорского дома Романовых. Их уставы предусматривали возможность занятия поста председателя общества членом императорской фамилии. Вместе с тем государственное финансирование среди источников средств ИППО отсутствует. Мы можем сделать вывод о большей финансовой самостоятельности обществ второй половины XIX в. по сравнению с некоторыми обществами, учрежденными в первой половине XIX в. Очевидно, это определялось позицией законодателя того времени.

В ходе милосердно-благотворительной и просветительской деятельности духовенства Русской Православной Церкви использовались различные организационные формы, включая создание или поддержку деятельности благотворительных и просветительских обществ. Речь идет о краеведческих и естественноисторических музеях, библиотеках, народных читальнях, богадельнях ...

В числе наиболее «показательных» с точки зрения межсословного характера негосударственных организаций рассматриваемого периода находятся корпорации присяжных поверенных. Создание объединений поверенных по округам судебных палат было предусмотрено законодателем в ходе судебной реформы 1864 г. Нормативную основу организации и деятельности советов присяжных поверенных составили, прежде всего, положения Учреждения судебных установлений [9, с. 8]. Относительно социального состава объединений присяжных поверенных можно привести цифры по московской корпорации присяжных. Согласно им 20% присяжных поверенных принадлежало к субсословию мещан сословия городских обывателей, а 4% присяжных – к сословию сельских обывателей (крестьян) [3].

Во второй половине XIX в. законодатель существенно изменил нормативную базу создания и функционирования негосударственных организаций. Это изменение шло одновременно с мерами, предпринятыми государственной властью по модернизации социально-правовой организации Российской империи. В результате государственных мер в стране фактически сложилась система государственно-частного партнерства в нескольких важных для страны сферах: здравоохранение, образование, наука, социальное призрение и др. Общественные организации взяли на себя согласно позиции законодателя функции по судебной защите, благотворительности, просветительству и некоторые другие.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ст. 1) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Временный устав Русского Географического общества, утвержденный именным указом от 6 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1846. № 19 259.
3. Благодетелева Б.Д. Московская корпорация присяжных поверенных: формирование профессиональной группы (1866–1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 14.
4. Емельянова А.В. Мемуары о частных пансионах в России XVIII в.: биографии авторов // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 136–152.
5. Житинёв С.Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке // Культурное наследие России. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnoe-prisutstvie-rossii-v-mire-k-135-letiyu-nachala-deyatelnosti-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-obschestva-v-2/viewer> (дата обращения: 25.02.2023).
6. Купреев Д.В. Особенности правового статуса и юридической природы благотворительных ведомств императрицы Марии Федоровны // Общество и право. 2006. № 2 (12). С. 188–190.
7. Литарова Н.В. Частные средние учебные заведения в системе образования России конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. пед. наук [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/chastnye-srednie-uchebnye-zavedeniya-v-sisteme-obrazovaniya-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-vek> (дата обращения: 25.02.2023).
8. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. СПб.: М-во нар. прос., 1902. С. 459–460.
9. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. XXXIX. № 41 475.
10. Чумакова Т.В., Терюкова В.А., Шахнович М.М. История книжного собрания Императорского Православного Палестинского общества в 1917 – 1954 гг. / Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 307–331 [Электронный ресурс]. URL: <https://roii.ru/r/1/59.19> (дата обращения: 25.02.2023).

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

**THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY
IN THE RUSSIAN EMPIRE: A FEW ISSUES REGARDING
THE DEVELOPMENT OF CORPORATE LEGAL STATUS
AND THE NORMATIVE REGULATION OF NON-
GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS' ACTIVITIES**

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The object of the study is to consider how non-governmental organizations changed their function as the Russian Empire's legal status system for a person evolved in the latter half of the 19th century. The purpose of this research is to consider the regulatory and legal aspects of the changes to Russia's system of legal statuses for individuals and the regulatory framework for the establishment and operations of non-governmental organizations during the historical period under consideration, including the interrelation between these processes. The article illustrates the connections between adjustments to the nation's social and legal system and the legal framework regulating non-governmental organizations' activities. It is concluded that as a result of government initiatives, a system of public-private partnerships has truly emerged in a number of crucial areas for the nation.

Keywords: *legal status, normative regulation, Russian Empire, public organizations, sworn attorneys, private educational institutions, Imperial Orthodox Palestinian Society.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Некоторые вопросы развития корпоративного правового статуса и нормативного регулирования деятельности негосударственных организаций в Российской империи во второй половине XIX в. // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 126–134.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.61/.64

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.1.135

О ПОНЯТИЯХ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОГЛАСИЯ

Е.П. Титаренко

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул

Объектом исследования являются следующие понятия семейного права: согласие, соглашение, договор. Целью настоящего исследования является определение лексического значения, соотношения указанных понятий, правовых форм «согласия», регламентированных в СК РФ. Обосновывается приоритетность индивидуального правового регулирования с использованием договорных конструкций, поскольку такое регулирование является более гибким по сравнению с законодательным. Сформулирована позиция автора о значении индивидуального регулирования семейных отношений, о том, что соглашение и договор являются формой согласия, о необходимости исключения из текстовой редакции принципа семейного права «разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию» прилагательного «взаимный».

Ключевые слова: *согласие, соглашение, договор, взаимное согласие, семейные отношения.*

Действующее семейное законодательство, включая Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [2], широко использует такие понятия, как «согласие», «соглашение», «договор», которые, являясь близкими по смысловому значению, в юриспруденции имеют отличия, определяемые содержанием этих понятий, правовыми последствиями их применения. Такое терминологическое разнообразие требует своего анализа, сравнительной характеристики и определения целесообразности использования Семейным кодексом РФ.

Начать рассуждения, полагаем, нужно с исследования лексического значения этих терминов, поскольку оно не может не учитываться законодателем при осуществлении правового регулирования. Нужно заметить, что лексическое значение термина «согласие», используемого СК РФ, отличается от других терминов (договор, соглашение) большим разнообразием. Понятие «согласие», не имеет значение, в какой сфере оно используется, означает отсутствие конфликта, претензий, спора.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет согласие так:

1) подтверждение или разрешение в ответ на просьбу, приказ или вопрос;

2) единство мнений, точек зрения;
3) гармоничность, соразмерность; отсутствие противоречий, конфликтов [11].

Как видно, в пункте 1 под согласием понимается одобрение кем-либо действия, поведения, мнения иного субъекта. Другими словами, это действие одностороннее, не предполагающее договоренности по каким-либо вопросам.

Также под согласием понимается и результат договоренности – единство воли по каким-либо обсуждаемым вопросам (пункт 2). Здесь обязательно наличие нескольких субъектов, которые путем обсуждения, дискуссий и т. д. пришли к единому мнению, достигли согласия. Если использовать юридическую терминологию, то можно назвать такое согласие двусторонним или многосторонним актом.

В пункте 3 представлено еще одно значение термина «согласие» – гармония, отсутствие противоречий, конфликтов. Здесь, на наш взгляд, имеется в виду состояние единства, гармонии, в котором находятся субъекты отношений.

Разнообразие лексических значений данного термина предопределило и многообразие правовых форм его воплощения в нормах СК РФ. В подавляющем большинстве случаев СК РФ использует термин «согласие» в значении «одобрение чего-либо, подтверждение или разрешение в ответ на просьбу, позволение совершить какое-либо действие». Другими словами, термин «согласие» используется в СК РФ как односторонний акт, совершая который лицо выражает свое положительное (при возражении отрицательное) отношение к определенному юридическому действию другого лица. Так, согласно ст. 17 СК РФ муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка и т. п. (ст. 15, 21, п. 2 ст. 22 СК РФ и т. д.).

При этом важно заметить, что «согласие» в рассматриваемом значении, хоть и может быть названо односторонним актом, всегда взаимно. Субъект правоотношений, дающий согласие, выражает свою реакцию (положительную или отрицательную) в ответ на какую-либо просьбу другого лица. Выражающий согласие не совершает действие сам по себе, изолированно от других субъектов, а наоборот, содержание его согласия предопределено содержанием просьбы другого субъекта.

В ряде случаев СК РФ предусматривает, что легитимность действия одного лица зависит от наличия согласия на совершение этого действия несколькими лицами, каждое из которых действует самостоятельно, независимо от мнения и воли другого лица, которое также выражает свое индивидуальное согласие или несогласие. Здесь тоже присутствует взаимность, однако не между лицами, дающими согласие, а между лицом, которому это согласие необходимо, и лицами, которые его выражают. Все лица, дающие согласие, реагируют на просьбу лица,

которому это согласие необходимо. Перечень лиц, чье согласие требуется, не произвольно придуман законодателем, а предопределен субъектным составом конкретного семейного правоотношения. Так, согласно ст. 15 СК РФ «медицинское обследование лиц, вступающих в брак, ... проводится ... с согласия лиц, вступающих в брак». В данной норме четко определен состав субъектов, чье согласие на медицинское обследование необходимо получить медицинской организации системы здравоохранения.

В ряде случаев законодатель подразумевает наличие согласия (презюмируемое согласие), не требуя выражения согласия вове определенные способы, в определенной форме. Примером таких случаев могут служить положения п. 2 ст. 35 СК РФ, в соответствии с которыми при совершении сделки по распоряжению общим имуществом одним из супругов, предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Необходимо заметить, что согласие в анализируемом значении понимается в целом ряде случаев СК РФ и тогда, когда данный термин вообще не употребляется в правовой норме. Речь идет о нормах СК РФ, содержащих словосочетание «учет мнения ребенка»: при решении в семье любого вопроса (ст. 57 СК РФ), в том числе вопросов воспитания и образования детей (п. 2 ст. 65 СК РФ), при назначении опекуна (попечителя) (п. 4 ст. 145 СК РФ) и др. Можно сказать, что «в данных нормах речь идет об особом виде согласия» [8, с. 23].

Термин «согласие» в иных двух значениях, указанных в данной статье, используется СК РФ исключительно в сочетании с прилагательными «взаимный», «обоюдный». Несмотря на то что «согласие» всегда имеет качество взаимности, использование названных прилагательных обусловлено, как нам кажется, желанием законодателя отличать «согласие» в значении «односторонний акт» от двустороннего или многостороннего акта, а также для того, чтобы выделить состояние согласия в отдельную базовую категорию семейного права, на которой основываются большинство принципов семейного права, указанных в п. 1 ст. 1 СК РФ. Однако акцент на взаимности кажется нам излишним, поскольку в значении термина «согласие» взаимность заложена изначально.

При этом необходимо заметить, что прилагательные «взаимный», «обоюдный», употребляемые в сочетании со словом «согласие», существенно сужают лексическое значение последнего. За подтверждением данного тезиса также обратимся к толковому словарю русского языка. «Взаимное согласие» в нем определяется так:

- 1) обоюдный, оказываемый друг другу. Взаимная помощь;
- 2) мирные, дружественные отношения, консенсус;
- 3) соглашение, взаимная договоренность, общность взглядов, мнений [5].

СК РФ использует сочетание «взаимное согласие» в следующих значениях: особое состояние между людьми, названное в толковых словарях как отношения единства, гармонии, согласия; мирные дружественные отношения; а также согласованность воли по конкретному вопросу, консенсус, соглашение. Итак, в первую очередь, «взаимное согласие» означает состояние единства, гармонии, согласия между членами семьи, которое является содержанием принципа семейного права «разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию» (п. 3 ст. 1 СК РФ).

Акцент на взаимном согласии в содержании принципа семейного права, бесспорно, верен. Однако, мы полагаем, что, определив возможность разрешения вопросов семейной жизни по взаимному согласию, СК РФ вывел из пределов действия данного принципа «согласие» как односторонний акт, что вряд ли согласуется с существом семейных отношений. Как указывалось выше, в целом ряде случаев реализация семейных прав и исполнение семейных обязанностей невозможны: без одобрения, разрешения одним субъектом действий другого; без учета мнения ребенка, а это особый вид согласия. Наличие в семье согласия во всех трех значениях, указанных выше, является показателем добрых, дружественных отношений между ее членами, основанных на чувствах взаимной любви и уважения, о чем говорится в п. 1 ст. 1 СК РФ. В связи со сказанным предлагаем скорректировать вербальную конструкцию принципа семейного права – «разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию», убрав из его содержания прилагательное «взаимный». «Разрешение внутрисемейных споров по согласию» кажется нам более корректным с точки зрения учета всех возможных лексических значений термина «согласие», так необходимого в целом ряде случаев для добровольного осуществления семейных прав и надлежащего исполнения семейных обязанностей.

Еще одно значение сочетания «взаимное согласие», используемое СК РФ, – это двусторонний акт, взаимная договоренность, консенсус, соглашение. Другими словами, законодатель, показывая как важно разрешение вопросов семейной жизни по взаимному согласию, допускает и даже приветствует заключение субъектами семейных отношений двусторонних актов, которые он называет «взаимное согласие», «соглашение», «договор». Так, согласно п. 1 ст. 12 СК РФ для заключения брака необходимо взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак; для расторжения брака в органах ЗАГСа требуется взаимное согласие супругов и отсутствие общих несовершеннолетних детей (п. 1 ст. 19 СК РФ), а также иные случаи (п. 2 ст. 101 СК РФ; п. 1 ст. 114 СК РФ, ст. 144 СК РФ).

В остальных случаях, подразумевая двусторонний акт, СК РФ использует термины «договор», «соглашение». Последнее используется гораздо чаще, чем сочетание «взаимное согласие» или термин «договор».

Впервые оно встречается в ст. 5 СК РФ, где, как нам кажется, законодатель вкладывает в это слово особое значение – правовая конструкция, с помощью которой члены семьи могут регулировать свои семейные права и обязанности. Здесь акцентируется внимание на крайне важном для субъектов семейных правоотношений в частности и семейного права в целом элементе механизма правового регулирования – «соглашении».

Примечательно и то, что данная статья расположена в Разделе I СК РФ, названном «Общие положения». Данный тезис дает право заявить, что законодатель допускает и одобряет индивидуальное правовое регулирование при решении разных вопросов семейной жизни: «В случае, если отношения между членами семьи не урегулированы семейным законодательством или соглашением сторон, и при отсутствии норм гражданского права, прямо регулирующих указанные отношения, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяются нормы семейного и (или) гражданского права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона)». Наш тезис может быть дополнен ссылкой на п. 1 ст. 7 СК РФ, в соответствии с которым закон наделяет субъектов семейных отношений правом по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им семейными правами, в том числе правом использовать договорные средства для решения внутрисемейных вопросов.

Термин «соглашение» также используется в СК РФ как признак, означающий единство воли, согласие: «Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения» (ст. 40 СК РФ).

Во всех остальных случаях термин «соглашение» употребляется в СК РФ как взаимная договоренность – двусторонний семейно-правовой акт. Так, в ст. 23 СК РФ говорится, что при расторжении брака в судебном порядке супруги могут представить в суд соглашение о детях, ст. 38 СК РФ называет соглашение о разделе общего имущества супругов, соглашение об уплате алиментов (ст. 99 СК РФ) и другие случаи. В целом ряде норм данный термин употребляется при дублировании наименования указанных выше соглашений (ст. 89–91 и т. д.).

Мы полагаем, что в каком бы значении СК РФ не использовал термин «соглашение», его можно назвать одной из форм выражения согласия, когда субъекты путем переговоров, обсуждений пришли к единому мнению, достигли консенсуса, результатом чего явилось соглашение. Подтвердить данный тезис мы бы хотели ссылкой на ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая, как это не удивительно, не содержит термин «договор», а использует термин «соглашение», несмотря на то, что именно договор в гражданском праве называется средством индивидуального

регулирования. Законодатель совершенно обосновано делает акцент на согласованности воли и достижении единства мнений по конкретным условиям договора, что в ст. 420 ГК РФ называется соглашением.

Что касается термина «договор», то он достаточно часто встречается в СК РФ. Анализ всех случаев употребления СК РФ данного термина позволяет заявить, что в ряде норм термин «договор» означает двусторонний акт иной отраслевой принадлежности: международный договор (ст. 6, 126.1, 165 СК РФ), гражданско-правовой договор (п. 2 ст. 46, ст. 112 СК РФ).

В остальных случаях термин «договор» употребляется в сочетании со словом «брачный», а также в наименовании отдельных актов: договор об осуществлении опеки и попечительства, договор о приемной семье, договор о патронатной семье, если он предусмотрен законами субъектов РФ (п. 6 ст. 145 СК РФ).

Можем предположить причину выбора данного термина применительно к брачному договору. Вероятно, законодатель использовал данный термин для того, чтобы отграничить «брачный договор» от «взаимного согласия» на заключение брака, предусмотренного п. 1 ст. 12 СК РФ. Договорная природа брака признается юридическим научным сообществом за редким исключением и с разницей во мнениях относительно вида договора, лежащего в основе брака. Так, О.Ю. Ильина считает, что, вступая в брак, мужчина и женщина заключают договор о совместной деятельности [8, с. 14]. М.В. Антокольская полагает, что вступающие в брак лица заключают соглашение о вступлении в брак [3, с. 124]. Ю.Ф. Беспалов называет брак союзом мужчины и женщины [4, с. 211]. Напротив, Е.В. Горденюк, несмотря на совершенно очевидную, на наш взгляд, позицию СК РФ о признании договорной природы брака, отрицает ее [6, с. 138].

Что касается наименования ряда конструкций, используемых СК РФ и содержащих в названии термин «договор» (договор об осуществлении опеки и попечительства, договор о приемной семье, договор о патронатной семье), то можно сделать следующее предположение. В литературе выделяют так называемые организационные отношения, относящиеся к предмету правового регулирования семейного права [10, с. 8], и направленные на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников [9, с. 45]. К таким отношениям ученые относят, в частности, отношения по выявлению и учету детей, оставшихся без попечения родителей [10, с. 8].

Профессор О.Ю. Ильина обращает внимание на проблему сочетания в семейном праве частного и публичного интересов, требующую решения, «которое выражается в необходимости определения оптимального варианта границ, или рамок частноправовых приоритетов и недопустимости противопоставления публичных и частных интересов друг другу» [7, с. 37]. В этой связи, полагаем, обоснован выбор

законодателем термина «договор» применительно к оформлению отношений по осуществлению опеки и попечительства, созданию приемной семьи, поскольку данные отношения являются публичными и находятся под контролем государства. Термин «договор» в данном случае в большей степени, чем «взаимное согласие» или «соглашение», отражает публичный характер этих отношений. «Соглашение», наоборот, на наш взгляд, отражает лично-доверительный характер связей внутри семьи, который влияет на виды соглашений, заключаемых субъектами семейных отношений, их содержание.

Резюмируя все сказанное выше можно констатировать следующее. Лексическое значение понятия «согласие» означает: во-первых, одобрение (неодобрение), разрешение; во-вторых, состояние мира, взаимопонимания; в-третьих, единство мнений, результат договоренности. Однако согласие, в каком бы значении оно не использовалось СК РФ, всегда взаимно. Даже тогда, когда речь идет об одностороннем акте, взаимность проявляется в том, что соглашающийся принимает чье-то мнение, выраженное другим субъектом.

СК РФ использует термин «согласие» только в значении «одобрение (неодобрение), разрешение в ответ на просьбу». При этом правовые формы согласия, используемые СК РФ, весьма разнообразны: прямое указание на необходимость получения согласия, презюмируемое согласие, учет мнения ребенка как особая форма согласия.

Термин «соглашение» впервые встречается в ст. 5 СК РФ, обозначая договорные средства регулирования семейных отношений их участниками, расширяя тем самым диспозитивное начало в семейном праве, ориентируя участников семейных отношений на самостоятельное решение внутрисемейных вопросов. Данный термин встречается при наименовании ряда семейных актов, имеющих лично-доверительный характер, и означает результат договоренности по всем существенным для сторон условиям.

Термин «договор» используется СК РФ при наименовании двусторонних актов иной отраслевой принадлежности: гражданско-правовые договоры, международно-правовые договоры. Также он встречается в наименовании некоторых договоров, имеющих публично-правовой характер (договор о приемной семье, договор об осуществлении опеки и попечительства и др.).

Список литературы

1. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143 «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
2. Федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223 «Семейный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М.: Юрист, 1996. 336 с.

4. Беспалов Ю.Ф., Якушев А.П. Гражданское право в схемах: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 288 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / п/р С.А. Кузнецова. Спб.: Норинт, 1998. 1536 с.
6. Горденюк Е.В. Брак и договор: сравнительно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 138–141.
7. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
8. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.
9. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. 490 с.
10. Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; п/р П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 243 с.
11. Толковый словарь Ожегова С.И. онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29636> (дата обращения: 18.12.2022).
12. Штыков Д.В. Категория «согласие» среди основных понятий в семейном праве РФ: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03: утв. 26.08.2010. М., 2010. 207 с.

Об авторе:

ТИТАРЕНКО Елена Петровна – старший преподаватель кафедры Трудового, экологического права и гражданского процесса ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (656049, пр. Ленина, 61, Барнаул, Россия), SPIN-код: 4550-3230, AuthorID: 848141, e-mail: eptitarenko@bk.ru

ON THE CONCEPTS OF FAMILY LAW IN THE CONTEXT OF MUTUAL CONSENT

E.P. Titarenko

Altai State University, Barnaul

The object of research is the following concepts of family law: consent, agreement, contract. The purpose of this study is to determine the lexical meaning, the correlation of these concepts, the legal forms of "consent" regulated in the RF IC. The priority of individual legal regulation using contractual structures is substantiated, since such regulation is more flexible than the legislative one. The author's position is formulated on the importance of individual regulation of family relations, that an agreement and a contract are a form of consent, on the need to exclude the adjective "mutual" from the text edition of the principle of family law "resolving intra-family issues by mutual consent".

Keywords: *consent, agreement, contract, mutual consent, family relations.*

About author:

TITARENKO Elena – Senior Lecturer of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure of the Altai State University (656049, Lenin Ave., 61, Barnaul, Russia), SPIN-code: 4550-3230, AuthorID: 848141, e-mail: eptitarenko@bk.ru

Титаренко Е.П. О понятиях семейного права в контексте согласия // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 135–143.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 1 (73), 2023

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 20.03.2023. Выход в свет 20.03.2023.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,37.

Тираж 500 экз. Заказ № 41.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*